

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Во градѣ Святаго Петра
1794 года.
Цѣна безъ перепл. 1 р. 10 коп.

Съ дозволенія указнаго.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

ПИСЬМО LXIV.

Генриетта Биронъ къ темъ же.

Въ понедѣльникъ 17 Апрѣля.

Милади Г.... съ нами разпрощалась, *Г. Ревсъ* сего дня приглашень былъ къ *Милади Вилліамсъ*; а Графиня застала насъ дома однихъ, *Гжу. Ревсъ* и меня.

Въ самую ту минуту какъ она вошла сердце мое поколебалось и сіе смущеніе еще болѣе умножилось въ то время когда мы начали пить съ *Гж. Ревсъ* чай. Взоры ея оказывали такую благопривѣтливость, что я оную сладостно ощущала въ моемъ сердцѣ. Въ глазахъ ея, кажется мнѣ, читала я слѣдующее: Вы не должны болѣе питаться надеждою, *Миссъ Биронъ*, и я думаю что вскорѣ будете мнѣ принадлежать.

Но по окончаніи завтрака она не утомляла уже меня болѣе. Я ясно усматриваю ваше замѣшательство, любезная *Миссъ*, сказала она мнѣ съ весьма нѣжнымъ видомъ и весьма о васъ соболѣзную, видя умноженіе онаго; но оно подаетъ мнѣ знать, что *Сиръ Карль* далъ мнѣ свое слово. Я въ томъ нимало не сумнѣваюсь; поелику весьма не удивительно, любезная моя, что вы возымѣли къ нему склонность. Ибо какъ по обхожденіямъ такъ и виду онъ самый любезный человѣкъ. Женщина исполненная добродѣтелью и честностію можетъ его любить, не навлекая на себя чрезъ то ни малѣйшей укоризны. Но весьма бесполезно хвалить мнѣ его предъ вами, ниже вамъ, *Гжа. Ревсъ*.

Однако надлежитъ васъ увѣдомить, продолжала она, что мнѣ предлагаютъ за моего сына такую невѣсту, о коей я имѣю весьма хорошее мнѣніе, но я бы не въ примѣръ еще лучшее имѣла, любезная моя, естлибъ никогда васъ не знала. Я говорила о томъ *Милорду*. Вамъ не безъизвѣстно, что я чрезвычайно желаю видѣть его сочетавшимся законнымъ бракомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что до того времени пока будетъ имѣть хотя нѣкую надежду понравиться *Миссъ Биронъ*, и слышать не желаетъ инныхъ предложеній сего рода. Согласенъ ли ты, сказала я ему, чтобъ я прямо отнеслась къ *Кавалеру Грандиссону* въ томъ, дабы узнать его намѣренія отъ самого его? Его почитаютъ самымъ откровеннѣйшимъ изъ человѣковъ. Ему небезъизвѣстно, что наше свойство толикоже безпорочно какъ и его, и что нашъ союзъ не можетъ нанести ни малѣйшаго безчестія и самой знатнѣйшей фамилій въ Королевствѣ. Я признаюсь, что сей вопросъ можетъ показаться весьма отважнымъ между такими особами, кои знакомы токмо по одному имени. Однако

Сиръ Карлъ есть такой человекъ, съ коимъ я принимаю великое удовольствіе говорить откровенно.

Милордъ усмѣхнулся отъ сего моего предложенія; но я видя что онъ нимало тому не противился, поѣхала къ *Сиру Карлу* и безъ всякаго затрудненія съ нимъ изъяснилась.

При семъ Графиня замолчала. Она весьма проникательна. Она посмотрѣла на насъ, на Гжу. *Ревсъ* и на меня. И такъ, Сударыня, сказала ей моя сестрица съ видомъ изъясляющимъ любопытство; пожалуйста доканчивайте. Чтожъ касается до меня, *Люція*, то нетерпѣливость знать оное, не позволила мнѣ сказать ни единого слова.

Третьяго дня случилось его, возразила она. И самымъ искусный живописецъ не въ состояніи представить толико плѣнительной картины о смертной, каковую *Сиръ Карлъ* изобразилъ мнѣ о васъ. Онъ говорилъ мнѣ о тѣхъ обязательствахъ, кои понуждаютъ его отправляться въ путь. Онъ превозносилъ похвалами ту особу, которая составляетъ предметъ его путешествія; онъ равномѣрно восхвалялъ брата, коего онъ съ великою нѣжностію любить: онъ говорилъ съ страшною любовію о всей той фамиліи. Одинъ Богъ сказалъ онъ мнѣ, извѣстенъ о моемъ жребіи. Я буду поступать по великодушію, справедливости, или лучше сказать положусь на Провидѣніе. Послѣ сей благородной откровенности, я его спросила, надѣется ли онъ въ предположеніи щастливаго выздоровленія, чтобъ иностранка была его супругою? Я ничемъ не ласкаюсь, отвѣчалъ онъ мнѣ. Я отъѣзжаю безъ всякой надежды. Естьли тѣ вспомошествованія, кои я стараюсь приложить, возвратятъ столь драгоценное для меня здоровье, и естьли болѣзнь ея брата, коего я не менѣе люблю, нѣсколько умалится, то моя радость будетъ превыше моего чаянія. Прочее же оставляю я на Провидѣніе. Случай не можетъ отъ меня зависѣть.

Изъ сего то должна я заключить, Г. мой, сказала я ему, что вы никакого не имѣете обязательства съ *Миссъ Биронъ*.

При семъ, я не могу тебѣ сказать, любезная *Люція*, сама ли по себѣ остановилась Графиня или для наблюденія насъ; ибо я не въ состояніи была преодолѣть такого движенія, кое меня со всемъ смутило. Она примѣтила мое замѣшательство. Она у меня спрашивала, куда я хочу идти, представляя мнѣ что она прекратитъ рѣчь свою, естьли ея повѣствованіе мнѣ тягостно. Я придвинула свой стулъ къ ней какъ можно ближѣ, наклоня голову позади ея стула и закрывъ половину лица, такъ что видны были одни только глаза. Она встала. Нѣтъ, сударыня, сказала я ей, не вставайте, продолжайте; пожалуйста продолжайте. Вы привели меня въ чрезвычайное любопытство. Позвольте мнѣ остаться на моемъ мѣстѣ и не беспокойтесь о мнѣ. Такъ, сударыня, сказала гжа. *Ревсъ*, которая не менѣе меня пылала любопытствомъ, какъ она мнѣ послѣ въ

томъ призналась, продолжайте и позвольте моей сестрицѣ остаться въ своемъ положеніи: чтожь на сіе отвѣчалъ *Сиръ Карлъ*?

Дражайшая моя *Миссъ*, возразила Графиня, садясь и говоря мнѣ, я хочу напередъ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ; ибо я не желаю никого оскорблять.

О сударыня! Вы совершенно къ тому неспособны, отвѣчала я ей. Но въ чемъ состоитъ сей вопросъ?

Неужели *Кавалеръ Грандиссонъ*, любезная моя, никогда не дѣлалъ вамъ, совершеннаго объявленія?

Никакъ нѣтъ, сударыня.

И такъ я весьма обманута, естли онъ васъ не любитъ. Вотъ его отвѣтъ: въ такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ я теперь нахожусь, какоебъ впечатлѣніе ни могло произвести надо мною достоинство *Миссъ Биронъ*, но я почелъ бы себя недостойнымъ жизни, естлибъ старался привлечь ея къ себѣ склонность.

Ахъ *Люція*! Сколь благородно его поведеніе со мною оправдано!

И такъ, Г. мой, возразила Графиня, вы конечно не будете гнѣваться, естли мой сынъ приметъ намѣреніе увѣрять *Миссъ Биронъ*, что онъ не безъ достоинства и что его сердце совершенно ей предано.

Гнѣваться? Никакъ нѣтъ, сударыня, справедливость и честность совершенно мнѣ то запрещають. Дай Боже чтобъ *Миссъ Биронъ*, обрѣла въ щастливомъ бракосочетаніи все то благо, коего она достойна! Я слыхалъ что о *Милордѣ Д....* говорятъ весьма похвально. Имѣніе его соотвѣтствуетъ его породѣ. Онъ можетъ приносить честь своей матери.... чтожь касается до меня, коего всѣ чувствованія разсѣяны, которой не знаетъ того что сдѣлать можетъ, ниже помнить долгъ свой, то я весьма буду остерегаться привлекать въ неизвѣстность такую молодую особу, коей я удивляюсь и коея дружба столь для меня драгоцѣнна, наипаче когда я толикими прелѣстями нѣтъ ни чего такого, чтобы она должна почитать превыше себя.

Какое великодушіе, *Люція*! Колико оно меня тронуло! Отъ сего лице мое обливалось слезами въ то время когда я сокрывала оное позади кресель Графини. Но она продолжала въ словахъ *Сира Карла*.

Позвольте мнѣ, Сударыня, избавить васъ отъ дальнихъ вопросовъ, Изъ столь разборчиваго разговору конечно дойдетъ что ниестъ до *Миссъ Биронъ*. Но поелику я не извѣстенъ, какой получить успѣхъ мое путешествіе, то и повторяю что собственная моя честь и то, чемъ я обязанъ двумъ молодымъ особамъ равнаго почтенія достойнымъ, налагаетъ на меня такіе законы, кои позабыть было бы для меня весьма стыдно. И дабы совершенно открыть вамъ внутренность моего сердца, съ какимъ видомъ осмѣлился бы я появиться предъ честною женщиною, предъ вами, Сударыня, естлибъ въ то время когда справедливость и честность подвергаютъ меня къ тѣмъ должностямъ, коихъ исполненія

имѣютъ право отъ меня требовать, способенъ я былъ признаться въ другихъ желаніяхъ, и держать въ недоумѣніи другую женщину до объясненія моего жребія. Нѣтъ, Сударыня, я лучше соглашусь умереть, нежели помрачить себя симъ недостойнымъ поступкомъ. Я знаю свои разположенія, присовокупилъ онъ; но *Миссъ Биронъ* свободна. Италіанка, коей нещастіе призываетъ меня въ Болонію, равномѣрно свободна. Путешествія же моего отложить ни какъ нельзя; но я ни какихъ не дѣлаю съ самимъ собою условій; и взирая на свой долгъ нахожу мою благодарность въ томъ удовольствіи, когда оный исполню.

Графиня перемѣнилась въ своемъ голосѣ повторяя благородныя сіи слова. Она присовокупила къ тому нѣкіе знаки удивленія о свойствѣ героя. Потомъ, возвратясь опять къ своему повѣствованію продолжала; я его тогда спросила, не ужели по всѣмъ тѣмъ признакамъ, кои совершенно почти заставляютъ думать, что онъ не возвратится изъ Италіи не сочетавшись бракомъ, и по столь хорошему мнѣнію въ пользу моего сына, не явитъ онъ мнѣ своего ходатайства у той любвидостойной *Миссъ Биронъ*, кою онъ иногда называлъ своею сестрою, и надъ коею сіе званіе подаетъ ему нѣкое вліяніе? Онъ отвѣчалъ мнѣ: сіе предложеніе, сударыня, показываетъ то высокое мнѣніе, которое вы имѣете о *Миссъ Биронъ* и коего конечно признаете сами, что она достойна: но могу ли я приписать себѣ безъ чрезвычайной неосмотрительности то вліяніе, кое вы предполагаете во мнѣ надъ ея разумомъ, когда у ней ей есть родственники столько же ея достойные, сколько и она ихъ?

Вы легко судить можете, любезная *Миссъ*, сказала мнѣ Графиня, что мое намѣреніе въ семъ вопросѣ состояло въ томъ, дабы испытать его сердце. Однако я просила у него за то прощенія и присовокупила, что я не почла бы себя увѣренною чтобъ онъ меня простилъ чистосердечно, естлибъ онъ не обѣщался мнѣ по крайней мѣрѣ увѣдомить *Миссъ Биронъ* о предметѣ моего посѣщенія.

Мнѣ кажется, *Люція*, что я нимало бы не досадовала, естлибъ онъ ее и не простилъ.

Теперь, любезная *Миссъ*, возразила ласковая Графиня, вы можете смотрѣть на меня безъ всякаго затрудненія и позвольте мнѣ видѣть прелѣстное ваше лице. И такъ она обратилась ко мнѣ; она взяла меня въ свои объятія; сдѣлала мнѣ нѣкую укоризну утирая на глазахъ моихъ слезы, поцѣловала меня въ щеку, и когда увидѣла что я пришла нѣсколько въ себя, то начала говорить мнѣ слѣдующимъ образомъ:

Любезная моя, прелѣстная моя *Миссъ Биронъ*... для чегожъ не могу я сказать дражайшая дочь моя, въ томъ смыслѣ, въ какомъ желаю? Ибо по сей или другой какой причинѣ, вы должны позволить мнѣ называть васъ симъ именемъ: скажите мнѣ теперь, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ говорите вы своей матери, имѣете ли вы какую ни есть надежду, что *Сиръ Карль Грандиссонъ* можетъ быть вашимъ супругомъ?

Ахъ! Сударыня, отвѣчала я ей съ великимъ замѣшательствомъ, не столько ли жестокой дѣлаете вы мнѣ вопросъ, какъ и ему самому сдѣлали?

Такъ, дражайшая *Миссъ*, столько же жестокой; я я равномѣрно готова просить прощенія у васъ, какъ просила и у него, если вы дѣйствительно говорите мнѣ, что онъ васъ оскорбляетъ.

Я объявила, Сударыня, и при томъ отъ искренности моего сердца, что я почитаю его обязаннымъ предаться своей иностранкѣ; и хотя въ самомъ дѣлѣ предпочитаю я его всѣмъ мною видѣннымъ, мужчинамъ, однако рѣшилась, если возможно, преодолѣть ту склонность, кою къ нему чувствую. Онъ обѣщавъ имѣть ко мнѣ дружество до тѣхъ поръ, пока оное можетъ быть принимаемо не помрачая другихъ привязанностей; и на семъ то ограничиваю я всѣ свои намѣренія.

Нѣтъ совершенно такой другой привязанности, возразила Графиня, съ коею бы столь чистая и непорочная дружба не могла согласоваться. Сынъ мой поспѣшитъ отъ искренности своего сердца оправдать оную. Онъ удивляется свойству и качествамъ *Кавалера Грандиссона*. Онъ почтетъ за сугубую себѣ честь, когда посредствомъ васъ соединится съ нимъ дружествомъ. Дражайшая моя, окажите равномѣрно свое дружество, но подъ самымъ нѣжнѣйшимъ именемъ, такому молодому человѣку, котораго вы найдете онаго достойнымъ. Чтожъ касается до меня, то я требую отъ васъ четвертаго мѣста въ вашемъ сердцѣ. О дражайшая моя! Какое щастіе можете вы составить своимъ союзомъ!

Вы весьма иного дѣлаете мнѣ чести, Сударыня. Вотъ все, что я могла ей отвѣчать.

Но, любезная *Миссъ*, вы должны мнѣ изъясниться. Я не требую отъ васъ сего засвидѣтельствованія.

Очень хорошо, Сударыня, я согласна изъясниться. Я почитаю честность: но сердце состоитъ не въ моей власти.

И такъ вы имѣете нѣкую надежду, любезная моя.... какъ бы то ни было, но я отъ васъ не отстану, если можно. Я никогда не почитала себя способною учинить вамъ такое предложеніе: но я почитаю васъ, такъ какъ и сынъ мой, безподобною въ свѣтѣ дѣвицею. Выслушайте меня: мы нимало не станемъ помышлять о предлагаемомъ намъ союзѣ до возвращенія *Сира Карла* изъ путешествія. Вы мнѣ однажды сказали, что предпочли бы моего сына всѣмъ тѣмъ, кои домогаются получить ваше сердце. Я не говорю о *Сирѣ Карлѣ*, которой привлекъ вашу склонность прежде, нежели вы насъ спознали; но обѣщаетесь ли вы выдти за моего сына, если *Кавалеръ* не возвратится холостымъ.

Я по истиннѣ ей призналась, что она приводитъ меня въ великое изумленіе. Какъ, сударыня! Не ужели я не потщусь извлечь себѣ какого ниестъ плода изъ того примѣру, которой вы мнѣ предлагали почти сію же минуту? Съ какимъ видомъ.... нѣкоего человѣка сказалъ, [а это тотъ

самый человекъ, коего вы заставили говорить слѣдующее:] съ какимъ видомъ появилась бы я предъ честною женщиною; предъ вами сударыня естлибъ способна была держать кого ниестъ въ недоумѣнїи?... Нѣтъ, сударыня, я лучше соглашусь умереть, какъ и Сиръ Карлъ, нежели помрачить себя сею недостойною поступкою. Но мнѣ кажется, сударыня, что вы мнѣ учинили сіе предложеніе, такъ какъ и ему, единственно для того дабы испытать мое сердце.

По истиннѣ, любезная моя, прервала она рѣчь мою съ нѣкимъ замѣшательствомъ, вы приносите мнѣ великое удовольствіе, подавая мнѣ способъ ко извиненію. Впрочемъ я говорила чистосердечно, и по сей то причинѣ должна почувствовать нѣсколько смущенія.

Какое благоразуміе, дражайшая *Люція*? Она приняла меня въ свои объятія и вторично поцѣловала обѣ мои щеки. Я хочу, сказала она мнѣ, нѣсколько себя оправдать: заблужденіе въ кое я поверглась, должно показать вамъ съ кольъ чрезвычайнымъ пристрастіемъ желала бы я видѣть васъ Графинею Д... но вы по своему достоинству заслуживаете такое титуло, коего я и вообразить себѣ не могу. Она спросила у меня, когда я намѣрена возвратиться въ Нортгэмптонширъ. Я объявила ей мое намѣреніе. И такъ вы не должны отъѣзжать не посѣтивши меня! А я вамъ общалась, что во время вашего посѣщенія сынъ мой вамъ не покажется. Теперъ я болѣе не желаю, чтобъ онъ съ вами увидѣлся, и обратясь къ *Гжѣ Ревсъ* сказала: естли онъ придетъ сюда безъ моего соучастія, Сударыня, то прошу васъ не позволить ему видѣться съ *Миссъ Биронъ*.

Я оказала ей чувствительную благодарность за толикое ея добродушіе. Она просила меня, чтобъ я писала къ ней письма въ небытность мою въ Лондонѣ. Сія прозьба приносила мнѣ толико чести, что я не могла ей въ томъ отказать. Сынъ ея, сказала она мнѣ усмѣхаясь, не болѣе будетъ видѣть мои письма, какъ и саму меня. Выходя отъ насъ она отозвала меня на минуту къ сторонѣ и сказала; я хочу признаться; что мнѣ никогда не случалось даже и въ такихъ обстоятельствахъ, кои наиболѣе впечатлѣны были въ моемъ сердцѣ, видѣть себя принужденною къ молчанію собственными моими изрѣченіями. Чтожъ дѣлать? Я пришла было лаская себя успѣхомъ. Когда надежда бываетъ равна почти желанію, то исполняются единныя токмо тѣ мѣчтанія, кои оную ласкаютъ. Страсти наши, любезная моя, обыкновенно преодолѣваютъ нашъ разумъ. Однако я знаю двухъ, коихъ можно изключить изъ сего правила, то есть: васъ и *Сира Грандиссона*.

По окончаніи сей рѣчи она, разпрощалась съ нами. Я избавлю тебя, любезная *Люція*, отъ всѣхъ размышленій коимъ я предалась, по причинѣ сего докучливаго хотя и ласкательнаго посѣщенія. Нѣтъ! дражайшая *Люція*, не для сихъ малозначущихъ прискорбій потребна мнѣ твердость духа и усиліе къ преодолѣнію оныхъ.

Примѣчаніе. Хотя безпрестанно и безъ всякаго затрудненія исключаютъ великое множество такихъ писемъ; кои отводятъ матерію отъ главнаго содержанія; но и между таковыми есть столь пріятныя, кои заслуживаютъ вниманіе. Таковы суть два слѣдующія, въ коихъ свойство Миссъ Грандиссонъ, именуемой теперь Милади Ж... изъясняется совершенно.

ПИСЬМО LXV.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Во вторникъ по утру 28 Апрѣля.

Что ты скажешь о сей странной Милади Ж...? Что касается до меня, то я ее нахожу чрезвычайно хулы достойною. Милордъ Л... потерялъ отъ нее все терпѣніе. Милади почти въ такомъ же состояніи; Емилиа объявляетъ, что она весьма ее любитъ; но токмо не любитъ ея своенравій, Милордъ Ж... желаетъ приносить мнѣ свои жалобы. Предметъ ссоры кажется не весьма важенъ, какъ я о томъ узнала отъ Емилии: но бездѣлушки производятъ иногда весьма важныя слѣдствія, когда заключается въ томъ безстыдстве. Какъ бы то ни было, дѣло состоитъ между ими и ни кто изъ нихъ не желаетъ о томъ говорить. Впрочемъ Милордъ и Милади Л... чрезвычайно не одобряютъ тотъ насмѣшливый видъ, которой она притворно на себя принимаетъ.

Несогласіе ихъ началось со вчерашняго вечера. Мы ужинали у нихъ, Гжа. Ревсъ и я съ Милордомъ и Миладіею Л... и при томъ были еще двѣ Италіанки. А какъ я не имѣла охоты играть съ ними въ карты; то мы и поѣхали отъ нихъ еще рано, и Госпожа Оливія почти въ то же самое время разпрощавшись съ ними уѣхала вмѣстѣ съ своею тетушкою. Милордъ же и Милади Л... также Емилиа и Докторъ Барлетъ сѣли играть въ карты. Во время ихъ игры, Милади Л... изъ своей горницы пошла въ низъ по лѣстницѣ съ великою торопливостію, поя какія то ноты. Милордъ слѣдовалъ за нею съ видомъ исполненнымъ великаго смущенія, сударыня, началъ онъ говорить, вамъ должно нѣчто сказать... должно, прервала она, нѣтъ, Милордъ, ни чего не должно мнѣ говорить. Она сѣла позади Емилии. Не смотрите на меня, сказала она ей. Кто выигралъ? Кто проигралъ? Мужъ же ея въ сіе время прохаживался по горницѣ большими шагами. Милордъ и Милади Л... хотѣли было притвориться будто ничего не примѣтили въ той надеждѣ, что воставшая буря сама собою утишится, ибо сестра ихъ проговорила за обѣдомъ нѣсколько колкихъ изрѣченій, хотя за ужиномъ и все было спокойно. Докторъ Барлетъ предложилъ ей свои карты; но она не пожелала ихъ взять. Нѣтъ Докторъ, сказала она ему; у меня есть свои карты, съ коими я хочу играть,

а моя игра не весьма легка. Но *Люція*, ты конечно не различишь ролей, естли я не означу каждое дѣйствующее лице.

Милордъ Ж... Естли такимъ образомъ какъ вы поступаете, *Сударыня*, то я легко могу повѣрить....

Милади Ж... Будьте спокойны, *Милордъ*; мы здѣсь не однѣ. Сестрица, мнѣ кажется, что ты выиграешь шпацильею.

Милордъ Ж... Позвольте, *Сударыня*, сказать мнѣ вамъ одно слово.

Милади Ж... Всегда готова къ повиновенію, *Милордъ*.

Она встала. Онъ хотѣлъ взять ее за руку; но она завернула ее за себя.

Милордъ Ж... И такъ вы не желаете дать мнѣ своей руки, *Сударыня*?

Мил. Ж... Она мнѣ самой надобна.

Онъ отошелъ отъ нея, и не сказавъ ни единого слова, вышелъ изъ горницы.

Мил. Ж... [оборотясь къ собранію съ веселымъ и спокойнымъ видомъ.] Какія мужчины странныя созданія!

Мил. Л... *Шарлотта*, ты приводишь меня въ великое удивленіе.

Мил. Ж... Я весьма тому радуюсь, сестрица.

Мил. Л... Но, сестрица, я совершенно ничего не понимаю.

Мил. Ж... Мы вообще всѣ женщины любимъ весьма удивительное и непонятное.

Милор. Л... По истиннѣ, *Сударыня*, вы несправедливо говорите.

Мил. Ж... Я весьма тому радуюсь, *Милордъ*.

Милор. Л... Радуетесь! чему?

Мил. Ж... Тому, что сестрица моя всегда говоритъ справедливо.

Милор. Л... По истиннѣ, *Сударыня*, естлибъ я былъ на мѣстѣ *Милорда Ж...* то не могъ бы сего стерпѣть.

Мил. Ж... Прекрасное для васъ наставленіе, *Милади Л...* воспользуйтесь онымъ и говорите всегда справедливо.

Мил. Л... Когда я также буду поступать какъ вы *Шарлотта*.

Мил. Ж... Понимаю, любезная сестрица, оставьте это: всякой поступаетъ по своему желанію.

Мил. Л... Сего конечно бы не случилось, естлибъ мой братецъ....

Мил. Ж... . . . Можетъ быть нѣтъ.

Мил. Я По истиннѣ, любезная *Шарлотта*, мнѣ кажется что ты виновата.

Мил. Ж... Я также то думаю.

Мил. Л... Для чегожъ не спѣшите....

Милади Ж... Исправить мои проступки? Всякая вещь имѣетъ свое время.

Емилиа признается, что она начала страшиться при окончаніи, сего разговора, когда горничная *Милади Ж...* пришедши сказала ей, что *Милордъ* желаетъ съ нею видѣться. Нѣтъ страшнѣе на свѣтѣ людей, какъ мужчины, возразила она; они не бываютъ довольно ни съ нами, ни безъ

нась. Но я столь покорна, что подобна сущей покорности. Всѣ мои клятвы будутъ соблюдены. При сихъ словахъ она вышла.

А какъ никто изъ нихъ назадъ не возвращался то, *Милордъ* и *Милади* Л.... услыша стукъ своей кареты употребили сей случай себѣ въ пользу, и дабы дать знать о ихъ неудовольствіи своей сестрѣ, то уѣхали не простясь съ нею. Г. *Барлетъ* также удалился въ свою горницу; к такъ *Милади* Ж.... которая немедленно по томъ возвратилась, пришла въ чрезвычайное изумленіе, и была также нѣсколько тронута, увидя тамъ одну токмо *Емилию*. *Милордъ* почти въ тожъ самое время вошелъ туда изъ другихъ дверей. Вотъ прекрасной поступокъ, сказала она ему. Вы своими мужескими взорами разогнали всю компанію.

Милор. Ж.... Боже милостивый! Вы приводите меня въ чрезвычайное удивленіе, *Сударыня*.

Мил. Къ чему служить такія восклицанія, когда вы всѣхъ привели въ ужась?

Милор. Я! *Сударыня*.

Мил. Вы, *Сударь*. Такъ, вы. Не приняли ли вы на себя видъ властелина въ моемъ кабинетѣ? Ради тишины не сошла ли я въ низъ? Не послѣдовали ли вы за мною.... Со взорами.... весьма прекрасными, я васъ увѣряю, для такого человѣка, которой не болѣе еще двухъ дней какъ женатъ? Потомъ, не призвали ли вы меня къ себѣ опять? Не подумали ли они, что сіе было для того дабы оказать мнѣ нѣкое сожалѣніе по причинѣ своего поступка? Не ужели чего ниестъ недоставало къ моей покорности! Не привлекло ли оно на меня *человѣческихъ взоровъ*! Не съ торопливостію ли вы вышли изъ горницы? Всѣ присутствовавшіе могутъ засвидѣтельствовать о томъ спокойствіи, съ коимъ я возвратилась къ нимъ, опасаясь чтобъ они не весьма опечалились изъ сожалѣнія ко мнѣ, и чтобъ не почли нашу ссору весьма важною. На конецъ, когда вашъ гнѣвъ утишился, какъ я то предполагаю, вы приказали меня позвать. конечно подумала я, что вы совершенно пришли въ самага себя. Я еще поспѣшила повиноваться.....

Милор. И развѣ я васъ не покорно просилъ, *Сударыня*.....

Мил. Покорно просилъ! Г. мой такъ, но съ такими взглядами.... Человѣкъ, за коего я вышла за мужъ позвольте мнѣ сіе сказать, Г. мой, имѣлъ совершенно другой видъ. Посмотрите, посмотрите *Емилию*; вотъ онъ и еще разгорячился.

Въ самомъ дѣлѣ *Милордъ* пошелъ вонъ въ чрезвычайномъ изступленіи. О! что вы думаете о сихъ мужчинахъ, любезная моя! вскричала она взирая на *Емилию*.

Я знала бы, сказала мнѣ любвидостойная сія дѣвица, что надлежало ей отвѣчать; но люди говорятъ, что не должно вмѣшиваться въ чужія ссоры, а особливо супружескія.

Несогласіе еще болѣе увеличилось на другой день. *Емилиа* не могла болѣе подать мнѣ извѣстій; но когда она оканчивала свое повѣствованіе, то мнѣ подали отъ *Милади Ж...* записку слѣдующаго содержанія.

„*Генриетта!* естли ты имѣешь обо мнѣ хотя нѣкое сожалѣніе? то приди ко мнѣ поскорѣе. Я великую имѣю нужду въ твоёмъ совѣтѣ. Я рѣшилась развестись съ страннымъ моимъ мужчиною. И такъ хочу я подписать любезное мое имя.

Шарлотта Грандиссонъ.

Я въ то же самое время написала ей отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Я совершенно не знаю той особы, которая называется *Шарлоттою Грандиссонъ*. Я съ великою нѣжностію люблю *Милади Ж...*; но сожалѣю токмо о *Милордѣ*. Я къ тебѣ не поѣду. Я не могу подать тебѣ совѣта кромѣ того, что ты не должна шутить надъ своимъ благополучіемъ.“

По прошествіи получаса, я получила другое письмо.

„И такъ вотъ что я выиграла моимъ замужствомъ! Братецъ мой въ отсутствіи, къ мужу не лзя приступитья, *Милордъ* и *Милади Л...* приняли его сторону, не узнавши кто правъ и кто виноватъ; *Докторъ Барлетъ* изъявляетъ свою важность и молчаніе меня осуждающее; *Емилиа* меня <текст в книге испорчен> къ своему глазу; *Генриетта* моя отъ меня отрекается! и все сіе еще съ первой недѣли моего замужства началось! Чтожъ мнѣ теперъ дѣлать? Война кажется явною. И такъ вы не желаете принять на себя качества посредственницы! вы не желаете говорить вы? Очень хорошо; я на то согласна. Но я хочу представить глазамъ вашимъ все происшедшее.

„Вчерашняго вечера, до окончанія еще первой недѣли, въ первые *Милорд Ж...* принялъ вольность вступать въ мѣсто моего уединенія, безъ всякаго отъ меня на то соизволенія. Вы конечно примѣтили, что онъ проболталъ за столомъ нѣсколько дерзкихъ и безстыдныхъ словъ; но я пропустила оное мимо ушей.

„Что значить сія смѣлость? сказала я ему. Пожалуйте, Г. мой, выдѣте отсюда. Для чего оставили вы гостей?

„Я пришелъ, любезная моя, представить вамъ одну прозьбу. Начало, какъ вы видите, довольно было учтиво, естлибъ онъ не столько вмѣшалъ въ оное докучливыхъ своихъ восхищеній, но онъ обнялъ меня обѣими своими руками, при *Женни*, горнишной моей дѣвушкѣ. А поелику безстыдныя ласкательства мужа могутъ произвести опасныя впечатлѣнія надъ сими дѣвицами; то вѣришь ли ты, *Генриетта*, что симъ совершенно можно испортить хорошіе нравы.

„Я отвергаю вашу прозьбу и не хочу ее слушать. Какъ осмѣлились вы придти сюда безъ спросу? Вы должныбъ были разсудить, что я конечно не оставила бы моей сестрицы на долгое время. Какъ! не ужели

торжественный обрядъ столь уже древень, что позволяетъ забыватьъ правила жизни ?

„Правила жизни, Сударыня? Онъ, какъ кажется, чувствительно былъ тронутъ симъ изрѣченіемъ. Оставьте меня, возразила я, не давши ему времени отвѣтствовать. Выдѣте отсюда въ сію же минуту. Не прискорбно ли мнѣ было будучи въ такомъ гнѣвѣ, когда онъ объявилъ, что не выдетъ, и обнявъ вторично поцѣловалъ меня безобразною своею харею, Женни все еще была въ кабинетѣ.

„Теперь, *Миссъ Биронъ*, вы конечно меня не покинете въ такомъ случаѣ, въ коемъ благопристойность принимаетъ участіе. Конечно нѣтъ, я въ томъ увѣрена. И естли бы вы стали защищать ненавистныя сіи вольности въ началѣ еще бракосочетанія, то симъ дали бы знать, что онѣ и самимъ вамъ нравятся.

„И такъ вы легко вообразить себѣ можете, что я пришла въ чрезвычайное негодованіе. Онъ исчезъ, осмѣлясь бормотать и изъяслять свою злость. Онъ упомянулъ какого то *дьявола*. Тогда я спросила у Женни, не мнѣ ли онъ это сказалъ? Нѣтъ, по истиннѣ, отвѣчала она мнѣ: и такъ видишь, любезная *Генріетта*, дѣйствіе худаго примѣра надъ таковыми дѣвками: она осмѣлилась еще говоришь въ пользу нѣжности мужней. Впрочемъ во всякомъ другомъ случаѣ она поступаетъ благо разумно.

„Прежде нежели гнѣвъ мой утишился, сей ненавистный человекъ появляся опять безъ всякаго замѣшательства. По истиннѣ, любезная *Генріетта*, я говорю сущую правду. Онъ мнѣ сказалъ: поелику вы ничего тайнаго не дѣлаете, то я и не хочу васъ оставлять. Клянусь моею честію, Сударыня, вы весьма худо со мною поступаете.

„Но позвольте ли мнѣ видѣться съ вами завтра по утру?

„Нѣтъ, Г. мой.

„Хотя при завтракѣ, дражайшая моя; и у кого же? у *Миссъ Биронъ*. Сего удовольствія прошу я у васъ за самую величайшую милость.

„Его дражайшая! Ничего я толико не презираю во всемъ свѣтѣ, какъ лицемѣрства. Я знала что онъ намѣренъ былъ сего дня ѣхать со мною въ гости, дабы потщеславиться молодою своею помощницею; и рассуждала что видя меня въ гнѣвѣ, онъ желалъ вдругъ наименовать мнѣ пріятный домъ, выслужиться у васъ, и имѣть то удовольствіе, что заставилъ жену свою повиноваться, не употребляя къ тому властительнаго вида.

„Отъ сего-то презрѣнія достойнаго начала произошла важная наша ссора. Наболѣе же меня трогаетъ коварство мужчины, и то мѣтательное воображеніе, кое онъ имѣетъ, дабы склонить васъ на свою сторону. Онъ не преминулъ однако во время нашей распри угрожать мнѣ, что будетъ вамъ на меня жаловаться. Желать истребить меня изъ сердца самой любезнѣйшей моей пріятельницы! Можетъ ли быть такая злость простибельна? Вы легко судишь можете, любезная моя *Генріетта*, что естлибъ предложеніе ѣхать къ вамъ произошло не отъ него, наипаче

послѣ столь жестокихъ обидъ, то сіе посѣщеніе могло бы принести мнѣ самое величайшее удовольствіе.

„По истиннѣ! Г. мой.... дѣйствительно, *Милордъ*.... Клянусь вамъ небомъ, Г. мой.... Сіи съ нѣкою величавостію довольно умѣренной, были самыя пылкія мои слова: Я етаго не сдѣлаю.

„Онъ же съ своей стороны многократно повторялъ въ различныхъ случаяхъ: Клянусь моею честію, Сударыня, пусть я исчезну на семь мѣстѣ, естьли.... и запинаясь, изъяслялъ нѣкое сумнѣніе: Вы весьма худо со мною поступаете, Сударыня.... Я не заслужилъ.... но позвольте мнѣ вамъ объявить....

„Я твердо настою въ семъ, Сударыня, и вы должны оказать мнѣ сіе благоугожденіе.

„Я не въ состояніи была, *Генріетта* снести такого изрѣченія. Вечеръ былъ прохладенъ, но я не выпускала изъ рукъ моихъ вейера. О! о! сказала я, какія слова, какія слова! какія выраженія. Вы настоите въ томъ *Милордъ*? мнѣ кажется я за мужемъ: обманываюсь ли я? Тогда я взявши мои часы сказала: въ понедѣльникъ въ вечеру въ одиннатцатомъ часу въ половинѣ.... которое нынѣ число? Я просила у *Милорда* дозволенія записать первую сію минуту исполненія его власти.

„Любезная *Милади Ж...*! [называя меня своимъ именемъ, можетъ быть желалъ онъ оскорбить меня болѣе] естьлибъ я не въ состояніи былъ снести сей поступокъ, то конечно бы не имѣлъ всей нѣжности, кою теперь къ вамъ пылаю.

„И такъ, Г. мой, отъ излишней любви начинаете вы настоять во всѣхъ должностяхъ мужа. Очень хорошо. Я присовокупила нѣкія довольно язвительныя насмѣшки касательно того приготовленія, кое должна дѣлать къ рабству. Я бы продолжала; но онъ принявъ на себя важной видъ, которой показался мнѣ очень жестокимъ и нѣсколько презрительнымъ [разсуди, *Генріетта* возможно ли было умѣрить гнѣвъ свой], вознамѣрился преподавать мнѣ наставленія, говоря: вамъ бы гораздо было приличнѣе, Сударыня, имѣть нѣсколько меньше разума, а болѣе скромности.

„Укоризна была весьма чувствительна; вы въ томъ согласны, *Генріетта*; а наипаче со стороны такого человѣка, которой не имѣетъ довольно ни того ни другаго.... Но я довольно имѣла еще надъ собою. власти, чтобъ сообщить ему сіе наблюденіе. *Милордъ*, сказала я ему; я полагаюсь на ваше благоразуміе. Оно всегда будетъ путеводителемъ ума моего; и нѣкогда съ помощію пренебрегательной ко мнѣ вашей любви оно научить меня кротости.

„Скажи, любезная моя, не оказала ли я ему симъ весьма ласкательнаго засвидѣтельствванія. Долженъ ли онъ почестъ оное иначе наипаче съ такимъ важнымъ видомъ съ коимъ я то произнесла, и пленительнымъ почтеніемъ коимъ оно было сопровождаемо? Но отъ

угрызения ли совести или худого свойства, а может быть и отъ обѣхъ сихъ чувствований ему показалось сіе жестокою обидою. Онъ началъ кусать у себя губы. *Женни*, сказалъ онъ горнишной моей женщинѣ, поди вонь; *Женни*, сказала я, неходи. *Женни* не знала кому повиноваться. По истиннѣ, *Генриетта*, я начала опасаться чтобъ онъ не сталъ меня бить, а между тѣмъ какъ онъ боролся съ величественными своими взорами я отворила двери и пошла къ собранію.

„Но какъ особы сочетавшіяся бракомъ не должны обнаруживать своего несогласія предъ своими друзьями, поелику весьма многія обстоятельства вкореняются въ памяти другаго, когда честная чета можетъ о нихъ и позабыть, то я рѣшилась послѣдовать совѣтамъ благоразумія. Вы весьма бы плѣнились таковою моею кротостію. Я внушу оную друзьямъ моимъ; я заставлю вѣрить *Милорда* и *Милади Л...* *Доктора* и *Емилию*, что ни чего не недостаетъ къ нашему благополучію: потомъ я сошла въ низъ въ намѣреніи дѣлать свои наблюденія надъ игрою со всею кротостію агнца; но я почти въ самое тожъ время увидѣла идущаго за мною нескромнаго человѣка съ распаленнымъ лицомъ и всѣми знаками своего гнѣва; а хотя я и увѣдомила его, чтобъ онъ не обнаруживалъ нашего несогласія, но онъ имѣлъ такой видъ, коего дѣйствіе, какъ вы о семъ услышите, разогнало мою компанію. Онъ вышелъ принявши на себя другой видъ и спустя нѣсколько времени прислалъ за мною. Ктожъ бы не почелъ таковой поступокъ за дѣйствіе раскаянія? Другая бы женщина сыграла въ сіе время ролю: Королевы *Восты* и отказалась бы идти, дабы тѣмъ пуще поразить своего тирана. Но я, сущая покорность, я повиновалась при первомъ словѣ. Такимъ образомъ вы легко судить можете, что не смотря на природную мою тихость я не могла удержаться отъ нѣкоторыхъ противоречаній. Онъ съ великою досадою ихъ слушалъ. *Я вамъ скажу, Сударыня. Я не желаю, чтобъ мнѣ говорили, Г. мой.* Мы имѣли небольшой разговоръ такого роду: и когда я съ поспѣшностію оставила разгнѣваннаго человѣка, въ томъ намѣреніи дабы соединиться съ моими гостями, то какъ вы думаете, что я нашла? пустую залу! Всѣ мои гости разошлись. *Емилиа* осталась одна: и такимъ то образомъ проводили мы бѣдную *Милади Л...* можетъ быть съ исполненными слезъ глазами отъ того тиранства, кое какъ видѣла изъясляемо было надъ ея покорною сестрою.

„А какъ *Милордъ Ж...* не преминулъ вскорѣ за мною послѣдовать то разсуди, когда мы увидѣли себя однихъ побѣдителями стоящими на мѣстѣ сраженія подобно двумъ дуракамъ взирающимъ другъ на друга. Я приносила ему моя жалобы со всею кротостію, кою токмо могла употребить въ выраженіяхъ., Онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ такія слѣдствія оставлены были до другаго времени. Но нѣтъ. Обнаруживши наше несогласіе стремительными видами, предъ столь великимъ числомъ свидѣтелей, вы конечно признаетесь, любезная моя, вы, кою я признаю

за чрезвычайно разборчивую дѣвицу, что его предложеніе было невозможное дѣло. Такимъ образомъ благопристойность обязывала меня поступать великодушно. И такъ съ самой сей минуты ваше несогласіе увеличивается; да благодарю Бога, оно простерлось уже до такой степени, что естли мы нечаянно повстрѣчаемся, то добровольно убѣгаемъ другъ друга. Мы приказали уже изготовить два стола для завтрака. Впрочемъ я обхожусь весьма ласково; но онъ чрезвычайно бѣшенъ. Я оказываю ему глубочайшее почтеніе. Онъ же притворяется будто совсемъ не желаетъ мнѣ оныхъ оказывать. И симъ то самымъ присоединяетъ неучтивость къ своему бѣшенству. Я начала играть на клависинахъ. Стройность звука привела его въ смертельную ярость. Мнѣ кажется, что онъ гораздо злѣе самаго даря *Саула*; ибо царь *Саулъ* и во время самой своей злости принималъ великое удовольствіе слушать музикійскій звукъ даже и отъ рукъ того, кого ненавидѣлъ.

„Я бы лучше желала, чтобъ ты приняла на себя трудъ придти ко мнѣ. Ибо симъ бы я показала суть къ угожденію столь упрямому человѣку, каковъ онъ: а впрочемъ было бы весьма много, естлибъ я согласилась ѣхать съ нимъ къ тебѣ. Онъ хотѣлъ было, чтобъ ты разсудила его дѣло: но я совершенно почти истребила въ немъ сіе намѣреніе моими насмѣшками. Я пожелала къ тебѣ писать; но какой же получила я отвѣтъ? жестокая *Генріетта*! отказать свое посредство въ распрѣ состоящей между мужемъ и женою! Но пусть пламя разгарается. Естли домъ спасется и все дѣло кончится небольшимъ возгораніемъ пламени въ камелькѣ: то я утѣшиться могу.

„Прощай, жестокая дѣвица, естли вы совершенно не знаете такой особы, которая именуется *Грандиссонъ*, то дай Богъ чтобъ и я вскорѣ не знала особы называемой *Биронъ*. Не жестока ли я въ своихъ мщеніяхъ! Видишь, *Люція*, какое употребляетъ искусство сія любезная и своенравная дѣвица дабы склонить меня на свою сторону. Но я тебя увѣряю, что она, ничего у меня не выиграетъ своими ласкательствами.

ПИСЬМО LXVI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Во вторникъ въ вечеру.

Я возвратилась изъ Сент-Жамес-Сквара. Какъ скоро принесли меня туда въ носилкахъ, то *Емилиа* вышла ко мнѣ на встрѣчу. Она бросилась ко мнѣ въ объятія. Я весьма радуюсь, что вижу васъ, сказала она мнѣ. На дорогѣ не попадался ли вамъ на встрѣчу домъ? и видя что я ничего не понимаю изъ сихъ словъ, она говорила что съ самаго моего возвращенія, какъ сказываютъ, его выбросили изъ окна. Ахъ, Сударыня! все здѣсь

находятся въ смущеніи. Одинъ чрезвычайно равнодушень, другая столь вспыльчива! Но тише, вонъ идетъ *Милади Ж...*

Здѣсь, любезная *Люція*, хочъ я опять начать образомъ разговора.

Милади Ж... и такъ вы уже здѣсь, *Генриетта*. Но вы писали, что никогда ко мнѣ не придете.

Миссъ Бир. Такъ точно. Но я не могла устоять въ своемъ рѣшеніи. Ахъ! *Милади*, вы желаете разрушить свое благополучіе.

Мил. Сіе то вы уже ко мнѣ и писали. Пожалуйста не повторяйте того, что вы уже мнѣ говорили. Я не люблю повтореній, любезная моя.

Миссъ Бир. И такъ должно мнѣ молчать.

Мил. Нѣтъ, но вы можете говорить о старыхъ матеріяхъ новыя слова; но замолчите! Вонъ идетъ мой муженекъ. Она тотчасъ прибѣжала къ своимъ клавиринамъ. Самой ли это тотъ голосъ, о коемъ вы меня просили, *Генриетта*? и послѣ пробы она заиграла арію, припѣвая весьма нѣжнымъ голосомъ.

Милор. Ж... Вашъ покорнѣйшій слуга, *Миссъ Биронъ*, присудствіе ваше возобновляетъ радость въ моемъ сердцѣ. Сударыня, [говоря женѣ своей] мнѣ кажется, что вы сейчасъ токмо увидѣлись съ *Миссъ Биронъ* и такъ, еще рано начинать играть арію. Я совершенно не постигаю вашихъ намѣреній.

Мил. Нѣтъ ничего пріятнѣе Гармоніи. И я будучи чрезвычайно опечалена нигдѣ не нахожу толикаго утѣшенія какъ въ моихъ клавиринахъ.

Милор. [Поднявши обѣ руки] Гармоніи, Сударыня! Богъ мнѣ свидѣтель... Но я желаю все обнаружить предъ *Миссъ Биронъ*.

Мил. Нѣтъ въ томъ никакой необходимости, *Милордъ*. Она уже все то знаетъ что знать можетъ; развѣ токмо недостаетъ тѣхъ, красокъ, кои могъ бы къ тому присокупить пылкой вашъ разумъ. Нѣтъ ли у тебя здѣсь продолжительнаго моего письма, *Генриетта*?

Милор. Возможно ли, Сударыня, чтобъ вы имѣли бодрость писать....

Мил. Скажите *отважность*, *Милордъ*. Для чего беречь словъ? Вы можете стольже свободно говорить и передъ *Миссъ Биронъ*, какъ говорили безъ нее. Я понимаю настоящія ваши мысли.

Милор. Очень хорошо, и такъ *отважность*.

Миссъ Бир. Какъ вамъ не стыдно, *Милордъ*. Перестаньте, Сударыня. Какая язвительность съ обѣихъ сторонъ? Естьлибъ я не столько васъ знала, то почла бы васъ за дѣтей; ибо вы шутите до тѣхъ поръ пока ваша шутка не обратится въ ссору.

Милор. Естьли вы знаете всю истинну, *Миссъ Биронъ*, то считаете ли меня хулы достойнымъ.

Миссъ Бир. Я хулю токмо вашъ гнѣвъ, *Милордъ*, вы видите, что *Милади* весьма хладнокровна; она нимало не сердится. Она, какъ кажется, желаетъ токмо вашей дружбы.

Милор. Проклятое хладнокровіе! Въ то время, когда я прихожу въ отчаяніе....

Мил. Превосходное и трагическое восклицаніе! Но, *Генріетта*, вы обманываетесь. Сіе происходит не отъ одного токмо гнѣва; ибо *Милордъ* теперъ чрезвычайно вспылчивъ: хотя хотя до бракосочетанія былъ весьма покорень! Не зналъ ли онъ моего свойства? Онъ былъ терпѣливъ, когда ничемъ не былъ мнѣ обязанъ; а теперъ, когда онъ чрезвычайно мною обязанъ....

Генріетта, Генріетта, повѣрь моей совѣсти, не выходи никогда за мужъ.

Миссъ Бир. Любезная *Милади*! Ваше сердце васъ осуждаетъ. Я увѣрена, что вы виноваты.

Милор. Сколь чувствительную приношу я вамъ благодарность, *Сударыня*. Я желаю увѣдомишь васъ о всемъ съ начала до конца.

Мил. Съ начала до конца! вить *Миссъ Биронъ* уже о томъ знаетъ: я васъ о томъ увѣдомляю, *Милордъ*. Но она неизвѣстна токмо о томъ, что произошло передъ симъ за два часа. Вы можете ей то изъяснить какъ вамъ будетъ угодно..... Но мы весьма были согласны назадъ тому часъ и восемь дней когда находились въ церкви *Святаго Георгія*.

Милор. Я напоминаю вамъ, *Сударыня*, то, чѣмъ вы клялись будучи въ оной.

Мил. Теперъ могла бы я быть, вашимъ отголоскомъ, *Милордъ*, естлибъ не рѣшилась умѣрять себя: ибо вы можете признаться, что я сіе самое исполняла до сего врѣмени.

Милор. Вы не имѣли бы надъ собою такой власти, *Сударыня*, естлибъ она не была основана на презрѣніи вами мнѣ оказываемомъ.

Мил. Живое воображеніе! *Милордъ*, коего неосновательность вы сами знаете, безъ чего собственная ваша гордость не позволила бы вамъ въ томъ признаться.

Милор. *Миссъ Биронъ* позвольте....

Мил. Возможноли, чтобъ принимали удовольствіе обнаруживать все произвольно? естлибъ вы послѣдовали моему совѣту, когда вчерашняго дня вошли послѣ меня.... *Милордъ*, сказала я вамъ столь же спокойно какъ и теперъ, не обнаруживайте ничего. Но мой совѣтъ былъ бесполезенъ.

Милор. Вы видите, *Миссъ Биронъ*.... но я пришелъ сюда отдать вамъ только мое почтеніе. [Онъ мнѣ поклонился и тотчасъ хотѣлъ было видти; но я его удержала за рукавъ.] *Милордъ*, вы не должны насъ оставлять. А вы, *Сударыня*, естли сердце ваше ничемъ васъ не укоряетъ, говорите. Я не желаю, чтобъ вы отъ сего отрекались. [Она молчала.]

Миссъ Бир. И такъ признайтесь въ своей погрѣшности. Обѣщайтесь не столько быть въ словахъ вспылчивою. Просите прощенія.....

Мил. Боже милостивый! просить прощенія!

Миссъ Бир. И *Милордъ* будетъ у васъ просить прощенія за то, что худо васъ выразумѣлъ и весьма скоро разсердился.

Милор. Весьма скоро, *Сударыня*?

Миссъ Бир. Какъ же можно почестъ того человѣка великодушнымъ, которой не взираетъ съ угожденіемъ на запальчивость молодой супруги исполненной живостію и веселостію, когда все увѣряетъ, что сіе происходитъ отъ невинной шутки, безъ всякаго худаго намѣренія или досады? Не по собственному ли своему выбору учинилась она вашею супругою? Не предпочла ли она васъ всякому другому человѣку? Она никого не щадитъ своими насмѣшками и не можетъ себя въ томъ преодолѣть. Я ни мало не желаю ее оправдывать; позвольте мнѣ, *Миледи*, говоришь чистосердечно. Поелику и братецъ вашъ не могъ того миновать. Я помню, что онъ однажды весьма былъ тѣмъ огорченъ. Но потомъ, *Милордъ*, примѣтя что сіе происходило отъ природнаго ея свойства, равно и отъ веселаго ея нрава оказываемаго ею тѣмъ, которыхъ наиболѣе любила, онъ ей простилъ; онъ принималъ удовольствіе смѣяться надъ нею также и съ своей стороны; и сія малозначущая война, ограниченная съ обѣихъ сторонъ великимъ благоразуміемъ и пріятностію, составила утѣшеніе компаніи. Любители вы ее, *Милордъ*?

Милор. Никогда и никто столько не любилъ своей жены. Повѣрьте, *Миссъ Биронъ*, что я человѣкъ не худаго свойства.

Мил. Но своенравенъ и вспыльчивъ, *Милордъ*. Кто бы того ожидалъ?

Милор. По истиннѣ, дражайшая *Миссъ Биронъ*; никогда женщина не умѣла столь искусно увеличивать обиды. Откудажъ моглобъ произойти сіе упорство, естли не отъ презрѣнія ею ко мнѣ ощущаемаго?

Мил. Вздоръ; вы опять доходите до самой глупой мысли. Но естли вы въ самомъ дѣлѣ это думаете, то не принимаете ли вы прекраснаго средства къ минованію сего зла, приходя въ чрезвычайную запальчивость, дѣлая различныя кривлянія и простирая свою жестокость даже до того, что изо рта показалась пѣна? Я ему сказала. *Миссъ Биронъ*, [вогъ онъ, пусть отречется, естли смѣетъ] что человѣкъ, коему я себя посвятила, имѣлъ совершенно инной видъ. Всякой другой не почелъ ли бы сію укоризну за нѣкое почтеніе приличное его виду, и въ самую ту минуту не скрылъ ли бы онъ свою страсть; дабы показать обыкновенную свою физіономію?

Милор. Вы видите, *Миссъ Биронъ*, вы видите съ какимъ насмѣшливымъ видомъ она говоритъ даже и при васъ.

Мил. Вы видите, *Миссъ Биронъ*, бывалъ ли на свѣтѣ когда ниестъ такой своенравный человѣкъ. Но знаете ли вы, какуюбъ супругу должно было дать *Милорду*? женщину надменную, которая бы ему платила за досаду досадою. Кротость есть мое преступленіе. Меня нельзя почестъ злою: мнѣ кажется что кротость до сего времени не была почитаема въ женщинѣ погрѣшностію.

Милор. Боже милостивый! кротость!

Мил. Будь справедлива, *Генриетта*, здѣсь спрашивается только, кто виноватъ. *Милордъ Ж...* показываетъ мнѣ такой видъ, коего я никогда въ немъ не видала до нашего брака; слѣдственно онъ меня обманулъ. Я же показываю ему такой видъ, какой и всегда имѣла, и поступаю съ нимъ почти также какъ обыкновенно поступала. Чтожъ можетъ онъ сказать, когда я ему опытомъ показываю, что онъ самый неблагодарной человѣкъ судя по тому виду, которой на себя принимаетъ? Такой видъ, коего онъ не осмѣлился бы на себя принять за восемь предъ симъ дней! Скажите же *Генриетта*: Кто изъ насъ виноватъ *Милордъ* или я?

Милор. Вы видите, *Миссъ Биронъ*, какъ можно войти въ разсудокъ съ такою женщиною, которая все обращаетъ въ шутку?

Миссъ Бир. Такъ что же, *Милордъ*? вы можете также поступать какъ и она. Развѣ за то должно сердиться что нельзя признать за разсудокъ?

Милор. Поелику *Миссъ Биронъ* ваша пріятельница, *Сударыня*, то я отдаю на ея волю рѣшеніе нашего дѣла.

Мил. Вы лучше бы сдѣлали, *Г.* мой, естлибъ отдали оное на мою волю.

Миссъ Бир. Пусть будетъ такъ, *Милордъ*.

Милор. Очень хорошо, *Сударыня*! И такъ какоежъ ваше опредѣленіе?

Мил. Я желала бы лучше, чтобъ *Миссъ Биронъ* ето напередъ сказала; ибо не хочу, чтобъ мое опредѣленіе было отвергнуто, когда оно мною уже произнесено будетъ.

Миссъ Бир. Естли вы того требуете, то вотъ въ чемъ состоитъ мое рѣшеніе: вы должны признаться *Милади*, что проступокъ происходитъ отъ васъ. *Милордъ* же будетъ вспоминать о томъ для того только, чтобъ всегда удалять отъ себя свои лживыя воображенія и обѣщаться что впредь будетъ стараться различать, что происходитъ отъ хорошаго или отъ худаго намѣренія; что съ удовольствіемъ слушать станетъ ваши шутки и оными никогда не будетъ оскорбляться; ибо сколь бы онѣ иногда излишни ни были, но ничего не могутъ перемѣнить въ удивленія достойномъ ея свойствѣ. Что вы о томъ скажете, *Милордъ*?

Милор. Думаете ли вы, чтобы она была согласна на ваше предложеніе?

Мил. Ненавистный вопросъ! Я оставляю васъ обѣихъ. Знайте, что во всю мою жизнь я не оказывалась ни въ чемъ виновною. Не женщина ли я? Естли *Милордъ* хочетъ просить прощенія за всѣ свои жеманства.... Она остановилась; но все еще имѣя намѣреніе выдти. Я ее удержала.

Миссъ Бир. Сего-то *Милордъ* никогда не сдѣлаетъ. Вы уже весьма далеко довели свою шутку. *Милордъ* сохранить свое достоинство, даже и для чести своей супруги. Онъ не согласится и на то, чтобъ вы отъ насъ вышли.

Онъ взялъ ее за руку, которую приложилъ къ своимъ устамъ. Ради Бога, Сударыня, будемъ щастливы. Благополучіе наше зависить отъ васъ. Оно и всегда такимъ пребудеть. Естьли я въ чемъ ни есть виноватъ, то припишите сей проступокъ моей нѣжности. Я не могу сносить вашего презрѣнія и никогда того не заслужу.

Мил. Для чегожъ не говорили вы мнѣ сего прежде? Для чего вы все обнаружили, не смотря на мои прозѣбы.

Я отведши ее къ сторонѣ сказала: будь великодушна, *Шарлотта*. Пусть вашъ супругъ не будетъ тѣмъ однимъ человѣкомъ, къ коему вы не окажете великодушія.

Мил. Хорошо! Наша ссора и въ половину столько не продолжалась, сколько бы надлежало. Естьли мы помиримся при васъ, то это не очень будетъ откровенно. Самое безумнѣйшее въ свѣтѣ дѣло есть такая ссора, которая происходила не съ великою запальчивостію. Конечно мы опять ее возобновимъ.

Миссъ Бир. Примите также и для себя тотъ совѣтъ, которой вы подаете *Милорду*; не обнаруживайте себя, и изъ того получите другой: женщина непремѣнно себя тогда обнаруживаетъ, когда обнаруживаетъ своего супруга. Я уже чувствую нѣкое смущеніе за васъ. Я не познаю уже въ васъ той *Шарлотты*, которую знала. Посмотримъ, постараетесь ли вы получить нѣкую выгоду отъ того мнѣнія, которое я о васъ имѣю и способны ли вы познать произвольно свое заблужденіе.

Мил. Я весьма кроткая, покорная и послушная женщина. Она оборотилась ко мнѣ, поклонилась мнѣ съ весьма шутливымъ видомъ, сложа свои руки предъ собою: вотъ опытъ, сказала она мнѣ, довольны ли вы имъ? Потомъ пошла къ своему мужу, которой смотрѣлъ къ окну, и подошелъ къ ней послѣ увидя ее приближающеюся. *Милордъ*, начала она, поклонясь ему, *Миссъ Биронъ* увѣдомила меня о такой части моего долга, коей я еще не назвала. Она обѣщается быть нѣкогда образцемъ повиновенія. Вы весьма были бы щастливы, естьлибъ я имѣла ее примѣромъ. Она говоритъ мнѣ, что теперъ будучи за мужемъ, я должна быть важною, благоразумною, а паче всего чрезвычайно покорною; что невинная улыбка едва мнѣ теперъ прилична; что мнѣ надлежитъ быть молчаливою и скромною и что должна почитать своего мужа. Естьли вы почитаете, Г. мой, сіи поступки долгомъ для замужней женщины и естьли того отъ меня желаете, то сдѣлайте милость, когда я стану его показывать, увѣдомляйте меня о томъ какимъ ни есть знакомъ. Естьли же впредъ почувствую въ себѣ охоту простирать свою шутку нѣсколько далѣе, то конечно не премину напередъ просить у васъ на то позволенія. И потомъ поклонилась вторично, сложа руки на крестъ. Чтожъ болѣе остается мнѣ дѣлать?

Онъ принялъ ее въ свои объятія и прижалъ ее съ великою нѣжностію къ груди своей. Дражайшій предметъ всей моей нѣжности!

при всемъ несправедливомъ вашемъ своенравіи, вотъ что остается дѣлать; я прошу имѣть ко мнѣ хотя половину той любви, какую къ вамъ чувствую, и тогда буду я щастливѣйшимъ человѣкомъ.

Милордъ! прервала я рѣчь его, вы все портите такую торопливостію, наипаче послѣ того, что она вамъ говорила. Естьли въ етомъ вся выгода отъ ссоры, то никогда не доводите себя до такого обстоятельства. О Сударыня! вы весьма легко отъ того отдѣлались, естьли не великодушны. Она грозила мнѣ своею рукою и оборотясь къ своему мужу сказала: Повѣрьте мнѣ, *Милордъ*, что мы должны оба вооружиться гнѣвомъ противъ етой чужой женщины, которая осмѣливается вмѣшиваться въ наши домашнія сплетни. *Генриетта, Генриетта*, присовокупила она, я вамъ никогда не прошу послѣдняго вашего наставленія.

Такимъ-то образомъ, любезная моя *Люція*, кончилась ребяческая сія ссора. Теперь единственно печалить меня то что въ заключеніи оной не оказалось довольно достоинства со стороны *Милорда*. Сердечная его радость столь живо изъяслялась на устахъ его, что наглая *Шарлотта* давала по временамъ знать различными знаками, что она восхищается, почитая себя нужною для его благополучія. Но, *Люція*, ты должна не менѣе ее почитать за оное; ибо она одарена премногими плѣнительными качествами.

Они меня упросили препроводить съ ними остатокъ дня. *Емилиа* чрезвычайно обрадовалась ихъ примиренію. Она оказывала сердечную радость. Естьли я ее люблю болѣе нежели желаю, то она подаетъ мнѣ къ тому новыя причины, сколь часто ее ни вижу.

Примѣчаніе. Въ слѣдующихъ письмахъ содержится, какимъ образомъ *Миссъ Биронъ* прощается со всѣми Лондонскими своими друзьями, съ продолжительными размышленіями о ихъ свойствахъ. Она означаетъ день своею отъѣзда и свою дорогу. *Милордъ Л...* и *Милордъ Ж...* съ своими супругами провожаютъ ее почти до половины ея пути. Она распрощалась съ Италианскими господами, кои принимаютъ намѣреніе ѣхать для прогнанія своей скуки в Англинскія провинціи. Два продолжительныя письма; одно отъ стараго *Кавалера Мередита* къ *Миссъ Биронъ*; а другое отъ нее въ отвѣтъ на его письмо. Увѣдомляютъ *Миссъ Сельби*, что *Г. Фулеръ*, будучи все еще страстно влюбленъ, но безъ надежды, отрекся на всегда отъ брака: что дядя и племянникъ чрезвычайно любя и почитая *Миссъ Биронъ* хотятъ отдать ей знатную часть своего имѣнія, дабы тѣмъ оправдать качество отца, данное его дядѣ: и названіе брата, которое она желала дать его племяннику: но въ отвѣтъ своемъ къ старому *Кавалеру* она привела весьма благоразумныя причины, дабы истребить въ немъ сію мысль. Нѣтъ нужды упоминать что отъѣзжая изъ Лондона она обѣщается вести переписку съ лучшими своими друзьями, а особливо съ *Милади Ж...* И какъ потомъ все дѣйствіе перемѣнилось совершеннымъ ея отъѣздомъ, то она начинаетъ уже

писать изъ замка *Сельби*. Первое ея письмо содержитъ въ себѣ подробное описаніе ея пути и какъ она разсталась съ своими провожатыми въ *Дюнстаблѣ*, гдѣ она была встрѣчена своимъ дядею, тетушкой и двоюродною сестрою *Сельби*. Она встрѣтилась съ прежними своими любовниками, то есть, съ *Гревилемъ*, *Фулеромъ* и *Ормомъ*. Они не преминули встрѣтить ее на пути, дабы вновь изъяснить ей, что ее обожаютъ. Она увѣдомляетъ о состояніи, въ коемъ нашла свою фамилію и о всемъ томъ что токмо могло нравиться друзьямъ ея оставленнымъ. Отвѣты ихъ содержатъ то, что происходитъ въ ея отсутствіи въ *Лондонѣ* и между ими. Письма *Милади* чрезвычайно продолжительны и заставляютъ удивляться второму искусству *Автора*, которой изображаетъ тѣ же самые свойства подъ многоразличными видами. На конецъ, письмо *Милади Ж...* писанное 6 Маія, подаетъ *Миссъ Биронъ* первыя извѣстія, полученные отъ *Сира Карла Грандиссона* по его отъѣздѣ.

ПИСЬМО LXVII.

Милади Ж....., къ Генріеттѣ Биронъ.

Лондонъ, въ Субботу 6 Маія.

Теперь, дражайшая моя, всѣ постороннія матеріи у меня истожились. Мы получили извѣстія, писанныя хотя не братцевою рукою, но подающія намъ объ немъ нѣкія освѣдомленія. Другъ *Г. Ловтера* привезъ сюда письмо отъ сего врача, по которому увѣдомились мы, что *Сиръ Карлъ* находится дѣйствительно въ *Парижѣ*. *Г. Бельшеръ*, которой случился тогда у насъ, когда пришелъ другъ *Г. Ловтера*, просилъ его оставить намъ свое письмо, поелику оно содержитъ въ себѣ самое чрезвычайное приключеніе, которое желали мы тотчасъ сообщить вамъ. Во первыхъ будь спокойна и ничего не опасайся отъ *Кавалера Гарграффа Поллексфена*, которой хотя дѣйствительно возвратился въ *Лондонъ*, но въ весьма худомъ состояніи. Страхъ принудилъ его возвратиться въ *Англию*, изъ коей онъ и не помышляетъ выѣзжать болѣе. По справедливости онъ обязанъ теперь продолженіемъ своей жизни моему братцу.

Г. Бельшеръ, дабы обстоятельнѣе о всемъ освѣдомиться, принялъ на себя трудъ идти къ нему и поговорить съ тѣмъ лакѣемъ, которой тогда при немъ находился. Изъ полученныхъ имъ освѣдомленій и изъ повѣствованія *Г. Ловтера* онъ написалъ письмо къ *Доктору Барлету*, которое намъ сообщилъ, и я выпросила у него позволенія доставить съ онаго для тебя списокъ.

Въ среду 30 Апрѣля по полудни, братецъ мой сидя съ *Г. Ловтеромъ* въ почтовой коляскѣ приближался уже къ *Парижу*, отъ коего онъ не болѣе двухъ или трехъ миль находился, какъ вдругъ прискакалъ на лошади какой то человекъ къ его коляскѣ и оказывая всѣ знаки

чрезвычайнаго ужаса просилъ его выслушать извѣстіе могущее поразить слухъ всякаго человѣка. Братецъ мой приказалъ остановиться почталіону. Незнакомой сказалъ имъ, что на его господина, которой былъ Англинской дворянинъ и ѣхалъ съ другомъ своимъ той же націи, напали семь человѣкъ ѣхавшіе верьхами и онъ принужденъ оставить большую дорогу въ почтовой своей коляскѣ; а какъ сихъ конныхъ было число великое, то весьма вѣроятно, что они намѣрялись его убить и показывая на небольшую возвышенность со стороны *Монмартра* онъ присовокупилъ, что видно позади сего мѣста исполняютъ они кровожадное свое предпріятіе. Онъ относился къ нѣкоторымъ и другимъ проѣзжимъ, кои однако не весьма были тронуты его несчастіемъ, и кои отъ сего самаго еще болѣе поспѣшали отъ того мѣста отѣхать. Братецъ мой спросилъ о имени его господина и не мало опечалился услыша что то былъ *Кавалеръ Поллексфенъ* съ *Г. Мерцедою*. Дорога лежащая отъ *Сент Дениса* къ Парижу усажена деревьями съ обѣихъ сторонъ; а какъ поле было чисто, то конечно единая сія возвышенность препятствовала въ большемъ разстояніи видѣть коляску и столь много конныхъ людей. По обѣимъ сторонамъ большой дороги проведены были рвы, на коихъ по мѣстамъ подѣланы небольшіе мостики, для проѣзду колясокъ въ помѣстья. *Сиръ Карлъ* приказалъ почталіону ѣхать черезъ одинъ мостокъ говоря, что онъ никогда себѣ не проститъ естли попуститъ погибнуть *Сиру Гарграфу* и его другу, не употребя всѣхъ своихъ силъ къ избавленію ихъ.

При немъ находилось трое людей, выключая лакея *Г. Ловтера*. Онъ приказалъ послѣдному сойти на земь и сѣдши на его лошадь, просилъ *Г. Ловтера* остаться въ коляскѣ и ни мало небезпокоиться; между тѣмъ онъ прискакалъ во весь опоръ съ тремя своими людьми къ тому возвышенному мѣсту; вскорѣ слухъ его пораженъ былъ жалобными криками, а когда уже усмотрѣлъ конныхъ людей; то увидѣлъ четверыхъ стоящихъ на землѣ, [прочіе держали ихъ лошадей за поводъ], кои, казалось держали двухъ Англичанъ, кричащихъ, вырывающихся и просящихъ у нихъ ради Бога милости. А какъ онъ нарочито опередилъ своихъ людей, то приближаясь къ нимъ закричалъ имъ громко, чтобъ прервать по крайней мѣрѣ жестокое сіе дѣйствіе; и въ своемъ бѣгу, казалось прямо летѣлъ на помощь къ двумъ несчастнымъ. Тогда двое изъ четырехъ Кавалеровъ оставили свою добычу и тотчасъ сѣли на лошадей; потомъ соединясь съ тремя прочими поѣхали на встрѣчу къ *Сиру Карлу*, какъ будто бы въ намѣреніи были продолжать свое насиліе; между тѣмъ оставшіеся двое продолжали бить рукоятками своихъ бичей безъ всякаго сожалѣнія предметы своя ярости, изъ коихъ каждый ударъ извлекалъ жалостные стоны. А какъ нападшіе ни мало не были расположены къ бѣгству, да и времени имъ довольно было бы для исполненія ихъ намѣренія, естлибъ дѣло было о грабежѣ или смертоубійствѣ; то изъ

сего *Сиръ Карлъ* заключилъ, что ето происходитъ отъ какого ниестъ особеннаго мщенія. Онъ еще болѣе утвердился въ семъ мнѣнїи, когда пятеро конныхъ, вынувшіе свои пистолеты видя его приближающагося съ своимъ, просили его нѣсколько изъясниться, увѣдомивши его однако, что онъ навлечетъ на себя напрасную смерть естли поступитъ хотя на малую отважность. Онъ отвѣтствуя увѣщевалъ ихъ отложить хотя на нѣкое время свой гнѣвъ и вкладывая свой пистолетъ въ футляръ, обѣщался исполнить ихъ требованіе. Его люди прискакали къ нему въ тужь самую минуту. Онъ кричалъ имъ, чтобъ ничего не предпринимали безъ его приказовъ. По томъ слезши съ своей лошади и приказавъ имъ держать за поводъ, подошелъ держа въ рукахъ шпагу къ тѣмъ двумъ человѣкамъ, кои жестоко били виноватыхъ своими бичами. При его приближенїи они также подошли къ нему съ обнаженными шпагами. Въ то самое время подскочили къ нимъ пятеро конныхъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ имъ: довольно, господа. Надобно объявить сему храброму незнакомцу причину такого приключенія, которое должно привести его въ нѣкое удивленіе: и оборотясь къ *Сирю Карлу* сказалъ: Г. мой, мы ни разбойники ни грабители; но тѣ два человѣка, кои возбуждаютъ ваше сожалѣніе, суть безчестнѣйшіе люди. Какое бы ни было ихъ преступленіе, возразилъ *Сиръ Карлъ*, но мы находимся въ такой землѣ, въ коей есть правительство для сохраненія правосудія. Онъ тотчасъ помогъ тѣмъ двумъ несчастнымъ встать. У нихъ обѣихъ головы были окровавлены, а тѣло такъ изранено, что они не могли даже поднять своихъ шляпъ, кои около ихъ лежали. *Сиръ Карлъ* оказалъ имъ и сію услугу. Между тѣмъ одинъ изъ двухъ Кавалеровъ стоящихъ на земли выведенъ будучи изъ терпѣливости такимъ медлѣніемъ, кричалъ яростнымъ голосомъ что онъ не удовольствовался еще мщеніемъ и конечно бросился бы на виновниковъ, естлибъ не былъ удержанъ своими товарищами. *Сиръ Карлъ* спросилъ тогда у двухъ *Англичанъ*, не ужели по несправедливости поступили съ ними столь жестоко. Нѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ нападающихъ, они знаютъ сами, что они самые безчестные люди. И дѣйствительно отъ угрызенія ли совѣсти или отъ ужаса они отвѣтствовали только едиными стопами; и оба не могли стоять на ногахъ. Г. *Ловтеръ*, коего честь понудила слѣдовать за *Сиромъ Карломъ*, приѣхалъ къ нимъ держа въ рукахъ пистолетъ, и тотчасъ вышелъ изъ коляски по прозбѣ *Сира Карла* дабы осмотрѣть не опасны ли были ихъ раны. Самый разъяренный изъ нападающихъ пожелалъ было тому воспротивиться: но *Сиръ Карлъ* остановилъ его лошадь, взявши за узду; и оборотясь къ прочимъ сказалъ имъ твердымъ голосомъ; Г. мои, сіи два иностранца весьма знатные *Агличане*. Я буду ихъ защищать до послѣдней капли крови. Однако, поелику вы не помышляете о бѣгствѣ, и когда вашъ гнѣвъ стремится токмо на нихъ, то я начинаю думать, не

имѣтели вы какой ни есть причины поступать съ ними столь худо. Соблаговолите ли вы мнѣ хотя однимъ словомъ все оное изъяснить.

Сіи подлецы, отвѣчалъ одинъ изъ Кавалеровъ, знаютъ насъ всѣхъ и отдадутъ справедливость нашему гнѣву. Они не получили и половины того наказанія, которое заслуживаютъ. Вы, Г. мой, кои кажетесь человѣкомъ честнымъ и разсудительнымъ, знайте, что и мы не менѣе оныя качества наблюдаемъ, и по симъ то двумъ побудительнымъ причинамъ находимся мы здѣсь. Мы не покушаемся на жизнь сихъ двухъ мерзавцевъ; но хотѣли только дать имъ такое наставленіе, кое бы они во всю свою жизнь памятовали. Они подлымъ образомъ оскорбили честную женщину, и опасаясь мщенія друзей ея, пустились въ бѣгство съ великою предосторожностію, дабы не подать знать о своемъ пути. Они притворно показывали, что хотятъ ѣхать въ Анверъ. Два дни ѣхали мы за ними по слѣдамъ ихъ. Вы видите ея мужа, брата и лучшихъ ихъ друзей, воспаленныхъ негодованіемъ и яростію.

Кажется, любезная моя, что эти два виновника въ самомъ дѣлѣ отпустили нѣкоторыхъ изъ своихъ людей въ Анверъ, и что по сей-то причинѣ имѣли они при себѣ токмо одного. Тотъ конной присовокупилъ къ тому, что въ ихъ плутовствѣ находился еще третій Англичанинъ; что онъ уѣхалъ изъ предмѣстія, въ коемъ они исполняли злодѣйское свое предпріятіе въ другой коляскѣ; но что за нимъ погнались почти въ ту же самую минуту, такъ что ему весьма было бы трудно избѣгнуть. Ето конечно былъ *Багенгаль*. Сперва *Сиръ Гарграфъ* увидя около себя токмо трехъ своихъ противниковъ, хотѣлъ было имъ сопротивляться; но когда появились послѣдніе четверо, то храбрость ему измѣнила, когда ихъ призналъ. Онъ далъ себя вести въ удобное къ ихъ намѣренію мѣсто. Лакей его, которой сидѣлъ на лошади и за коимъ они ни мало не присматривали обезоруживая его, ушелъ во время исполненія ихъ должности, надѣясь доставить ему помощь.

Сиръ Карлъ отвѣчалъ, что самый справедливый гнѣвъ не позволяетъ никому управляться собственными своими руками. Ему на сіе возразили, что естли виновники почитаютъ себя правыми, то могутъ на нихъ жаловаться, поелику они знаютъ гдѣ найти тѣхъ, кои столь худо съ ними поступили. Между тѣмъ временемъ Г. *Ловтеръ* осмотрѣвши ихъ раны, увѣрилъ что онѣ не весьма опасны; но судя что имъ нужно скорое вспомошествованіе, приказалъ ихъ положишь въ коляску. Семеро конныхъ, отѣхавшихъ на нѣкоторое разстояніе, дабы о чемъ то посовѣтоваться, возвратились къ *Сиру Карлу* прежде, нежели подвезена была коляска. Онъ опасаясь, чтобъ опять въ нихъ злоба не возгорѣлась и сѣдши на лошадь, сталъ на переди своихъ людей, съ тѣмъ присудствіемъ разума, которой обыкновенно возвышаетъ его свойство. Онъ поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Государи мои, сказалъ онъ имъ, съ дружескими, или какими другими намѣреніями возвращаетесь вы ко мнѣ? Нѣкоторой изъ

нихъ отвѣчалъ: Вражда наша стремится токмо къ симъ двумъ подлецамъ. Я повторяю, продолжалъ онъ, что мы не покушаемся на жизнь ихъ; пусть они узнаютъ, кто мы таковы, и пусть почитаютъ себя за презрительнѣйшихъ въ человѣческомъ родѣ. Они еще не получили того наказанія, которое заслуживаютъ. Но пусть они признаются въ своей подлости на колѣнахъ и просятъ прощенія у того честнаго человѣка, коего супругу обезчестили они самымъ подлѣйшимъ образомъ. Сего то одинаго требуемъ мы для него удовлетворенія, съ обѣщаніемъ, чтобъ они во всю свою жизнь не приближались за двѣ мили къ его жилищу.

Я думаю, любезная *Генриетта*, что оба наши *Герои* не имѣли нужды быть принуждаемы къ сему обѣщанію.

Сирь Карль оборотясь къ нимъ сказалъ съ великою кротостію: Господа, естли вы виноваты, то должны безъ всякаго стыда просить сей милости; но естли вы невинны, то моя жизнь, равно какъ и жизнь моего друга, и сихъ служителей, будутъ употреблены безъ всякаго сожалѣнія для избавленія моихъ соотечественниковъ отъ несправедливаго угнѣтенія.

Мерзавцы бросились на колѣни; а семеро конныхъ распрощавшись весьма учтивымъ образомъ съ *Сиромъ Карломъ* поворотились къ большой дорогѣ.

Тогда оставалось токмо положить *Сира Гарграфа* и *Г. Мерцеду* въ ихъ коляску. Сія услуга не безъ труда имъ была оказана; но и посреди тѣхъ жалобъ, кои каждое движеніе изъ нихъ извлекало, они не преставали приносить чувствительнѣйшей благодарности своему избавителю. Онъ ѣхалъ за ними проводникомъ даже до выѣзду въ Парижъ. На завтра не преминувши придти къ нимъ нашелъ ихъ обоихъ лежащихъ въ постелѣ и такъ израненыхъ что они не могли даже и пошевелинуться. А какъ *Г. Мерцедъ* болѣе всѣхъ досталось, то и вѣроятно что онъ былъ болѣе всѣхъ виноватъ. Онъ остался въ Парижѣ и лѣчился; но *Сиръ Гарграфъ* собравшись съ силами, приказалъ себя перенести въ носилкахъ въ Кале съ великою осторожностію безъ сумнѣнія для того чтобъ не приближаться къ Аббевилію. Онъ находится въ Лондонѣ уже дня съ два.

Г. Ловтеръ присовокупляетъ, что *Сиръ Карль* занимаясь безпрестанно дѣлами касающимися до имѣнія *Г. Данби*, просилъ его сообщить намъ сіи освѣдомленія и что съ нетерпѣливостію желая продолжать путь свой, не прежде будетъ къ намъ писать какъ проѣхавъ Алпійскія горы.

Примѣчаніе. Не лзя сумнѣваться, чтобъ по временамъ обѣ госпожи не продолжали между собою переписки. О исключеніи сихъ писемъ сожалѣть будутъ токмо тѣ, кои любятъ небольшія домашнія подробности. Время уже представитъ *Сира Карла* въ Италіи.

ПИСЬМО LXVIII.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Болонія, 21 Маія.

Вы должны судить, любезный и уваженія достойный другъ мой, что мнѣ совершенно было невозможно писать къ вамъ до прибытія въ сей городъ. Исполненіе по завѣщанію дѣлъ удержало меня въ Парижѣ гораздо долѣе нежели въ немъ пробывать надѣялся. На конецъ я получилъ хорошій успѣхъ во всѣхъ моихъ чаяніяхъ. Г. *Ловтеръ* конечно уже васъ увѣдомилъ о первыхъ произшествіяхъ нашего путешествія и о весьма чрезвычайномъ приключеніи, случившемся съ нами почти у самаго Парижа.

Мы не безъ труда переѣхали Монт Сенисъ по причинѣ ненастья; и въ столь худую погоду я ни мало не удивился, нашедъ вершину сей горы. не столь пріятною, какова она обыкновенно бываетъ при наступленіи лѣта. Вы конечно еще помните, что *Епископъ Ноцера* обѣщався встрѣтить меня у самыхъ Алійскихъ горъ: но какъ я писалъ къ нему изъ Ліона, что надѣюсь видѣться съ нимъ въ Пармѣ, то и нашелъ его въ семъ городѣ у *Графа Белведере*, куда онъ прибылъ наканунѣ съ отцемъ *Марескотти*. Они изъявили всѣ трое чрезвычайное удовольствіе, меня видя, я когда я представилъ имъ Г. *Ловтера* съ такими похвалами, кои долгъ требовалъ отдать его знанію, увѣдомляя ихъ также что я совѣтовался съ самыми искуснѣйшими Медиками моей Націи о болѣзни ихъ *Клементины*; то они такъ меня хвалили, что я не имѣлъ времени спросишь ихъ о здоровьѣ столь любезной фамиліи. Нещастіе! печаль! сказалъ мнѣ только *Епископъ* съ толь прискорбнымъ видомъ, что я пронзенъ былъ состраданіемъ до глубины моего сердца. Онъ предложилъ, чтобъ прежде нежели начнетъ свое повѣствованіе подали бы мнѣ какихъ ниестъ закусокъ.

Наконецъ будучи, понуждаемъ усильными моими прозбами сказалъ мнѣ: *Иеронимъ*, бѣдный *Иеронимъ* еще живъ, вотъ все, что я могу вамъ сказать щастливаго. Присудствіе ваше будетъ для него гораздо спасительнѣе всѣхъ лѣкарствъ. *Клементина* находится теперь на возвратномъ пути изъ Неаполя въ Болонію. Она по причинѣ чрезвычайной своей слабости принуждена ѣхать медлительно. Она пробудетъ еще нѣсколько дней въ Урбинѣ для своего отдохновенія, Любезная, сестрица! не столько ли претерпѣла она отъ жестокости двоюродной своей сестры, сколько и отъ своей болѣзни? *Генераль* обходился съ нею всегда дружески. Онъ женился послѣ вашего отъѣзду на такой особѣ, коея достоинство, имѣніе и знатность породы, соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Онъ нимало не противится что мы желаемъ употребить сіе вторичное покушеніе. Супруга его пожелала ѣхать съ моею сестрицею; а онъ не могши безъ нее жить рѣшился также

ѣхать съ ними. Естьлибъ онъ послушался моего совѣта, то остался бы въ Неаполѣ. Впрочемъ я надѣюсь, что вы найдете его толикоже расположеннымъ какъ и насъ къ оказанію какъ благодарности за ваше посѣщеніе и за всѣ труды, кои вы столь удобно на себя приняли.

Чтожъ касается до моей сестрицы, продолжалъ онъ, то ея здоровье ничемъ не умалилось; но намъ не остается только ни малѣйшей надежды, чтобъ ея разумъ когда нисть пришелъ въ прежнее состояніе. Она хранитъ глубокое молчаніе. Она не отвѣтствуетъ даже и на предлагаемые ей вопросы. *Камилла* находится при ней. Сей-то одной особы, какъ кажется, слушаетъ она рѣчи. Ей сказано, что *Генераль* женился; но сія новость ни малѣйшаго не произвела надъ нею впечатлѣнія, равно какъ и ласки оказываемыя ей ея невѣсткою, которая употребляетъ всѣ свои силы къ пріобрѣтенію ея дружбы. Мы надѣемся что по ея возвращеніи батюшка мой и матушка болѣе будутъ имѣть вліянія надъ ея разумомъ; ибо и въ самыхъ опаснѣйшихъ припадкахъ она никогда не забывала того, чѣмъ обязана одному и другой. *Камилла* усматриваетъ иногда въ ней вниманіе, когда говорятъ объ васъ; но такое состояніе не долго продолжается. Вдругъ она затрепещетъ съ нѣкимъ видомъ ужаса, оглядывается вокругъ себя, кладетъ палецъ къ своимъ устамъ, какъ будто бы опасается, чтобъ двоюродная ея сестра ее примѣтила что произнесено предъ нею ваше имя.

Прелатъ и отецъ *Марескотти* равномѣрно сожалѣютъ, что ей отказано было въ томъ свиданіи, коего она желала. Они оба почитаютъ себя увѣренными, что сіе угожденіе, и то, естьлибъ ее оставили матернимъ попеченіямъ *Гжѣ Бемонтъ*, есть единое средство, отъ коего бы можно было надѣяться нѣкоего успѣха. Но теперь сказалъ *Епископъ*.... Онъ не окончилъ своей рѣчи, и тяжкій вздохъ изъясвилъ то, что онъ сказать думалъ.

На другой день я послалъ одного человѣка въ Болонію для приготовленія себѣ квартиры и мы отправились въ путь послѣ обѣда. *Графъ Бельведере* нашель случай увѣдомить меня, что его страсть ни мало не погасла къ *Клементиинѣ* и что не взирая на ея болѣзнь онъ учинилъ фамиліи новыя предложенія о бракѣ. А поелику ея болѣзнь не наследственная, то онъ надѣется всего отъ терпѣливости и лѣкарствъ. Онъ ѣхалъ съ нами нарочитую часть нашего пути т разлучаясь съ нами сказалъ мнѣ: вспомните, любезный *Кавалеръ*, что *Климентина* составляетъ предметъ всѣхъ моихъ желаній. Мнѣ совершенно не возможно отъ нее отрѣчься. Я никогда не буду имѣть другой супруги. Молчаніе было единымъ моимъ отвѣтомъ. Я удивляюсь сильной его страсти и весьма о немъ соболѣзную. Прочее обѣщался онъ изъяснить мнѣ въ Болоніи.

Мы прибыли туда 15 числа. Я остановился на прежней моей квартирѣ. Во всю дорогу *Иеронимъ* составлялъ главный предметъ нашего разговора. *Епископъ* и его родитель не долго слушали словъ *Г. Ловтера* и

тотчасъ возымѣли высокое мнѣніе о его искусствѣ. Въ семь удовольствіи они увѣряли его, что хоть и не будетъ въ ихъ начинаніи успѣха, но его путешествіе принесетъ ему такую пользу, коей онъ никогда не имѣлъ въ своемъ предпріятіи. Онъ отвѣтствовалъ, что какъ онъ своимъ состояніемъ доволенъ, то корысть не имѣла ни малѣйшаго участія въ его намѣреніяхъ и онъ совершенно удовлетворенъ тѣми условіями, кои отъ меня принялъ.

Представъ себѣ, любезной *Докторъ*, съ какимъ движеніемъ увидѣлъ я паки зданіе *делла Порретты*, хотя *Клементины* въ немъ еще не было. Я поспѣшно вошелъ въ горницу дражайшаго моего *Иеронима*, которой уже былъ увѣдомленъ о моемъ прибытіи. Увидя же меня онъ вскричалъ: И такъ я паки могу облобызать любезнаго сердцу моему человѣка, моего дражайшаго и великодушнаго *Грандиссона*! Ахъ! теперъ я вижу, что довольно уже жилъ. Онъ наклонилъ голову на свое изголовье разсматривая меня съ нѣжнымъ видомъ. Я примѣтилъ удовольствіе изъявляющееся на лицѣ его даже и въ самой печали.

Епископъ, которой не могъ быть свидѣтелемъ нѣжнаго сего явленія, вошедъ тогда сказалъ мнѣ, что *Маркизь* и *Маркизша*, съ нетерпѣливостію желаютъ меня видѣть. Онъ пошелъ вмѣстѣ со мною. *Маркизь* принялъ меня учтиво; но *Маркизу* можно уподобить той нѣжной матери, которая по долговременной разлукѣ съ сыномъ своимъ паки онаго видитъ. Она и сказала мнѣ, что всегда почитала меня четвертымъ своимъ сыномъ, и теперъ, когда она узнала, что я привезъ съ собою искуснаго лѣкаря и извѣстія отъ знатнѣйшихъ въ Англіи Медиковъ, то признается что ея фамилія никогда не возможетъ достойно возблагодарить меня за всѣ оказанныя мною ей услуги.

А какъ *Г. Ловтеръ* находился тогда со мною, то въ самое тожь время приказано призвать тѣхъ лѣкарей, кои лѣчили *Иеронима*. Они безъ всякаго затрудненія изъяснили образъ своего лѣченія и операціи. *Г. Ловтеръ* принялъ на себя видъ такого свѣдущаго человѣка, которой почитаетъ знанія другаго; и ревность свойственная чужестранцамъ ни мало не воспрепятствовала признать его достоинства. *Иеронимъ* ввѣряясь слѣпо всему, чтобъ отъ меня ни происходило, приказалъ отвести ему покой подлѣ своего. Съ сего самага времени *Г. Ловтеръ* не преставаая дѣлать о немъ свои наблюденія, увѣряетъ меня что онъ вскорѣ учинится достойнымъ какъ его такъ и моей довѣренности. Сколько буду я почитать себя благополучнымъ, любезной другъ, естли сдѣлаюсь полезнымъ къ выздоровленію брата и сестры, толико любящихъ другъ друга, что сумнѣваются не отъ взаимной ли ихъ нѣжности продолжается ихъ болѣзнь! Но къ чему служитъ подозреніе въ толь ласкательной надеждѣ!

Теперъ всѣ съ нетерпѣливостію желаютъ видѣть *Клементину*. Она находится уже въ *Ноцерѣ* съ *Генераломъ* и его супругою. Сей гордый

Графъ не можетъ снести даже и единой мысли о моемъ возвращеніи, ниже думать съ умѣренностію, чтобъ почитали меня столь нужнымъ къ востановленію здравія его сестры. О семъ то увѣдомила меня сама *Маркиза*. Она заклинала меня имѣть снизхожденіе, естли сынъ ея, по излишней своей чувствительности къ чести фамиліи, преступитъ границы благопристойности. Вовремя сего разговора я не мало удивился услыша отъ нее, что она начинаетъ опасатся, чтобъ ея любезная дочь, о коей она долгое время имѣла высокое мѣніе, не сдѣлалась меня недостойна, хотябъ и могли ласкаться что она благополучно выздоровѣетъ. Таковое засвидѣтельствованіе привело меня въ великое замѣшательство. Какой бы отвѣтъ мой на сіе не показался или весьма хладнокровнымъ или можетъ быть корыстолюбивымъ, и по коему могли бы судить, то я весьма много полагаюсь на ту награду, которой *Генераль* почитаетъ меня еще недостойнымъ.

Я признался искренно, что несчастія дражайшей *Клементины* дѣлаютъ мнѣ ее гораздо любезнѣйшею нежели всѣ ея богатства. Нѣтъ ничего такого, возразила *Маркиза*, въ чемъ бы я не имѣла желанія вамъ признаться. Я не доумѣваю во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ. Мы не знаемъ, на что рѣшиться. Ваше путешествіе, принятое по первому знаку; знатное имѣніе, коимъ вы обладаете въ своей земли, ибо вы должны быть увѣрены что мы не преминули освѣдомишься о всемъ да васъ касающемся; *Оливія*, которая хотя и не *Клементина*, но имѣетъ на васъ требованія и которая оставила Италію, какъ мы узнали, да вы и сами въ томъ признаетесь, дабы уважить оныя въ Англіи: Чемъ мы вами не обязаны? На чемъ намъ рѣшишься? Чего должны мы желать?

Провидѣніе и вы, *Сударыня*, можете токмо разполагать мною. Я предаю себя совершенно вашей власти. Неизвѣстность, происходящая отъ той же самой причины, подаетъ не болѣе мнѣ какъ и вамъ свободы на что ни будь рѣшиться. Къ востановленію же здравія любезной нашей *Клементины* клонятся теперь всѣ мои мысли и желанія; и я не имѣю даже и малѣйшаго помышленія о какой либо для себя пользѣ.

Позвольте мнѣ еще предложить вамъ одинъ вопросъ, возразила она относящійся особенно къ моему удовольствію: Естли все для *Клементины* щастливо окончится, то почтете ли вы себя обязанными исполнить прежнія свои предложенія.

Когда я оныя представилъ, *Сударыня*, то состояніе съ вашей стороны было такое же какъ и теперь: *Клементина* не лучшимъ здравіемъ наслаждается разность состоитъ въ томъ, что мое щастіе перемѣнилось и что оно соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Но я объявилъ вамъ тогда, что естли вы сдѣлаете мнѣ честь и отдадите за меня дочь вашу, не настоя въ томъ условіи, коего я никакъ исполнишь не могу, то я съ охотою бы отрекся отъ всякаго другаго блага кромѣ ея, и положусь въ установленіи своего состоянія на милость моею родителя. Моглоли бы

наслѣдство моихъ предковъ перемѣнить мое рѣшеніе? Нѣтъ, Сударыня. Я никогда не предлагаю того, чего бы не сдѣлалъ, если бы только не случится никакой перемѣны въ обстоятельствахъ. Когда вы не столь твердо будете настоять въ условіи о нашемъ мѣстопробываніи то я чрезвычайно буду обязанъ вашей милости не предлагая иннаго условія.

Она повторила, что не для чего иннаго спросила меня о семъ, какъ для удовольствованія единственно самой себя. Я говорю искренно, присовокупила она, и никогда вы не усмотрите во мнѣ неправды.

Я увѣрялъ ее, что все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, дабы соотвѣтствовать тому мнѣнію, какое она о мнѣ имѣетъ. Я почитаю себя тѣмъ обязаннымъ, сказалъ я ей; но вы, Сударыня, и всѣ ваши родственники свободны. Какое удовольствіе, любезной *Докторъ*, для столь гордѣливаго сердца, каково мое, видѣть себя въ состояніи говоришь ей такія слова; еслибъ предаваясь моимъ склонностямъ старался я нравиться молодой особѣ, коея прелести вамъ извѣстны, поелику могъ бы приступить къ тому съ честію и сдѣлалъ бы сіе безъ сомнѣнія: когда бы менѣе былъ тронутъ нещастіями сей благородной фамиліи; то вошелъ бы въ такія затрудненія, кои умножили бы еще болѣе мои прискорбія. Увѣдомъ меня, любезной другъ, что *Миссъ Биронъ* щастлива. Какой бы ни былъ мой жребій; во я чувствую великое удовольствіе, что не вовлекъ никого съ собою въ неизвѣстное состояніе. *Графиня Д...* весьма почтенная женщина. *Миссъ Биронъ* заслуживаетъ имѣть такую мать, и *Графиня* никогда не сыщеть себѣ дочери достойнѣе ее. Колико благополучіе любезной сей дѣвицы важно для моего щастія! я просилъ ее имѣть ко мнѣ дружество; но весьма остерегался желать вести съ нею переписку и очень доволенъ, что въ томъ не положился на свое сердце. Какое было бы тогда мое замѣшательство! Благодарю Бога что не имѣю причины укорять себя. Когда не весьма отважно повергаются въ опасности и не съ лишкомъ полагаются на собственныя свои силы, то могутъ ожидать отъ своего благоразумія помощи соразмѣрной случаю. Я говорилъ *Маркизь* о Гжѣ. *Сфорсъ* и ея дочери, и спросилъ ее, не въ *Медіоланѣ* ли обѣ сіи госпожи теперь находятся. Вы безъ сомнѣнія знаете, отвѣчала она мнѣ, какія жестокости претерпѣла *Клементина* въ семъ домѣ; Гжа. *Сфорсъ* заступается за свою дочь. Онѣ обѣ теперь въ *Медіоланѣ*. *Генераль* клялся никогда съ ними не видаться, если бы только можетъ того миновать. *Епископъ* имѣлъ нужду уважить всю святость своего закона, дабы ихъ простить. Вамъ не безъизвѣстны, *Кавалеръ*, причины непозволяющія намъ допустить *Клементину* постричься въ монахини.

Я узналъ, Сударыня, что это фамиліныя причины, основанныя на завѣщаніи ея дѣда; но я никогда не любопытствовалъ подробнѣе о томъ навѣдываться.

Дочь моя, Г. мой, имѣеть весьма знатное помѣстье лежащее подлѣ самаго главнаго изъ нашихъ. Она обязана симъ подаркомъ обѣимъ своимъ дѣдамъ, кои чрезвычайно ее любили и согласились оставить ей твердой знакъ своей нѣжности. Одинъ изъ оныхъ, которой былъ мой родитель, влюбился въ юности своей въ молодую особу весьма великихъ достоинствъ и почиталъ себя весьма увѣреннымъ въ ея сердцѣ; но когда, по согласію обѣихъ фамилій, заключеніе брака было уже опредѣлено, то по излишнему худо понятому набожеству вдругъ пожелала она заключиться въ монастырь, чего она съ толикою нетерпѣливостію желала, что едва дождалась сроку искуса, дабы произнестъ послѣдніе свои обѣты. По прошествіи нѣкоего времени она разскалась въ своей торопливости и печальное ея состояніе было всѣмъ извѣстно. Родитель мой, хотя впрочемъ былъ ревностный Католикъ возчувствовалъ отъ того непреодолимое отвращеніе къ монастырю; и примѣтя заблаговременно нѣкую степенность въ *Клементинѣ* принялъ по согласію съ родителемъ моего мужа намѣреніе ничего не щадить, дабы шок-мо лишійшь ее склонности къ монастырской жизни. Ихъ намѣреніе состояло также и въ томъ, дабы утвердить оба дома хорошими союзами. Словомъ сказать, когда объявлено было сіе помѣстье въ продажу и то они купили его на общую сумму для моей дочери и по особливому условію въ ихъ завѣщаніи, положили что естли *Клементина* вступить въ монастырь, то столь богатое приданое опредѣляется *Дауранъ*, дочери сестры моей *Сфорсъ*.

Мы нимало не подозрѣвали, чтобъ *Даурана* имѣла страстныя чувствованія къ Графу *Бельведере* и что намѣрена была съ своею матерью склонить дочь мою ко вступленію въ монастырь, дабы сдѣлаться наслѣдницею ея имѣнія и привлечь къ себѣ *Графа*. Свирѣпая сестра! свирѣпая тетка! Кто могъ о семъ и помыслить, по изъясненіямъ пылкой ихъ любви къ моей дочери? Нещастень тотъ день, въ которой поручили мы ее ихъ власти!

Выключая прекраснаго помѣстья, ей подареннаго, мы можемъ еще много сдѣлать въ ея пользу. Весьма мало въ Италіи столь богатыхъ фамилій, какъ наша. Ея братья нимало тогда не думаютъ о своей пользѣ, когда дѣло идетъ о ея выгодахъ, и я должна ей также отдать сію справедливость, что ея великодушіе нимало не уступаетъ ихъ щедрости. Наши дѣти никогда не знали, что такое есть ссора. Выгода одного составляетъ выгоду другаго. Сія дочь, сія любезнѣйшая дочь во всякое время составляла утѣхи своей фамиліи. Сколь бы велика была наша радость, естлибъ увидѣли ее въ прежнемъ здравіи и совокупишеюся бракомъ съ такимъ человѣкомъ, коего бы избрала она по своему сердцу! Впрочемъ мы всегда примѣчали, что не взирая на расположеніе своихъ дѣдовъ она имѣла склонность къ монастырской жизни. Но теперь, *Кавалеръ*, нимало не удивляйтесь что мы рѣшились до того ее не

допустить. Можемъ ли мы согласиться видѣть жестокость *Даураны* награжденною, наипаче когда не въ состояніи находимся изгнать изъ мыслей нашихъ побудительныхъ причинъ ея варварства? Ожидала ли я когда нибудь такого поступка отъ сестры моей *Сфорсъ*? Но чего не въ состояніи сдѣлать любовь и корысть, когда обѣ сіи страсти соединятъ свои силы; одна царствуетъ въ сердцѣ дочери, а другая въ сердцѣ матери? Увы! онѣ испровергли разумъ дражайшей моей *Клементины*. Единое имя *Даураны* приводитъ ее въ ужасъ.

Я опасаюсь, любезной мой *Докторъ*, и съ нетерпѣніемъ желаю видѣть предметъ толикихъ слезъ. Я желалъ бы, чтобъ съ нею не было *Генерала*. Я сумнѣваюсь, чтобъ могъ удержаться въ границахъ умѣренности, когда онъ преступитъ оную. Мое сердце увѣряетъ меня что я не заслужилъ еще, чтобъ со мною такъ поступали и что отъ равныхъ мнѣ или превосходящихъ меня я не въ состояніи того снести. Я признаюсь вамъ въ семь съ смущеніемъ; ибо сія гордость составляетъ чрезвычайной порокъ, которой надлежало бы мнѣ давно изгнать.

Прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе тѣмъ, коихъ, какъ вы знаете, я люблю, равно Г. и Гжѣ *Ревсъ*. Я почитаю *Шарлотту* щастливою. Естьлижъ чего недостаетъ ея благополучію, то я увѣренъ что это происходитъ отъ нее. А какъ я люблю съ равною нѣжностію обѣихъ моихъ сестеръ, то пусть не подаетъ она мнѣ причины сказать, что старшая лучше ее, а слѣдственно и любезнѣе.

Оливія меня беспокоитъ; мнѣ стыдно за ее и за себя, что невзирая на знатность своего рода, и на хорошія качества она сдѣлала такой поступокъ, которой сама бы не похвалила въ другой особѣ. Когда женщина преступила сію разборчивость, которая составляетъ защиту скромности; то что остается и самой скромности къ укрытію себя отъ непріятеля?

Скажите моей *Емили*, что она никогда не выходитъ изъ моей памяти, и что выключая изящныхъ образцевъ, кои она имѣетъ передъ своими глазами, примѣры *Миссъ Бирон* никогда не должны выходить изъ ея мыслей.

Къ *Милорду Л...* и *Милорду Ж...* чувствую я всю братнюю мою любовь. Я не имѣлъ времени писать къ любезному моему *Бельшеру*; но писать къ вамъ значитъ то же что и къ нему.

Теперь вы видите всю внутренность моего сердца. Если въ семь писемъ или въ предбудущихъ усмотрите вы что ниестъ такого, коего сообщеніе покажется вамъ требующимъ нѣкоей осторожности, то я полагаюсь на вашу скромность съ большею довѣренностію нежели на свою.

Я ожидаю отъ моихъ друзей много писемъ по первой почтѣ. Мое отечество, которое я всегда любилъ, никогда еще не было столь драгоцѣнно какъ теперь вашему и проч,

Грандиссону.

ПИСЬМО LXIX.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Изъ Болоніи, 22 Маія.

Епископъ Ноцера отправился вчерашняго числа въ Урбинъ въ томъ единомъ намѣреніи дабы самому извѣститься о здоровьѣ своей сестры; а можетъ быть и для того, дабы уговорить *Генерала* видѣться со мною съ учтивостію. Еслибъ я былъ уверенъ, что честный *Прелатъ* почелъ сію предосторожность нужною, то моя гордость чувствительно была бы тѣмъ тронута.

Графъ Бельведере прибылъ вчера въ вечеру въ Болонію. Онъ тотчасъ сыскалъ случай со мною видѣться на единѣ. Разговаривая долгое время со мною признался онъ мнѣ съ довѣренностію, что ему предлагали о бракѣ съ *Госпожею Даураною*, но онъ отвѣчалъ, что его сердце уже занято, хотя и съ малою надеждою; и что онъ ни мало не жалѣетъ о столь краткомъ отвѣтѣ, поелику знаетъ съ какою жестокостію и по какимъ побудительнымъ причинамъ начинщики сего дѣла ввергли въ болѣзнь наисовершеннѣйшее твореніе природы. Вы видите, присовокупилъ онъ, что я изъясняюсь съ вами безъ всякой скрытности. Вы чрезвычайно бы меня обязали, *Кавалеръ*, еслибъ изволили объявить мнѣ, въ чемъ состоятъ теперъ собственныя ваши намѣренія. Но я съ великимъ удовольствіемъ желалъ бы услышать отъ самихъ васъ о всемъ происшедшемъ между вами, *Клементиною* и фамиліею до выѣзду вашего изъ Италіи. Они съ своей стороны уже рассказали мнѣ свое повѣствованіе.

Я рассказалъ ему свое приключеніе съ такою вѣрностію, что онъ весьма былъ доволенъ. Это тоже самое, сказалъ онъ мнѣ, о чемъ уже я извѣстенъ. Еслибъ вы были одного съ *Клементиною* закона, то не осталось бы нималѣйшей надежды для другаго человѣка. Я истинно уважаю ея благочестіе и приверженность къ закону; но мое сердце еще не столько стѣснено, чтобъ не отдать равной справедливости и вашимъ чувствованіямъ. А поелику ея болѣзнь есть случайная, то я никогда и помышлять бы не сталъ о другихъ женщинахъ, если бы могъ ласкаться, что она не почтетъ себя несчастною со мною. Говорите откровенно, я знаю что они желали вашего возвращенія. Съ тѣмъ ли намѣреніемъ пріѣхали вы, чтобъ сочетаться съ нею бракомъ, если она получитъ прежнее свое здравіе?

Я отвѣчалъ ему тоже самое что и *Маркизь*. А онъ столько казалось былъ мною доволенъ, сколько и я имъ. И такъ тогоже самого дня возвратился онъ въ Парму.

Въ пятницу, 23 Маія.

Прелатъ возвратился. *Клементина* чрезвычайно была больна лихорадкою. Коликихъ не претерпѣла она скорбей? *Епископъ* увѣряетъ меня что *Генераль* и его супруга почитаютъ себя обязанными за тѣ труды, кои я употребилъ для услугъ *Иеронима*. А какъ лихорадка въ *Клементинѣ* миновалась, то она будетъ сюда дня черезъ два.

Съ какою нетерпѣливостію желаю я ее видѣть! Однако сіе зрѣлище ничего иннаго мнѣ не обѣщаетъ кромѣ горести. Она, какъ говорятъ, есть истое изображеніе безмолвной печали. Черты ея одинаковы, присовокупляетъ *Епископъ*, хотя она и весьма худощава. Ей сказали, что *Иеронимъ* приходитъ въ лучшее состояніе: любезной вашъ *Иеронимъ*, повторилъ *Генераль*. Она съ нѣжностію произнесла сіе имя; и потупя свои взоры, опять впала въ глубочайшую задумчивость. Потомъ произнесли ей также и мое имя. Она съ торопливостію оглянулась вокругъ себя, какъ будто бы надѣясь кого нибудь увидѣть. Но услыша по случаю нѣкоторой шумъ содрогнулась и ухватилась обѣими руками за *Камиллу* съ смущенными глазами, опасаясь по видимому чтобъ не увидѣть жестокой *Даураны*. Коликихъ мученій не претерпѣла ли она отъ ея варварства?

Въ Пятницу въ вечеру.

Я препровождаю большую половину моего времени съ Господиномъ *Иеронимомъ*, но въ разные часы, дабы тѣмъ не утомить моихъ мыслей. Италіанскіе лѣкаря и *Г. Ловтеръ* по щастію нашему согласуются во всѣхъ своихъ мѣрахъ. Больной также свидѣтельствуетъ что ему гораздо стало легчѣ съ нѣкоего времени. Всѣ вообще приписываютъ возвращеніе его силъ частымъ моимъ посѣщеніямъ. Завтра примутся за самую опасную его рану. *Г. Ловтеръ*, которой предпринимаетъ сію операцію, не желаетъ, говоритъ онъ, прежде успѣха ничемъ ласкаться.

Маркизь и его супруга безпрестанно оказываютъ мнѣ свою признательность въ самыхъ чувствительнѣйшихъ и обязательнѣйшихъ выраженіяхъ. Вчерашній день они меня посѣтили, подъ видомъ слабаго здоровья, кое удерживаетъ меня въ моей горницѣ и кое думаю я произошло отъ безпокойныхъ и различныхъ, моихъ мыслей, томящихъ меня по опасенію моему о *Иеронимѣ*, по безпокойствію о *Клементинѣ* и во ежеминутному воспоминанію о тѣхъ дражайшихъ друзьяхъ, коихъ оставилъ въ Англіи. Вы знаете, любезной *Докторъ*, что не взирая на всѣ

мои усилія, коими я стараюсь изтребить воспоминаніе о тѣхъ прискорбіяхъ, коимъ не могу помочь, Небо одарило меня гораздо чувствительнѣйшимъ сердцемъ, нежели сколько бы я желалъ для моего спокойствія. *Оливія* весьма много мучитъ мое воображеніе. Что касается до *Миссъ Биронъ*, она должна быть щастлива по правотѣ своего сердца. Я думаю, что она не воспротивится усиленнѣйшимъ прозбамъ *Графини Д...* въ пользу ея сына, которой по истиннѣ есть одинъ изъ любвидостойнѣйшихъ нашихъ Господъ. Она будетъ щастливѣйшею особою; поелику есть достойнѣйшая изъ всѣхъ естли ея благополучіе соотвѣтственно будетъ моимъ желаніямъ. *Емилиа* занимаетъ большую часть моихъ мыслей. Любезной нашъ *Бельшеръ* созданъ для того дабы быть щастливымъ, *Милордъ В...* мои сестры и зятья должны также быть благополучны. Для чегожъ нещастливъ я самъ? Я долженъ и хочу быть благополучнымъ, естли Небо низпошлетъ здравіе *Иерониму* и сестрѣ его. Вамъ же, Любезной *Доктор* совершенно не лзя не быть щастливымъ. И такъ чтожъ воспрепятствуетъ мнѣ принимать участіе въ благополучіи друзей моихъ? поелику увѣряю васъ, любезной *Докторъ*, что я пребываю искреннѣйшимъ и признательнѣйшимъ изъ друзей вашихъ.

Грандиссонъ.

ПИСЬМО LXX.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Въ понедѣльникъ 26 Маія.

Вчерашняго вечера *Клементина*, *Генераль*, его супруга, *Графъ дела Поретта* и *Г. Севастіанъ* сынъ его, прибыли въ Болонію. Я не отходилъ ни на часъ отъ *Иеронима*. Операция съ успѣхомъ произведена была въ дѣйство; но онъ по чрезвычайной своей слабости нѣсколько разъ впадалъ въ обморокъ въ тотъ день. Однако я оставилъ его весьма спокойнымъ и даже въ пріятныхъ мысляхъ о возвращеніи сестры своея. *Прелатъ* приказалъ мнѣ сказать около вечера, что *Клементина* пріѣхала, что она была утомлена, слаба и погружена въ обыкновенныхъ своихъ размышленіяхъ; но что *Камилла* увѣдомитъ меня завтра въ какомъ состояніи ея госпожа находится будетъ.

Во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Вы можете узнать, любезной *Докторъ*, причину моей бессонницы. Сего утра пришла ко мнѣ *Камилла*. Сія бѣдная дѣвушка столь обрадовалась увидя меня опять въ Италіи, что я не скоро могъ получить отъ нее тѣхъ изъясненій, о коихъ съ нетерпѣливостію знать желалъ. Наконецъ она мнѣ сказала, что *Генераль* и *Епископъ* намѣрены ко мнѣ придти; и испуская изъ устъ своихъ при каждомъ словѣ вздохъ, она продолжала: Ахъ! Г. мой, что претерпѣла моя

госпожа съ того времени какъ вы насъ оставили! Вы ее теперь не узнаете. Мы не думаемъ даже, чтобъ и она васъ узнала. Какое будетъ ваше первое свиданіе! Она весьма рѣдко приходитъ въ себя. Она обыкновенно погружена бываетъ въ чрезвычайно глубокой задумчивости и ни съ кѣмъ не говоритъ. Всякой Иностранецъ какой бы ни былъ приводитъ ее въ трепеть. О жестокая, жестокая *Даурама!* *Камилла* говорила мнѣ долгое время такія речи, нимало не внимая моимъ вопросамъ; и я ничего отъ ней не узналъ другаго, кромѣ того что могъ понять изъ ея жалобъ и восклицаній. Увы! подумалъ я, страданія *Климентины* перемѣнили также разумъ и сей бѣдной дѣвицы.

Она съ такою же торопливостію меня оставила, потому ли что имѣли въ ней нужду, или опасаясь чтобъ *Генераль* у меня ее не засталъ.

Оба братья пришли ко мнѣ почти въ то же самое время. *Генераль* взялъ меня за руку съ нѣкоею принужденною учтивостію. Мы должны, Г. мой, сказалъ онъ мнѣ, благодарить васъ за ту милость, которую, вы намъ оказали привезши съ собою Г. *Ловтера*. Не ужели Англинскіе лекаря столь славны? Но какъ воины вашего народа умѣютъ наносить раны; то должны также имѣть и такихъ искусныхъ людей, кои бы умѣли вылѣчивать оныя. Мы равно обязаны вамъ за предпринятое вами путешествіе; *Иеронимъ* чувствуетъ что ему стало уже съ того времени легчѣ. Дай Боже! чтобъ онъ скорѣе выздоровѣлъ. Но Ахъ! Нещастная наша сестрица! Бѣдная *Климентина!* Я уже никакой о ней надежды не имѣю.

Сколько я сожалѣю, сказалъ *Прелатъ*, что не поручили ее смотрѣнію Гжи. *Бемонтъ!*

Генераль увезши ее самъ изъ Флоренціи нимало не оказывалъ такого сожалѣнія. Есть и такого сложенія люди, перервалъ онъ рѣчь его, на коихъ было бы можетъ быть гораздо лучше положиться. Но *Даурана* имѣетъ адскую душу; а Гжу. *Сфорсъ* надлежитъ проклинать за то, что споспѣшествовала лютымъ ея умысламъ.

Онъ говорилъ о моемъ возвращеніи нарочито хладнокровно. Однако, сказалъ онъ, поелику я теперь въ Болоніи, и сестрица его казалось желала меня видѣть, то можно позволить на сіе свиданіе единственно для того, дабы удовлетворить тѣхъ изъ фамиліи, кои просили меня пріѣхать въ Италію; въ чемъ онъ тѣмъ паче удивляется моему благоугожденію, зная что у насъ въ Англіи находится госпожа *Оливія*, но что впрочемъ онъ весьма бы мало надѣялся.....

При семъ онъ остановился. Я взглянулъ на него съ видомъ негодованія и презрѣнія: и не говоря ни слова, обратился къ *Епископу*, спрашивая его? каково *Иеронимъ* препроводилъ ночь? Слава Богу, отвѣчалъ мнѣ *Генераль* съ холодностію; но я обманулся, *Кавалеръ*, естли не примѣтилъ въ вашихъ глазахъ презрительнаго вида. Мои глаза, возразилъ я, всегда бываютъ согласны съ моимъ сердцемъ. Мнѣ кажется,

Г. мой, что вы мало цѣните мои предпріятія, да я не болѣе уважаю труды моего путешествія, естли ваши разсужденія не лично ко мнѣ клонятся. Естлибѣ я былъ въ Неаполѣ и у васъ самихъ; то бы сказалъ вамъ, что въ семь случаѣ вы не отдаете довольно справедливости желанію побуждающему обязывать другихъ. Впрочемъ я не требую отъ васъ никакой малости, которая бы не клонилась болѣе къ вашей пользѣ, нежели къ моей.

Любезной *Грандиссонъ!* вскричалъ *Епископъ*. Дражайшій братъ! сказалъ онъ *Генералу*, не обѣщали ли вы мнѣ? Какаяжъ необходимость говорить *Кавалеру* о *Оливіи*?

Неужели, Г. мой, это самое васъ оскорбляетъ? возразилъ *Генераль* оборотясь ко мнѣ. Такъ я весьма буду остерегаться дѣлать такія разсужденія, кои могли бы оскорбить человека столь важнаго... а особливо о женщинахъ, Г. мой. Сіи слова сопровождаемы были насмѣшливымъ видомъ. Я оборотясь къ *Епископу* сказалъ ему: вы видите, что вашъ братецъ имѣетъ ко мнѣ непреодолимое отвращеніе. Я помню какъ онъ оказалъ мнѣ въ Неаполѣ толико же предосудительныя подозрѣнія какъ для его сестрицы, такъ и для меня; хотя и почиталъ уже оныя уничтоженными, но его худое ко мнѣ расположеніе паки обнаруживаться начинаетъ. Однако когда я спокоенъ въ моей невинности, то ему весьма трудно будетъ хотябѣ по премногимъ причинамъ принудить меня выдти изъ границъ благопристойности.

А изъ сихъ премногихъ причинъ, *Кавалеръ*, моя польза безъ сомнѣнія состоитъ только въ одной, [съ насмѣшкою]?

Судите о томъ, какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я. Но не поитили намъ, государи мои, къ Г. *Иерониму*?

Нѣтъ, сказалъ *Епископъ*, до тѣхъ поръ пока я не увижу между вами теснѣйшей дружбы. Братецъ, подайте мнѣ свою руку, [усиливаясь оную взять] а вы свою, *Кавалеръ*.

Располагайте моею по своему желанію, отвѣчалъ я подавая ему оную. Онъ взялъ мою руку и въ тоже самое время *Генералову*. Я подошелъ къ нему поближе, дабы тѣмъ удобнѣ могъ онъ соединить оныя; и взявъ *Генералову*, которой казалось еще противился, сказалъ я ему, не супротивляйтесь, Г. мой, примите дружбу отъ искренняго моего сердца. Окажите мнѣ по щастливому опыту тѣ великія качества, кои всѣ вамъ приписываютъ. Я требую вашего дружества; поелику въ сердцѣ своемъ имѣю свидѣтельство, что оную заслуживаю; и я конечно бы оной не домогался, естлибѣ способенъ былъ къ подлости. Хотя мнѣ весьма прискорбно казаться презрительнымъ предъ вашими глазами; но я никогда таковымъ не буду передъ моими собственными.

Тогда онъ спросилъ своего брата, можноли снести видъ таковаго превозношенія? Я отвѣчалъ, что признаніе дѣлаемое имъ усугубляетъ мою честь. *Епископъ* тотчасъ присовокупилъ къ тому, что я говорю съ

благородствомъ, что мои свойства извѣстны, и что онъ надѣется видѣть насъ искренними друзьями. Онъ усиленно насъ просилъ принять сіе имя.

За чѣмъ же скрывать? возразилъ *Генераль*, я не могу сносить, чтобъ *Кавалеръ* почиталъ себя столь нужнымъ для моей сестрицы, какъ въ томъ почитаютъ себя увѣренными нѣкоторые въ моей фамиліи.

Вы весьма мало меня знаете, Г. мой, отвѣчалъ я ему. Мои желанія стремятся теперь единственно къ возстановленію здравія вашей сестрицы и Г. *Иеронима*. Естьли я буду имѣть щастіе тому споспѣшествовать, то одна моя радость будетъ мнѣ за то наградою. Но дабы успокоить ваши мысли и привести васъ въ такія къ себѣ разположенія, какихъ самъ желаю; даю я вамъ честное слово [а ето такой законъ, Г. мой, коего я никогда не нарушалъ] что какіе бы успѣхи мы не получили отъ Всевышняго касательно болѣзни вашей сестрицы, но я никогда не приму и величайшей милости, какую толькобъ пожелали мнѣ оказать, безъ согласія трехъ братьевъ, равно какъ родителя и родительницы. Я присовокупляю к тому, что собственная моя гордость не позволитъ мнѣ вступить въ такую фамилію, въ коей бы не честно о мнѣ думали, ниже подвергнуть любезную для меня дѣвицу презрѣнію ближайшихъ ея родственниковъ.

Генераль, казалось весьма былъ доволенъ симъ изъясненіемъ. Ето мнѣніе благородно, сказалъ онъ мнѣ: теперь принимаю я вашу руку и всячески стараться стану быть истинно вашимъ другомъ.

Что вы скажете о сей гордости, любезной мой *Докторъ*? Конечно онъ не иначе меня почитаетъ какъ за простаго Англинскаго дворянина; а по сему то мнѣнію я никогда не вступаю въ союзъ съ его фамиліею, сколь мало ни находилъ бы онъ самъ вѣроятности къ возстановленію здравія своей сестрицы. Впрочемъ онъ до чрезвычайности любитъ *Графа Бельведере* и вся фамилія весьма желаетъ вступать съ нимъ въ родство.

Прелатъ казалось великое чувствовалъ удовольствіе видя насъ съ обѣихъ сторонъ расположенными жить въ тѣсной дружбѣ. Я же съ моей стороны тѣмъ удобнѣе согласился оказать нѣсколько снисхожденія гордости другаго, что *Гжа. Бемонтъ* меня къ тому уже приуготовила. Да и самъ родитель и родительница сего гордаго человѣка весьма опасались его нрава; они будутъ весьма довольны, когда узнаютъ, что я столь легко преодолѣлъ его предубѣжденія.

При выходѣ своемъ отъ меня *Генераль* взявъ меня за руку сказалъ мнѣ съ веселымъ видомъ: я уже женился, *Кавалеръ*, а на поздравленія, кои я приносилъ желая ему благополучія, онъ отвѣчалъ, что они бесполезны: поелику онъ совершенно щастливъ. Жена моя, продолжалъ онъ, составляетъ все то, что токмо есть любезнѣйшаго въ свѣтѣ. Она съ нетерпѣливостію желаетъ васъ видѣть. Но я ничего не опасаюсь, потому что она великодушна, а я всегда буду признателенъ. Но смотрите за самимъ собою, *Кавалеръ*, смотрите за собою, я васъ о томъ

предувѣдомляю; поелику и ничего незначущій взглядъ будетъ замѣченъ. Удивляйтесь ей, я на то согласенъ; и сумнѣваюсь чтобъ вы отъ того могли удержаться: но впрочемъ я весьма радуюсь, что она не видала васъ прежде моего бракосочетанія.

Такимъ образомъ оба братья пошли отъ меня со многими знаками дружества, а въ заключеніе *Епископъ* сказалъ мнѣ, что онъ поздравляетъ себя, имѣя теперь трехъ братьевъ. Я намѣренъ слѣдовать за ними въ палаты *делла Порретты* и себя представить: но, любезный *Доктор*, съ какимъ движеніемъ увижу я.....

ПИСЬМО LXXI.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

*Изъ Болоніи въ понедѣльникъ
въ вечеру 26 Маія.*

Я возвратился домой. Вы ожидаете отъ меня, любезной *Докторъ*, подробнаго описанія важнаго произшествія.

Я поѣхалъ послѣ обѣда, но заблаговременно, въ томъ намѣреніи дабы препроводить нѣсколько времени съ любезнымъ моимъ *Иеронимомъ*. Онъ чувствуетъ еще великую боль отъ послѣдней операціи. Однако *Г. Ловтеръ* весьма спокоенъ и не менѣе отъ того имѣетъ надежды.

Когда мы остались на единѣ съ симъ вѣрнымъ другомъ, то онъ сказалъ мнѣ что еще не видался съ своею сестрицею; а изъ того заключаетъ что она конечно весьма нездорова; но при всемъ томъ знаетъ, что ее приготовляютъ къ принятію моею посѣщенія. О любезный *Грандиссонъ*! вскричалъ онъ въ восторгѣ своей нѣжности, колико я соболѣзную о столь чувствительномъ и великодушномъ сердцѣ каково ваше! Но что вы сдѣлали съ *Генераломъ*? Онъ увѣряетъ меня, что вамъ удивляется и васъ любитъ; а *Епископъ* тѣмъ поздравляетъ меня. Онъ зналъ что сіе принесетъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе.

Въ сію самую минуту вошелъ къ Намъ *Генераль*. Онъ поздоровался со мною съ такимъ дружествомъ, что я примѣтилъ радость въ глазахъ *Иеронима*. Въ какомъ печальномъ состояніи оставилъ я мою сестрицу! сказалъ намъ *Генераль*. Я совершенно не понимаю, *Кавалеръ*, съ какимъ прискорбіемъ будете вы смотрѣть не сіе зрѣлище? Въ сіе время вошелъ къ намъ *Прелатъ*: О *Кавалеръ*, сказалъ онъ вошедши, моя сестрица ни къ чему не имѣетъ вниманія. Она не узнаетъ уже никого. Даже и самая *Камилла* кажется ей теперь незнакомою. Они совершенно позабыли въ первомъ ихъ движеніи, что такая вѣсть могла произвести сильное впечатлѣніе надъ ихъ братомъ. Успокоя же его, они просили меня войти въ горницу *Г. Ловтера*, которой остался одинъ съ своимъ больнымъ.

Маркиза пришла къ намъ обливаясь слезами. Сія любезная дочь уже меня не узнаеть, и ни малѣйшаго не оказываеть ко мнѣ вниманія. Я никогда ее еще не видала толико нечувствительною къ своей матери. Я говорила ей о *Кавалерѣ Грандиссонѣ*; но и ваше имя нималѣйшаго не произвело надъ нею впечатлѣнія: Чтожъ должно думать о семъ странномъ безмолвіи? *Камилла* сказала ей, что вы желаете ее видѣть. Моя невѣстка равное дѣлала ей обѣщаніе. О *Кавалерѣ*! Тщетная надежда, она совершенно лишилась разума. Мы еще столь были жестокосерды, что произнесли имя *Даураны*; она ни мало тѣмъ не устрашилась, какъ то бывало прежде.

Камилла прибѣжавши къ намъ съ веселымъ видомъ вскричала: моя госпожа начинаетъ говорить. Я ей сказала что она должна приготовиться къ свиданію съ *Кавлеромъ Грандиссономъ*, и что всѣ даже к *Генералѣ* того желаютъ. Поди прочь, отвѣчала она мнѣ, вы болѣе не обманете меня своими баснями. Вотъ все что могла я отъ нее услышать. Изъ сего заключили, что она меня узнаеть, какъ скоро покажусь я передъ нею; такимъ образомъ пошли мы въ кабинетъ *Маркизы*. Духовный отецъ сдѣлалъ мнѣ весьма выгодное изображеніе, *Генераловой* супругѣ, которой я еще не видалъ; и я узналъ отъ *Прелата*, что при всемъ достоинствѣ *Маркизы*, она была воспитана по французскому образцу. *Маркизъ*, *Графъ*, *духовный отецъ* и сія *Госпожа*, коей прелестями я дѣйствительно былъ удивленъ, находились въ кабинетѣ. *Генералъ* взялъ на себя представить меня своей супругѣ. Потомъ мы сѣли. Когда всѣ приготовились, какъ я примѣтилъ, наблюдать какое вниманіе окажетъ *Климентина*, когда представятъ меня предъ нее при всемъ собраніи. Но я спросилъ *Маркизу*, не опасается ли она, чтобъ столь многочисленная компанія не причинила ей сильнаго движенія. Дай Богъ, отвѣчалъ *Маркизъ* вздыхая, чтобъ она чемъ ниестъ была тронута! Наши разговоры, сказала *Маркиза*, будутъ таковы какъ въ обыкновенномъ собраніи. Сколько разъ ни покушались мы возбуждать ея вниманія другими средствами? Впрочемъ, присовокупилъ *Прелатъ*, мы ей ближайшіе родственники. И намъ удобнѣе будетъ, сказалъ *Генералъ*, наблюдать все ея движенія. Она предупреждена, говорила *Маркиза*, о всѣхъ особахъ, коихъ должна здѣсь видѣть и приказала чтобъ съ не были только *Камилла* и *Лавра*.

Въ ту самую минуту пришла любезная *Климентина* поддерживаемая *Камиллою*, а за нею *Лавра*. Она шла потупя взоры тихо но величественно. На ней была черная роба волочащаяся по земли. Бѣлая флеровая фата покрывала лице ея. Какое живое изображеніе печали!

Я почувствовалъ во внутренности моего сердца чрезвычайное движеніе. Я поднялся со стула, и опять сѣлъ на оной, я поднялся вторично, будучи въ недоуменіи и не зная что дѣлать и что говорить.

Она остановилась по срединѣ кабинета и обратилась къ *Камиллѣ*, показывая ей, чтобъ поправила ея покрывало, но не произнося ни слова, не подымая глазъ своихъ передъ нею, и не примѣчая никого. Я хотѣлъ была къ ней подойти, но *Генераль* удержалъ меня за руку. Пойдите, пойдите, любезный *Грандиссонъ*, сказалъ онъ мнѣ. Но ваша чувствительность меня пленяетъ. Она идетъ! Она подходитъ къ намъ!

Она приближалась съ закрытыми въ половину глазами и потупленными въ землю. На движеніе же, кое она сдѣлала оборотясь къ окошку, *Камилла* ей сказала: сюда, сюда, *Сударыня*, и повела ее къ кресламъ, нарочно для нее поставленнымъ между обѣими *Маркизами*. Она слѣдовала къ онимъ безъ всякаго супротивленія и сѣла. Ея мать плакала. Молодая *Маркиза* также плакала. Ея родитель въздыхалъ, и обращалъ на нее свои взоры. Мать ея взяла ее за руку говоря, ей: любезнѣйшая моя, посмотри вокругъ себя. Пожалуйте, *Сударыня*, сказалъ старой *Графѣ*, дайте ей волю дѣлать собственныя свои наблюденія. Она казалось нимало не внимала тому, что мать ея и дядя ни говорили. Она все смотрѣла въ землю. *Камилла* стояла позади ея.

Генераль всталъ съ видомъ прискорбія смѣшаннаго съ нетерпѣливостію, и подошелъ къ ней. Любезная сестрица, сказалъ онъ ей, наклоня свою голову на плечо ея, взгляните хотя на насъ. Не поступайте съ нами съ такимъ презрѣніемъ. Посмотрите, вашъ родитель, ваша родительница, сестра ваша и всѣ плачутъ вокругъ васъ. Естьли вы насъ любите, то окажите намъ хотя единую улыбку. Онъ взялъ ее за руку, кою мать ея оставила, предаваясь собственнымъ своимъ движеніемъ.

Наконецъ она на него взглянула; и дѣлая принужденное угожденіе, улыбнулась; но печаль толико овладѣла всѣми ея чертами, что она ничего не могла сказать своему брату кромѣ одинаго желанія обязать его. Ея улыбка казалась погруженною во мракъ печали. Но дабы оказать нѣсколько болѣе угожденія, она вырвала свою руку у брата, оглядывалась на обѣ стороны, и узнавши мать свою, взяла ея руку обѣими своими руками, наклонясь къ оной съ нѣжнымъ движеніемъ.

Когда *Маркизь* всталъ со стула, утирая платкомъ свои слезы. Дражайшая дочь! вскричалъ онъ; Ахъ! естьлибъ мнѣ никогда не видать такой улыбки! Она пронзаетъ, присовокупилъ онъ, мое сердце.

Любезнѣйшая и снисходительнѣйшая сестрица, и такъ вы еще насъ не презираете! Но посмотрите на слезы, кои вы проливать заставляете. Посмотрите на своего родителя. Онъ ожидаетъ отъ васъ хотя малѣйшаго утѣшенія. Его скорбь происходитъ отъ вашего молчанія....

Она взглянула въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ. Меня увидѣла: содрогнулась, паки на меня взглянула; и паки содрогнулась, и оставя руку своя матери, попеременно блѣднѣя и краснѣя, встала, ухватилась обѣими руками за *Камиллу*... О *Камилла*! Вотъ все что она могла произнести. Тогда источникъ слезъ полился изъ глазъ ея; и все собраніе,

хотя чувствительно было тѣмъ тронуту, но чувствовало облегченіе, видя толикое изобиліе текущихъ слезъ. Я дѣйствительно подбѣжалъ бы къ ней, и принялъ бы ее въ свой объятія, не взирая на все собраніе; но *Генераль* удержавши меня сказалъ мнѣ такъ громко, что она могла слышать: любезной *Грандиссонъ*, останьтесь на своемъ мѣстѣ. Если *Клементина* не позабыла Англинскаго своего учителя, то она весьма будетъ рада, увидя его опять въ Болоніи. О *Камилла*, вскричала она, и такъ ты меня не обманула! Я опять стану тебѣ вѣрить. Это онъ. Это точно онъ; и наклонясь къ груди сей дѣвицы, она скрывала свои слезы, кои омочали лице ея.

Въ сіе самое время врожденная въ *Генераль* гордость паки произвела въ немъ свое дѣйствіе. Онъ отвелъ меня къ сторонѣ. *Кавалеръ*, сказалъ онъ мнѣ, я ясно усматриваю то сильное вліяніе, которое вы имѣете надъ сею несчастною дѣвицею. Все собраніе оное примѣтило. Но я полагаюсь на вашу честность. Вспомните о томъ, что вы говорили сего утра.... Боже мои! перервалъ я рѣчь его съ нѣкимъ движеніемъ. При семъ однако я остановился; но возразивши опять съ равною можетъ быть ему гордостію довольствовался симъ отзывомъ: знайте, Г. мой, что тотъ, для коего сіе напоминаніе считаете вы необходимымъ, почитаетъ себя честнымъ человѣкомъ; и что вы признаете его таковымъ, равно какъ и вся ваша фамилія. Сей отвѣтъ казался нѣсколько его потревожилъ. Я пошелъ отъ него прочь съ видомъ нимало для него не чрезвычайнымъ, но которой показался бы весьма пылкимъ для всѣхъ прочихъ, еслибы все ихъ вниманіе не обращено было къ *Клементинѣ*. Однако *Прелатъ* не преминулъ сего замѣтить. Онъ подошелъ къ намъ когда я оставилъ *Генерала*; а какъ я остановился, то оба брата вышли вмѣстѣ со мною.

Возвращаясь же опять къ собранію, я увидѣлъ что любезная *Клементина*, поддерживаемая обѣими *Маркизами* и послѣдуема *Камиллою* выходила изъ кабинета. Она остановилась, увидя меня подлѣ себя. Ахъ! *Кавалеръ*. Она болѣе ничего не сказала; и наклоня голову къ грудямъ своей матери едва не лишилась чувствъ. Я взялъ ея руку, висящую безъ всякаго движенія на ея платьѣ, и ставши на колѣни коснулся до оной моими устами. Я чувствовалъ себя тронутымъ нѣжностію, хотя за минуту передъ симъ я испытывалъ движенія совершенно другаго рода. *Клементина* обратила на меня томныя свои взоры съ такимъ удовольственнымъ видомъ, коего давно уже въ ней не примѣчали. Я не могъ произнести ни одного слова и всталъ. Она все шла къ дверямъ; дошедши до оныхъ обернулась назадъ и сколь долго могла на меня смотрѣла. Я былъ недвижимъ до того времени какъ старый *Графъ* подавая мнѣ руку и въ самое то время взявши за руку духовнаго отца, которой подлѣ его находился сказалъ намъ, что не лъзя болѣе обманываться въ причинѣ такой болѣзни и что способъ къ выздоровленію также сталъ не безызвѣстенъ. Но, *Кавалеръ*,

присовокупилъ онъ, вы должны принять Католическую вѣру! Духовникъ склонялъ меня къ тому самыми усердными желаніями. Въ сіе время вышла къ намъ молодая *Маркиза* съ наполненными слезъ глазами. Мои попеченія отвергнуты, сказала она намъ; новая болѣзнь овладѣла моею сестрицею: и потомъ обратясь ко мнѣ говорила, Ахъ! Г. мой, вы.... Но за что обвинять васъ? Я вижу ясно, сколько вы страждете.

Тогда пришелъ *Генераль* съ *Прелатомъ*. Теперь, любезной братъ, сказалъ *Прелатъ*, я требую отъ васъ сего, естьли не по великодушію, то по справедливости. *Кавалеръ* согласится, я въ томъ увѣренъ, что излишняя его живость заслуживаетъ укоризну. Такъ, Г. мой, отвѣчалъ я; но не менѣе справедливо и то что намѣчанія *Генерала* были невмѣстны. Можетъ статья, сказалъ *Генераль* довольно тихо. Я оборотясь къ нему говорилъ: справедливое признаніе, Г. мой, есть славная надъ собою побѣда. Я смѣло выдаю себя за человѣка неспособнаго къ подлости, могущей нарушить честность, по которой почитаетъ свидѣтельство своего сердца за право желать, дабы быть почитаему въ сей фамиліи за некорыстолюбиваго друга. Простите меня, Г. мой, естьли въ моихъ словахъ усматриваете видъ нѣкоей надмѣнности. Припишите оный тому отвращенію, кое я имѣю ко всякой безразсудности въ моихъ дѣяніяхъ; но я чувствую, что сердце мое поражено премногими такими ударами, кои не всегда, я говорю сіе съ прискорбіемъ, равное впечатлѣніе производить могутъ надъ вашимъ сердцемъ.

Какъ! *Грандиссонъ*, сказалъ мнѣ *Генераль* довольно гордо, не ужели вы хотите дѣлать укоризны?

Нѣтъ въ нихъ нужды, возразилъ я, естьли вы чувствуете справедливость сихъ словъ. Но по истиннѣ, или вы худо меня знаете, или позабываете самаго себя. Теперь, Г. мой, изъяснясь чистосердечно я готовъ просить у васъ прощенія во всемъ что вы токмо могли найти оскорбительнаго въ моемъ поступкѣ: и взявши съ торопливостію его руку, изъясляя болѣе пылкости нежели жестокости продолжалъ примите мою дружбу, Г. мой, и вѣрьте что я потщуся заслужить вашу.

Онъ взглянулъ на своего брата. Скажите мнѣ, говорилъ онъ ему, что долженъ я отвѣчать сему странному человѣку? Печальной ли принять мнѣ на себя видъ или веселой?

Ахъ! будьте веселы и не принимайте инаго вида, отвѣчалъ *Прелатъ*.

Тогда онъ принялъ меня въ свои объятія, говоря мнѣ что я его преодолѣлъ; что онъ обезпокоился не во время; что я оказалъ излишне гнѣвъ свой; но что надлежитъ простить намъ взаимно другъ друга. Его супруга была въ недоумѣніи, не могши понять отъ чего произошло сіе возобновленіе дружбы. Старой *Графъ* и духовникъ не менѣе приведены тѣмъ были въ изумленіе. *Маркизь* вышелъ изъ кабинета.

Потомъ мы сѣли и различно разсуждали о состояніи любезной нашей больной. Но я ни мало не сумнѣваюсь, что естьлибъ сіе свиданіе

не причинило ей изумленія, то конечно бы она не впала въ ту болѣзнь, о которой мы безпокоились по описанію молодой *Маркизы*. Наконецъ *Камилла* прибѣжала съ щастливымъ извѣстіемъ что, она начинаетъ приходить въ себя и что ея мать, къ удовольствію ея, обѣщала ей съ охотою, что въ позволеніи съ нею видѣться мнѣ не будетъ отказано.

Я почелъ сей случай самымъ удобнымъ дабы извѣстить молодую *Маркизу* о совѣтованіяхъ Англинскихъ лѣкарей. *Прелатъ* пошелъ въ горницу къ *Иерониму*, зная что онъ съ великою нетерпѣливостію желаетъ знать слѣдствіе сего перваго свиданія, но въ томъ намѣреніи, какъ онъ мнѣ сказалъ, чтобъ совершенно не давать ему знать о тѣхъ небольшихъ вспыльчивостяхъ, кои произошли между нами съ *Генераломъ*. Я надѣюсь, любезной *Докторъ*, получить пользу собственно для себя отъ гордости и вспыльчивости человѣка толь горячаго нраву каковъ сей молодой человѣкъ; ибо не имѣюли я причины укорять себя въ равной погрѣшности? О, любезной другъ, сколько разскаивался я, что не имѣлъ надлежащей увѣренности съ *Огарою* и *Салмонетомъ* въ томъ случаѣ, когда безразсудная ихъ вспыльчивость принудила меня приказать моимъ людямъ проводить ихъ? Впрочемъ весьма вѣроятно, что естълибъ я терпѣливо сносилъ здѣсь обиды отъ сихъ гордецовъ, кои почитаютъ себя знатнѣе меня, и отъ человѣка военнаго, и, которой поставляетъ себѣ первымъ правиломъ не обнажать своей шпаги кромѣ своего защищенія, то подвергъ бы себя такимъ обидамъ, кои безпрестанно приводили бы меня въ затрудненія, коихъ я убѣгать стараюсь.

Я пошелъ съ *Генераломъ* и его женою къ *Иерониму*, которой по своему участію принимаемому въ выздоровленіи своей сестры и по надеждѣ, поданной ему о благополучной перемѣнѣ всѣхъ дѣлъ великодушно забылъ собственную свою болѣзнь. А поелику не было ни малѣйшаго вида, чтобъ я могъ еще съ нею въ тотъ день видѣшься, то *Генераль* предложилъ мнѣ, не хочу ли съ нимъ ѣхать часа на два въ *Козино* [мѣсто зборища], куда какъ думаю вы знаете собираются каждый вечеръ всѣ знатнѣйшія особы въ *Болоніи*. Но я отъ того просилъ меня уволишь; ибо безпокойствіе, коимъ я былъ исполненъ въ разсужденіи брата и сестры, кои по своимъ нещастіямъ сдѣлались мнѣ гораздо любезнѣе, принудило меня возвратиться домой.

ПИСЬМО LXXII.

Кавалеръ *Грандссонъ* къ *Доктору Барлету*.

Во вторникъ съ вечеру.

Я препроводилъ всю ночь весьма худо и сего утра столько былъ разстроень, что не могъ иначе сдѣлать, какъ послать человѣка спросить о здоровьи брата и сестры, будучи въ томъ намѣреніи чтобъ покоиться до

послѣ обѣденнаго времени. Но *Маркиза* отославъ обратно моего человѣка, приказала мнѣ сказать, что желаетъ со мною видѣться. Я въ тужь минуту исполнилъ ея приказаніе. *Клементина* спрашивала, точноли она меня видѣла, и не во снѣ ли ей сіе привидѣлось. Сей вопросъ принять быль за хорошее предзнаменованіе, и сей радости желали сдѣлать меня участникомъ.

Я видѣлъ *Генерала* въ покоѣ у *Иеронима*. Онъ замѣтилъ что я быль не очень здоровъ. *Г. Ловтеръ* совѣтоваль мнѣ пустить кровь. Я на то согласился. Потомъ я видѣлъ, какъ перевязывали раны моему другу. Лекари не худо судили по оказывающимся признакамъ о его болѣзни. Два медика привезенные *Прелатомъ* сказали намъ что испытывая *Англинскія* совѣтованія они одобрили нѣкоторую часть предписанныхъ способовъ; и такъ соглашеносъ онымъ послѣдовать.

Когда я пришелъ, то *Клементина* заперта была въ своемъ покоѣ. Ея мученія паки возобновились отъ ея мыслей, смущаемыхъ жестокостями двоюродной сестры ея; и въ семъ-то состояніи не разсудили за благо допустить меня съ нею видѣться. Но успокоившись нѣсколько она пошла въ кабинетъ своей матери. *Генераль* съ своею супругою пошли туда же и приказали меня увѣдомить, что я могу теперь показаться,

Клементина при моемъ приходѣ сидѣла подлѣ *Камиллы* наклонивши голову на руки сея женщины и молчала какъ будто бы занималась своими размышленіями. Шорохъ отъ моего прихода и мои поклоны принудили ее приподнять голову. Она посмотрѣла на меня; и обнявъ *Камиллу*, скрывала нѣсколько минутъ лице свое. Потомъ взглянувъ на меня съ нѣкіимъ смущеніемъ, сѣла прямо и смотрѣла на меня съ твердостію. Однако ея взоры обращались то на *Камиллу* то на меня и изъявляли неизвѣстность и недоумѣніе. Наконецъ оставя *Камиллу*, она пошла тихо ко мнѣ; но обратясь вдругъ назадъ подбѣжала къ своей матери; и обнявши ее одною рукою а другую поднявъ къ верху паки начала на меня смотрѣть, какъ будто бы сумнѣвалась нѣсколько въ томъ что видѣла. Она казалось шептала нѣчто своей матери, но столь глухо что ничего не лзя было понять. Потомъ подошла къ своей невѣсткѣ, которая взяла ее за руку, когда она къ ней приблизилась и поцѣловала оную. Она дошла и до *Генерала* возлѣ котораго я сидѣлъ и которой просилъ меня наблюдать всѣ ея движенія. Она остановилась подлѣ его и не говоря ему ни слова смотрѣла на меня долгое время съ пленительною нерѣшимостію. Такіе приступы, дѣлаемые ею на подобіе тайнаго ея ко мнѣ прихода, лишили меня всѣхъ силъ удержатъ свое стремленіе. Я всталъ со стула и взявъ ее за руку сказалъ ей, преклоня колѣно, посмотрите, *Сударыня*, на того, коего вы почтили именемъ вашего учителя. Не отвергайте признательнаго *Градиссона*, коего вся ваша фамилія удостоиваетъ нѣкоей дружбы.

О! я васъ не отвергаю. Такъ, такъ не сумнѣвайтесь въ томъ. Всѣ присудствующіе чрезвычайно обрадовались услыша ея говорящею. Но, предпріяла она, гдѣ вы были столь долгое время?

Я ѣздилъ въ Англію, Сударыня, и не давно оттуда возвратился дабы видѣть васъ и любезнаго вашего *Иеронима*.

Иеронима! вскричала она поднявши руку, не отнимая однако той, которую я держалъ. Бѣдной *Иеронимъ*.

Возблагодаримъ Бога, сказалъ *Генераль*, я усматриваю лучъ надежды. Обѣ *Маркизы* плакали отъ радости.

Вашъ *Иеронимъ*, Сударыня, сей нѣжной братъ начинаетъ подавать лестную надежду о своемъ выздоровленіи. Любители вы его?

Люблю ли я его? Но о чемъ здѣсь идетъ дѣло, мнѣ кажется, что я совершенно васъ не понимаю.

Теперь когда вы въ добромъ здравіи, то *Иеронимъ* будетъ почитать себя щастливымъ.

Я въ добромъ здравіи!... Ахъ! Г. мой...

Но помогите мнѣ, помогите мнѣ, *Кавалеръ!* крича слабымъ голосомъ и озираясь вокругъ себя съ печальнымъ и страшливымъ ея видомъ.

Сія мысль конечно клонилась къ жестокой ея сестрѣ, смущавшей ея воображеніе. Я обѣщалъ ей мою помощь и увѣрилъ ее также въ помощи *Генерала*. Увы! вы не знаете, сказала она мнѣ, съ какимъ варварствомъ со мною поступали. Но вы хотите быть моимъ защитникомъ. Подите, сядьте подлѣ меня. Я васъ увѣдомлю о всемъ что я претерпѣла. Она съ торопливостію возвратилась къ своему стулу. Я за нею послѣдовалъ. Она дала мнѣ знакъ сѣсть подлѣ ея: И такъ вы узнаете, *Кавалеръ*... Она прервала свою рѣчь. Ахъ! моя голова! прикладывая свою руку къ оной. Я не знаю, что во мнѣ происходитъ. Но вы должны меня оставить. Я не здорова. Оставьте меня. Я не познаю болѣе самой себя. Потомъ смотря на меня изумленнымъ видомъ: вы уже не тотъ, которому я говорила... Кто вы таковы, Г. мой? Она испустила крикъ томнымъ голосомъ: и обнявъ *Камиллу* паки приклонила голову къ ея грудямъ.

Я не въ состояніи былъ смотрѣть на сіе зрѣлище; а какъ былъ не здоровъ съ самага утра, то сіе превышало уже мои силы. Я всталъ и пошелъ вонъ. Не выходите, *Кавалеръ*, сказалъ мнѣ *Генераль* утирая глаза. Но не смотря на то вышедъ я изъ кабинета, пришелъ въ горницу Г. *Ловтера* и не заставъ его тамъ заперся. Я не могу вамъ изобразить, любезной *Докторъ*, колико мое сердце было стеснѣнно. Однако пробывъ нѣсколько въ уединеніи и почувствовавъ облегченіе я пошелъ къ *Иерониму*, куда въ тужь минуту вошелъ и *Генераль*, которой не говоря ни слова взялъ меня за руку и повелъ въ кабинетъ своей матери съ равною молчаливостію. Подходя къ оному онъ мнѣ сказалъ, что его сестрица меня спрашивала, что она опечалилась о моемъ выходѣ, опасаясь не

оскорбила ли меня и что сіе можетъ служишь щасталивымъ предзнаменованіемъ.

Мы пришли въ кабинетъ. Она была въ объятіяхъ своей матери, которая лаская ее пролиwała надъ нею слезы. Вотъ *Кавалеръ*, любезная моя дочь, вы ничего такого не сдѣлали, чтобы могло его оскорбить. Она оставила объятія своя матери. Я подошелъ къ ней. Съ начала, сказала она мнѣ, подумала я что ето не вы сидѣли подлѣ меня: но по вашему выходѣ я дѣйствительно увѣрилась что ето вы были. Для чегожь вы ушли? развѣ я причинила вамъ какое неудовольствіе?

Вы къ тому неспособны, Сударыня: но вы приказали мнѣ васъ оставить и я долженъ былъ вамъ повиноваться.

Очень хорошо [смотря на свою мать.] Но что должна я ему сказать, Сударыня? Я не могу вспомнить, что хотѣла ему сказать. И подошедъ съ торопливостію къ своей невѣсткѣ, говорила? обѣщались ли вы мнѣ, Сударыня, не говорить ничего противъ меня двоюродной моей сестрѣ *Дауранъ*. Молодая *Маркиза* отвѣчала взявъ ее за руку, что она ненавидитъ *Даурану*, и что любить токмо любезную свою *Климентину*.

.....О! я не желаю ей ни отъ кого ненависти... и наклонясь ко мнѣ, спросила кто такая сія госпожа? *Генераль* чрезвычайно былъ доволенъ симъ вопросомъ; ето еще въ первой разъ оказала она вниманіе къ своей невѣсткѣ и спросила кто она такова, хотя ежеминутно получала отъ нее знаки нѣжности. Я ей сказалъ, что сія госпожа ея сестра, и супруга *Генерала* ея брата.

Моя сестра! По чему? Какже я не знала ее даже до сего времени?

Ваша сестрица, Сударыня, потону что вышла за мужъ за старшего вашего братца.

Я совершенно ничего изъ етаго не понимаю. Но для чегожь мнѣ о томъ прежде не сказали? И такъ желаю вамъ. Сударыня, всякаго благополучія. *Даурана* не пожелала признать меня за сестру свою. Признаете ли вы меня вашею сестрою?

Молодая *Маркиза* прижимала ее въ своихъ объятіяхъ.

Моя сестрица, моя пріятельница, дражайшая моя *Клементина*! называйте меня своею сестрицею, и я ничего болѣе не желаю для моего благополучія!

Колико произошло странныхъ случаевъ, возразила она съ видомъ вниманія о самой себѣ: и обратясь къ *Генералу* просила его переговорить съ нимъ на минуту. Онъ повелъ ее за руку въ другой уголь кабинета. чтобъ не слышали насъ сказала она ему [но столь однако громко, что было можно все слышать.] что я хотѣла вамъ сказать? я хотѣла что то., но не могу вспомнить... Нѣтъ нужды, любезная сестрица, вы вспомните, отвѣчалъ ей *Генераль*. Не спѣшите только. Новая ваша сестрица васъ любить. Ето изыщнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ составляющая радость моя жизни. Любите ее, дорогая *Клементина*.

О! я буду ее любить, не имѣю ли я дружба и ко всякому челоуѣку?

Но ее должно любить болѣе нежели всякую на свѣтѣ женщину, выключая изящнѣйшей нашей матери. Это моя супруга а ваша сестрица; она съ величайшей нѣжностію васъ любитъ, васъ и любезнаго нашего *Иеронима*.

Не ужели она никого болѣе не любить?

Ковожъ желаете вы, чтобъ она любила?

Я не знаю; но не должно ли любить каждаго?

Она любитъ все то, что вы любите; ибо она есть самая благодущная женщина.

Сего-то я желаю. Я обѣщаюся вамъ любить ее. Но я сумнѣваюсь, Г. мой...

Въ чемъ, любезная сестрица? Я не знаю: но скажите мнѣ, Г. мой, за чѣмъ *Кавалеръ Грандиссонъ* сюда пріѣхалъ?

Горя желаніемъ васъ видѣть, вашего родителя, вашу родительницу, *Иеронима*; видѣть насъ всѣхъ, и споспѣшествовать къ нашему благополучію.

Какая милость! Не имѣете ли вы о немъ такого мнѣнія? Онъ всегда былъ изящнѣйшимъ изъ челоуѣковъ. А вы, любезной братецъ, щастливы ли вы?

Я щастливъ; но былъ бы гораздо щастливѣе, естлибъ вы и *Иеронимъ* были благополучны.

Но Ахъ? вы въ томъ отчаяваетесь. Не дай Богъ! любезная сестрица; *Кавалеръ* по своей милости привезъ къ намъ весьма искуснаго лѣкаря, которой ласкается вылечить *Иеронима*.

Правда ли это? Да для чегожъ не привезъ онъ его прежде ?

Сей вопросъ казалось мнѣ привелъ *Генерала* въ нѣкое замѣшательство. Однако но великодушію своему онъ признался, что въ етомъ проступились; что не приняли для сего надлежащихъ мѣръ, и жалѣеть что въ томъ не повѣрили сперва *Кавалеру Грандиссону*.

Она подняла руку въ верьхъ съ нѣкіимъ удивленіемъ и говорила: Боже милостивый! Сколько перемѣнъ случилось! Г. мой, я сію же минуту возвращусь къ вамъ: и не давая ему времени отвѣчать она побѣжала къ дверямъ. *Камилла* слѣдовала за нею, спрашивая ее, куда она идти желаетъ. О! естли ты здѣсь, *Камилла*, то пойдемъ вмѣстѣ со мною: и наложя руку на ея плечо сказала ей поди поскорѣй къ отцу *Марескотти*; скажи ему.... она остановилась; потомъ опять говорила, скажи ему что теперь я имѣю самую лучшую мысль.... и поручаю себя его молитвамъ.

Послѣ сего она подошла къ своей матери, взяла ея руку, поцѣловала, и прикладывая оную къ своему лбу и своей щекѣ съ дѣтскою нѣжностію просила ее имѣть къ ней матернюю любовь. Вы не знаете, *Сударыня*, присовокупила она, да и я также не понимаю, что

происходить въ моей головѣ. Да излѣчить меня любезнѣйшая рука ваша. Она паки начала прикладывать матернюю руку къ своему лбу; потомъ приложила ее къ своему сердцу. *Маркиза* цѣлуя безпрестанно нѣжную свою дочь, омочила лице ея своими слезами.

Камилла спросила *Генерала*, прикажетъ ли позвать отца *Марескотти*. Нѣтъ, сказалъ онъ ей, пусть она повторитъ свой приказъ: можетъ быть она уже о томъ и забыла. И самомъ дѣлѣ она болѣе не упоминала объ отцѣ *Марескотти*.

Маркиза думаетъ, что она конечно еще не забыла о прежнемъ предубѣжденіи, которое *Генераль* и сей отецъ имѣли противъ меня, и что видя меня примирившимся съ первымъ, желала также моего примиренія и съ другимъ.

Я почелъ за долгъ, любезной мой *Докторъ*, описать вамъ подробно всѣ движенія толь дражайшей особы въ первыхъ двухъ нашихъ свиданіяхъ. Вся фамилія возымѣла уже отъ того лучшую надежду. Теперь же когда, по столь удивительномъ превращеніи изстребила она глубокое молчаніе, къ коему была какъ будтобы обречена, и когда начинаетъ говорить хотя и не весьма связно, мы разсудили за благо не утомлять ее столь продолжительными разговорами. *Камиллу* дано было приказаніе забавлять ее въ своей горницѣ и говорить ей всегда лестное ея воображенію. Я попросилъ у ней позволенія удалиться: она отвѣчала мнѣ: но увижусь ли съ вами до отъѣзду вашего въ Англію? Безъ сомнѣнія и весьма часто будете съ нимъ видѣться, сказалъ ей *Генераль*. Тогда она пошла съ *Камиллою* будучи весьма довольна.

Мы вышли изъ кабинета къ *Иерониму*, коего молодая *Маркиза* чрезвычайно обрадовала рассказывая о всемъ произшедшемъ. Сей великодушной другъ приписывалъ щастливую сію переменъ моему присудствію; и *Генераль* клялся что впредь съ великою радостію приступитъ ко всѣмъ рѣшеніямъ, кои будутъ приняты съ согласія всѣхъ для излѣченія его сестры.

Старой *Графъ* съ старшимъ своимъ сыномъ отправился сего вечера въ Урбинъ. Они пришли ко мнѣ на квартиру проститься со мною; и отецъ повторилъ мнѣ, что онъ всегда ласкается видѣть меня ревностнымъ Католикомъ.

Примѣчаніе. „Многія слѣдующія за симъ письма содержатъ въ себѣ не токмо новыя свиданія *Кавалера* съ *Клементиною*, и слѣдственно новыя подробности, коими онъ намѣренъ, говорить онъ, дабы оправдать тѣмъ чрезвычайную продолжительность оныхъ, показать успѣхи всей оной переменъ; но еще и отвѣты къ *Доктору Барлету*, на различныя обстоятельства, касающіяся вообще до свойствъ героевъ сея повѣсти. Неизчерпаемой сочинитель позабывалъ, что вкусъ его читателей не всегда соображается съ его вкусомъ, и что самой вѣроятности, отъ коей онъ никогда не удалялся въ такомъ множествѣ произшествій, не

довольно бы было для подкрѣпленія всей важности оныхъ. Однако иногда доходить онъ къ своему содержанію, какъ то изъ слѣдующаго письма видно будетъ.,,

ПИСЬМО LXXIII.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Изъ Болоніи 13 и 24 Іюня.

Графъ делла Порретта и его два сына прибыли вчерашняго числа изъ Урбина, дабы раздѣлить съ нами ту радость, которую мы чувствовали отъ нашей надежды ежедневно умножающейся. Сего дня я примѣтилъ на лицѣ *Маркизы* такую скрытность, коей не видалъ до прибытія *Графа*; или лучше сказать нѣкое благоугожденіе, которое показалось мнѣ излишне учтивымъ касательно такой дружбы, какова наша. Вы знаете, любезной мой *Докторъ*, что я примѣтя мрачность на челѣ друга, всегда стараюсь изыскивать тому причину надѣясь изъяснить оную. Я просилъ *Маркизу* на минуту переговорить со мною на единѣ.

Она при первомъ словѣ оказала мнѣ сіе удовольствіе. Но давши мнѣ время открыть ей всю внутренность моего сердца, она спросила меня, можетъ ли отецъ *Марескотти*, которой имѣетъ ко мнѣ, сказала она мнѣ, всю нѣжность отца, быть при нашемъ разговорѣ. Сей вопросъ привелъ меня въ великое удивленіе. Однако я отвѣчалъ, что съ охотою на то соглашаюсь.

Она приказала его позвать, по чему онъ къ намъ немедленно пришелъ. Нѣжное участіе, поелику не знаю какую то скрытность усматривалъ и на его лицѣ, заставило меня думать, что онъ небезызвѣстенъ былъ о разположеніяхъ *Маркизы*, и что позвали его для того дабы онъ принялъ участіе въ семъ изъясненіи, когда бы я его и не просилъ.

Я повторилъ передъ нимъ сказанное уже мною. *Маркизь* о моемъ безпокойствіи касательно премѣны мною примѣченной со вчерашняго дня на такомъ лицѣ, на коемъ я кромѣ милости ничего не видалъ. *Кавалеръ*, отвѣчала она мнѣ, естли вы не почитаете себя нѣжно любимымъ всею фамиліею какъ въ Неаполѣ, въ Урбивѣ такъ и Болоніи, то великую дѣлаете намъ несправедливость. Тогда начала она говорить о оказанныхъ мною имъ услугахъ; она увеличила ихъ до высочайшей степени. Я клялся ей, что не могъ менѣ сдѣлать для соотвѣтствованія чувствованіямъ собственнаго моего сердца. Сіе попеченіе возразила она, должны вы оставить намъ, дабы о томъ судить; но пожалуйста не почитайте насъ способными къ неблагодарности. Мы съ радостію начинаемъ усматривать всю возраждающуюся нашу надежду касательно любезной дочери, видя ее въ такой пропасти, коей почти нѣтъ примѣра.

Клянусь честію, справедливостію и всѣми законами признательности, что она должна быть вашею супругою, если вы токмо потребуете ее по тѣмъ договорамъ, кои вы нѣкогда намъ предлагали.

Я съ удовольствіемъ на сіе соглашаюсь, сказалъ духовный отецъ наклоня голову.

Чтожь могу я еще присовокупить, продолжала *Маркиза*? Мы находимся всѣ въ ужасномъ замѣшательствѣ. На меня возлагаютъ такое дѣло, кое меня печаливаетъ. Облегчите мое сердце, *Кавалеръ*, избавя меня отъ продолжительнаго изъясненія.

Мы не имѣемъ въ етомъ нужды, Сударыня. Я проникаю во внутренность вашего сердца. Я никогда не буду укорять вашу фамилію неблагодарностію. Вы же, отецъ мой, скажите мнѣ, [предполагая по крайней мѣрѣ что бы вы могли сдѣлать въ мою пользу то, что я сдѣлалъ для васъ] еслибы вы были на моемъ мѣстѣ, то вы не болѣе бы были убѣждены въ своемъ законѣ, сколько я въ моемъ, скажите вы мнѣ, чтобы вы сдѣлали въ такомъ случаѣ, а изъ того можемъ судить что я сдѣлать долженъ.

Отецъ *Марескотти* отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ опровергнуть такого предположенія; но возможно ли, возразилъ онъ, чтобы заблужденіе могло имѣть надъ разсудительнымъ человѣкомъ столько же силы какъ и справедливость?

Вы знаете, сказалъ я ему, что сей вопросъ бесполезенъ; ибо я имѣю равное право предложить вамъ то же и съ моей стороны. Но соединимъ усердныя наши молитвы о томъ щастливомъ окончаніи дѣлъ, въ коемъ мы всѣ принимаемъ участіе; то есть, о совершенномъ возстановленіи здравія дражайшей нашей *Клементины*. Вы видите, Сударыня, что я нимало не стараюсь настоять касательно ея руки. Вы сами свидѣтели почтительному моему поведенію. Даже и въ самой печальной ея задумчивости вы не примѣтите ничего, почему могли бы судить что она помышляетъ о бракѣ. Теперь же единое мое желаніе, какъ я уже помнится мнѣ вамъ и прежде сказывалъ, состоитъ въ томъ дабы видѣть ее въ совершенномъ здравіи.

Что должно мнѣ сказать, честный отецъ? Что мнѣ отвѣчать? Возразила *Маркиза* взирая на него печальнымъ окомъ. Потомъ обратясь ко мнѣ сказала: во вы, *Кавалеръ*, помогите намъ своимъ совѣтомъ. Вы знаете наше состояніе. Увы! не подозрѣвайте насъ въ неблагодарности. Мы увѣрены что благосостояніе любезной нашей дочери находится въ опасности. Еслижъ *Клементина* сочетается съ вами бракомъ; то она не долго пробудетъ въ Католическомъ законѣ. Еще повторяю, помогите намъ.

Вы по, своему великодушію, Сударыня, излишне беспокоитесь о пользѣ вашей дочери и моей. Вы говорите, что она будетъ моею супругою, если я паки представлю тѣ договоры, кои уже предложилъ.

Но я далъ *Генералу* честное слово, что безъ согласія трехъ братьевъ, равно какъ и безъ вашего, *Сударыня*, я никогда не соглашусь вступать съ вами въ союзъ и я объявилъ уже вамъ самимъ что почитаю себѣ за долгъ сдержать свое слово: но что васъ признаю свободными, естли вы думаете что *Клементина* по совершенномъ своемъ выздоровленіи почувствуетъ гораздо болѣе признательности нежели вы желаете къ предполагаемымъ услугамъ; то будьте увѣрены что мои посѣщенія постепенно будутъ уменьшаться. Такимъ образомъ намѣрень я изтребить оную изъ ея мыслей, подавая ей знать что я гораздо менѣе способствовалъ ея выздоровленію, нежели сколько она думаетъ. Я общался *Генералу* посѣтить его въ Неаполѣ. Мое отсутствіе не болѣе трехъ недѣль можетъ продолжиться и я всегда буду въ готовности возвратиться сюда по первому приказанію. Оставимъ всякія рѣшенія до сего времени; а положитесь на честность такого человѣка, которой паки увѣряетъ васъ, что почитаетъ себѣ за долгъ сдержать свое слово и что признаетъ васъ свободными.

Они взглянули другъ на друга не отвѣчая мнѣ ни слова.

Что думаете вы, *Сударыня*, о семъ предложеніи? Что вы о томъ скажете, отецъ мой? Естлибъ я могъ токмо вообразить себѣ что нибудь безпристрастнѣе, то неотмѣнно предложилъ бы вамъ оное.

Священникъ сказалъ мнѣ, что я удивленія достойной человѣкъ. *Маркиза* жаловалась, что у нее недостаетъ выраженій. Она плакала. Она истинное принимала съ семъ дѣлъ участіе. Я чрезвычайно былъ чувствителенъ къ такой ея любви : однако сказалъ я самъ въ себѣ съ прискорбіемъ можетъ быть весьма очевиднымъ: Когдажъ, когда найду я то спокойствіе, коего мое сердце кажется достойно? но сіе же самое чувствованіе [долженъ ли я назвать симъ именемъ гордѣливость мою] пришло ко мнѣ на помощь. Благодарю Тя Боже за низпосланіе мнѣ твердости исполнить налагаемое на меня совѣстію и человѣколюбіемъ, исключая другія законы. Отецъ примѣтилъ что я чрезвычайно былъ тронутъ; ибо слезы появлялись уже на глазахъ моихъ. Онъ вышелъ дабы сокрыть собственное свое движеніе. *Маркиза* будучи еще болѣе тронута назвала меня великодушнѣйшимъ человѣкомъ. Я простившись съ нею весьма почтительно пошелъ къ *Иерониму*.

А когда хотѣлъ идти на квартиру дабы успокоить нѣсколько свое сердце; то *Маркизь*, *Графъ* и *Прелатъ* приказали меня просить въ горницу *Маркизы*, гдѣ они находились съ отцемъ *Марескотти*, которой увѣдомилъ ихъ о всемъ въ нашемъ разговорѣ произшедшемъ. *Прелатъ* всталъ и обнимая меня сказалъ: любезной *Грандиссонъ*, сколько я вамъ удивляюсь ! Для чегожъ, для чего не желаете вы назваться моимъ братомъ? хотя бы и самой Принцъ пожелалъ сочетаться бракомъ съ моею сестрицею... но естлибъ вы были Католическаго закона... Для чегожъ не желаете вы? прервала, *Маркиза* рѣчь его возведя свои руки и

очи къ небу. Вы не желаете; и такъ вы не можете того сдѣлать? сказалъ мнѣ *Графъ*. *Маркизь* взялъ меня за руку! Онъ выхвалялъ мою некорыстолюбивость. Онъ весьма одобрилъ предложеніе о моемъ отсудствіи; но паки представилъ мнѣ что я долженъ произвести въ дѣйство сіе намѣреніе и поступить при семъ случаѣ съ великою осторожностію не токмо съ *Клементиною* но и съ *Иеронимомъ*, коего признательное сердце чрезвычайно опечалится даже и отъ малѣйшаго подозрѣнія, что таковое мнѣніе произошло отъ нихъ. Тогда все ваши мѣры будутъ оставлены; и какъ здравіе *Клементины* будетъ возстановляться, то мы положимся во всемъ на волю Создателя.

Потомъ я возвратился къ *Иерониму*, которому сообщилъ намѣреніе мое отправиться въ Римъ и въ Неаполь; поелику я далъ въ томъ честное слово *Генералу* и его супругѣ. Онъ спросила меня, въ какомъ состояніи будетъ находишься тогда его сестрица и нѣтъ ли какой опасности касательно нашихъ чаяній? Я не поѣду, сказалъ я ему, безъ согласія на то *Клементины*. Ея излѣченіе зависитъ теперь отъ времени. Естьли я въ самомъ дѣлѣ столько приношу оному пользы, сколько васъ дружба въ томъ увѣряетъ; то кратковременное отсудствіе и ожиданіе, кое могутъ они возбудить, возымѣютъ гораздо болѣе силы къ подкрѣпленію ея вниманія, нежели частыя посѣщенія. Но, возразилъ онъ, не находите ли вы возраженія со стороны моего родителя, моей родительницы и брата? Не беспокоятся ли они о *Клементинѣ*? Я отвѣчалъ ему, что какъ изъяснялся съ ними о своемъ отъѣздѣ, то они также судили что маловременное отсудствіе можетъ возбудить ея вниманіе. Тогда онъ согласился по столь убѣдительнымъ причинамъ на мой отъѣздъ, прося меня при томъ чтобъ я поступилъ въ семъ случаѣ какъ можно осторожнѣе съ разборчивостію его сестры.

Примѣчаніе. Предпріятіе дабы склонить *Клементину* согласиться на его отъѣздъ получило желаемой успѣхъ по той предосторожности, которую онъ употребилъ и коей обстоятельнаго описанія сочинитель заблагоразсудилъ здѣсь не включать. *Кавалеръ* ѣздилъ не токмо въ Римъ и Неаполь но также во Флоренцію въ томъ намѣреніи дабы склонить *Гжу*. *Бемонтъ* пріѣхать на нѣкоторое время въ Болонію. Онъ увѣдомляетъ *Доктора* что во время путешествія онъ не будетъ можетъ быть къ нему писать нѣсколько недѣль Въ самомъ дѣлѣ сія перерывка занята была здѣсь различными письмами *Милади Ж...* къ *Миссъ Биронъ*, кои содержать въ себѣ повѣствованіе о распряхъ ея съ своимъ мужемъ и о другихъ домашнихъ обстоятельствахъ. При семъ должно увѣдомить, что *Миссъ Биронъ* находилась уже въ своей фамиліи. *Милади Ж...*, которая не могла безъ нее жить, отправилась наконецъ къ ней и оттуда писала къ сестрѣ своей *Милади Л...* о всемъ что она видѣла, то есть, изящныя качества родственниковъ своей пріятельницы и удовольствія кои они ей безпрестанно доставляли. Слабостьже *Миссъ Биронъ* описана была съ

такимъ пристрастіемъ какое можетъ токмо произвести искреннѣйшая дружба. Ея болѣзнь была всѣмъ извѣстна, а добродѣтель и благородство ея чувствованій понуждали оную почитать. На конецъ *Докторъ Барлетъ* получилъ отъ *Кавалера* три письма.,,

ПИСЬМО LXXIV.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Изъ Флоренціи 5 и 16 Іюля.

Я не менѣе считаю трехъ недѣль съ того времени какъ отправилъ послѣднее мое письмо. Я получилъ извѣстія о всѣхъ моихъ друзьяхъ изъ Англіи и Франціи; но тѣ, кои присланы мнѣ изъ Болоніи *Прелатомъ* отцемъ *Марескотти* и *Г. Ловтеромъ* были самыя щастливья. *Прелатъ* означаетъ мнѣ особенно, что приписываютъ хорошимъ успѣхамъ братняго здоровья ту надежду, кою ласкаются, что теперь вскорѣ увидятъ сестру въ совершенномъ здравіи.

Я препроводилъ цѣлые двѣ недѣли въ Неаполѣ и Портичи. *Генераль* и его супруга безпрестанно старались оказывать мнѣ свои услуги. По пріѣздѣ моемъ туда *Генераль* вступалъ со мною въ изыясненіе о моихъ намѣреніяхъ: а я отвѣчалъ ему тоже самое что и его матери. Онъ казалось весьма былъ тѣмъ доволенъ. Разлучаясь со мною онъ принялъ меня въ свои объятія, какъ своего брата и друга, прося прощенія въ самыхъ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ въ той злобѣ, которую онъ ко мнѣ сперва имѣлъ, обѣщаясь клятвенно поступить по выбору сестры своея, естли Господь даруетъ ей облегченіе. Его супруга равномѣрно была чистосердечна въ засвидѣтельствваніяхъ своего почтенія. Она сказала мнѣ откровенно, что ничего столько въ свѣтѣ не желаетъ, какъ по совершенномъ выздоровленіи *Клементины* назвать меня своимъ братомъ.

И такъ какоежь будетъ опредѣленіе судьбы моея, любезной *Докторъ*? Самое величайшее препятствіе исчезло; но *Прелатъ*, какъ вы легко могли примѣтить, обращаетъ со всѣмъ въ другую сторону ту заслугу, кою его братъ мнѣ приписываетъ и по видимому съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы уничтожить мою надежду. Я полагаюсь въ томъ на произволь судьбы; но я ничего не перемѣню въ своихъ поступкахъ.

Гжа. Бемонтъ, которая ѣздила въ Болонію, возвратилась назадъ вчерашняго вечера. Она подтвердила мнѣ все писанное ко мнѣ о щастливой перемѣнѣ брата и сестры а слѣдственно и всей фамиліи. *Г. Ловтера* осыпаютъ всѣ похвалами и ласками. *Іеронимъ* въ состояніи уже просиживать по нѣскольку часовъ съ другими; а *Клементина* посѣщаетъ его каждый день по два раза: она начала опять дѣйствовать своею

иголкою и что почитаетъ себѣ за удовольствіе шить что ниестъ въ горницѣ своего брата.

Заблужденія ея разума бываютъ уже рѣдки, и когда ея мысли начинаютъ смущаться, то она вскорѣ оное примѣчаетъ. Тогда она не говоритъ ни слова. Она проливаетъ слезы и тотчасъ принимаетъ намѣреніе, или удалиться въ свой кабинетъ, или хранить глубокое молчаніе. Она говоритъ иногда съ Г. *Ловтеромъ*, которой бываетъ въ горницѣ ея брата. Когдажъ разговоръ случится о мнѣ; то ея выраженія бываютъ весьма скрытны и продолжаются малое время о той матеріи; но она чрезвычайно любопытствуетъ о всемъ касающемся до Англій, обыкновеніяхъ и поведеніяхъ нашихъ, особливо же о женщинахъ.

Каждой поставляетъ себѣ за правило, не выключая *Иеронима* и *Камиллы* не начинать никогда разговора о мнѣ. Она часто спрашиваетъ обо мнѣ и щитааетъ дни моего отсутствія. Нѣкогда случившись на единѣ съ Гжею. *Бемонтъ*, она ей сказала; не знаете ли вы, Сударыня, для чего всякой старается здѣсь не говорить о *Кавалерѣ Грандиссонѣ*, а перемѣняетъ мою речь, когда я сама о томъ заговорю? Я примѣчаю сіе притворство въ *Камиллѣ* какъ и въ другихъ. Но даже не лѣзя исключить изъ того и *Иеронима* и я многократно его въ томъ испытывала? Не ужели онъ, способенъ къ неблагодарности? Можетъ ли онъ быть равнодушень къ такому другу, отъ коего получалъ толико благодарній? Я ласкаюсь что не имѣютъ о мнѣ столь худаго мнѣнія, дабы страшиться произнести въ моемъ присутствіи имя такого человѣка, коему я должна оказывать толико же признательности какъ и почтенія. Скажите мнѣ, Сударыня, не оказала ли я въ несчастныхъ моихъ обстоятельствахъ, чего нибудь недостойнаго моего свойства, моя фамиліи, или скромности моего пола? Естьли я оказала сію погрѣшность, то мое сердце не имѣло въ томъ участія; а по сему должно судить, что мое несчастіе въ самомъ дѣлѣ было жестоко.

Гжа. *Бемонтъ* всячески старалась вывести ее изъ сего заблужденія. Очень хорошо, возразила она, и такъ я надѣюсь что скромность и признательность пребудутъ на всегда въ семъ сердцѣ въ одинакой степени. Пусть же позволятъ мнѣ признаться что я его почитаю; ибо я имѣю къ нему сіе чувствованіе, и никогда оно не принудитъ меня выдти изъ предѣловъ благоразумія. Позвольте ли вы, Сударыня? Поговоримъ о немъ съ четверть часа... не болѣе. Вотъ мои часы. Это Англинскія часы, кои я купила въ семъ намѣреніи, не давая о томъ никому знать. Не измѣните ли вы мнѣ? При семъ не довѣряясь сама себѣ, она испустила источникъ слезъ и вышла вонъ не говоря ни слова.

Я не скрою отъ васъ, любезной другъ, что Гжа. *Бемонтъ* совершенно знаетъ состояніе моего сердца и о немъ соболѣзнуетъ. Она желаетъ чтобъ разсудокъ любезной ея пріятельницы пришелъ въ прежнее состояніе; она страшится препятствія: но есть, говоритъ она, такой человѣкъ; коего

она желаетъ *Клементинъ*. Есть такая же и женщина..... Великій Боже! тебѣ предаю я рѣшеніе моя участи.

Госпожа *Бемонтъ* рассказываетъ, что за два дни до ея отъѣзду *Клементина* начинала уже сумнѣваться о моемъ возвращеніи. Она прервала свое молчаніе, и пришла уже въ смущеніе: дватцать дней, *Камилла!* сказала она обратясь къ сей женщинѣ. Она стала безгласна на канунѣ отъѣзда *Гжи. Бемонтъ*. Во время ея упражненія съ *Маркизою Камилла* пришла съ торопливостію отъ *Прелата*, которой просилъ позволенія съ ними видѣться. *Маркиза* отвѣчала, что онъ можетъ придти; тогда *Клементина* слыша его идущаго, оставила свое упражненіе перемѣнилася въ лицѣ и приняла на себя почтительной видъ. Но какъ скоро увидѣла она *Прелата* одного; то печаль изобразилась на лицѣ ея какъ будто бы она обманулась въ своемъ ожиданіи.

Прощай, любезной другъ, я надѣюсь завтра около вечера быть въ Болоніи. Вы въ скоромъ времени получите отъ меня другое письмо.

ПИСЬМО LXXV.

Кавалеръ Грандиссонъ къ тому же

Болонія, 7 и 18 Іюля.

Я прибылъ вчера въ сей городъ тогда, когда уже довольно было темно. Я послалъ въ самую ту минуту засвидѣтельствовать мое почтеніе фамиліи. Сего утра я пошелъ въ палаты *делла Поррета* и прошелъ прямо въ покой къ господину *Іерониму*. Онъ поднялся съ мѣста, дабы меня принять стоя и раздѣлить со иною радость щастливой сей перемѣны. Я видѣлъ самыя нѣжнѣйшія знаки любви его. Всѣ, сказалъ онъ мнѣ, начинаютъ имѣть бодрость и здравіе.

Камилла, пришедши вскорѣ къ намъ, поздравила меня съ пріѣздомъ отъ молодой своей госпожи и сказала мнѣ, что черезъ четверть часа, она будетъ въ готовности принять мое посѣщеніе. Чудеса! вскричала добрая сія женщина. Вы увидите здѣсь одну радость и надежду. Выходя же отъ насъ она сказала мнѣ на ухо: моя госпожа надѣваетъ цвѣтное платье для принятія васъ. Вы не увидите уже ее болѣе въ траурѣ. Время уже приближается; ибо *Генераль* писалъ къ своему родителю, что онъ съ великимъ удовольствіемъ соглашается на выборъ сестры своя.

Въ сіе время пришелъ *Прелатъ*. Желаю вамъ всякаго благополучія, сказалъ онъ мнѣ довольно благосклонно. Торжествуйте, *Г. Грандиссонъ*, *Клементина* можетъ теперь располагать своимъ жребіемъ, тотъ, котораго сдѣлаетъ она надъ собою властелиномъ, кто бы таковъ ни былъ, дѣйствительно будетъ обладать сокровищемъ.

Маркизь, *Графъ* и отецъ *Марескотти*, которые пришли одинъ за другимъ, оказали мнѣ самыя нѣжныя ласки. *Маркиза*, пришедши

потомъ, предупредила меня своими поздравленіями. Ваше возвращеніе, сказала она мнѣ, соотвѣтствуетъ нашей нетерпѣливости. Мы считали даже дни вашего отсутствія. Я надѣюсь что радость *Клементины* будетъ чрезвычайна. Вы знаете изящность добраго ея сердца.

Отецъ *Марескотти* отвѣчалъ за меня, что можно положиться на мое благоразуміе, и что увидѣвшись съ нею я безъ сомнѣнія буду имѣть вниманіе умѣришь свою радость, дабы тѣмъ удержать ее въ благопристойности. Не болѣе прошло четверти часа въ сихъ засвидѣтельствваніяхъ взаимнаго удовольствія и дружбы, какъ *Камилла* пришедши просила меня по приказанію своея госпожи пожаловать въ ея кабинетъ. *Маркиза* вышла напередъ. Я пошелъ за *Камиллою*, которая сказала мнѣ идучи, что она почитаетъ свою госпожу не только спокойною, какъ была за нѣсколько передъ симъ дней: а сіе безъ сомнѣнія происходитъ, присовокупила она, или отъ ея торопливости при одѣваньѣ, или отъ ея нетерпѣливости, съ какою она меня ожидаетъ. Въ то время, какъ *Клементина* была совершенно здорова, то представляла собою, такъ сказать, самую изящность безъ всякой принужденности. Я видѣлъ только одну такую женщину, которая бы съ сей стороны могла съ нею равняться. *Миссъ Биронъ* кажется чувствуетъ, что можетъ положишься на природныя свои прелести и не оказываетъ болѣе никакого тщеславія. Ктожъ будетъ думать о ея уборѣ, когда обратимъ свои взоры на лице ея? Что касается до достоинства и снисходительности въ видѣ и въ обхожденіяхъ; то я не знаю ничего подобнаго симъ двумъ молодымъ особамъ.

Клементина показалась мнѣ прелестною. Но нѣсколько странное разположеніе ея украшеній и нѣчто гораздо блестящаго, чего я никогда не видалъ въ глазахъ ея, гдѣ обыкновенно удивляются не инному чему какъ пріятному блеску, принудило меня страшиться, что ея воображеніе гораздо болѣе растроилось, нежели я опасался. Сія мысль причинила мнѣ нѣкое прискорбіе при моемъ входѣ.

Кавалерь! любезная моя, сказала ей *Маркиза*. *Клементина*, примите вашего друга.

Она встала съ видомъ изъявляющимъ достоинство и пріятность. Я подошелъ къ ней. Она подала мнѣ свою руку. *Генераль*, *Сударыня*, и его супруга, поручили мнѣ засвидѣтельствовать вамъ нѣжнѣйшее свое почтеніе.

Они конечно приняли васъ какъ друга сей фамиліи? Но, скажите мнѣ, Г. мой [улыбаясь,] ваше путешествіе не продолжилось ли долѣе, нежели вы обѣщали?

Только двумя или тремя днями, *Сударыня*.

Только? Г. мой. Очень хорошо. Я васъ за то не укоряю. Нимало не удивительно, чтобъ челоуѣкъ толико ожидаемой, не былъ всегда властенъ въ разположеніи своего времени.

Она запинаялась. Она смотрѣла на на мать свою, то на меня, то въ низъ съ очевиднымъ замѣшательствомъ. Потамъ, какъ будто бы сумнѣваясь о своемъ состояніи, она обратилась назадъ прикладывая платокъ къ головѣ своей,

Гжа. *Бемонтъ*, возразилъ я, дабы уменьшить ея прискорбіе, свидѣтельствуемъ вамъ всю свою нѣжность.

Развѣ вы были во Флоренціи? Гжа. *Бемонтъ*, говорите вы? Во Флоренціи! и подбѣжавши къ своей матери она обняла ее обѣими своими руками. Она старалась скрыть лице свое въ грудяхъ ея.... О Сударыня! Избавьте меня, избавьте меня отъ меня самой. Я не знаю болѣе, гдѣ я нахожусь.

Маркиза цѣлуя ее прижимала ее въ матернихъ своихъ объятіяхъ усиливаясь ее утѣшить, и многократно повторяя ей, что она въ одну минуту почувствуетъ облегченіе. Я сдѣлалъ движеніе дабы выдти вонъ; а какъ *Маркиза* подала мнѣ на то согласіе знакомъ, то я вышелъ въ боковую горницу.

Вскорѣ потомъ *Камилла* увѣдомила меня, чтобъ я туда возвратился. Я увидѣлъ госпожу ея сидящую и наклонившуюся на плечо своея матери. Прощу прощенія, *Кавалеръ*, сказала она мнѣ. Здравіе мое худо поправляется, я его ясно вижу. Но нѣтъ нужды. Мнѣ теперь лучше, а вдвое еще хуже нежели было: хуже по тому, что я чувствую свое нещастіе. Во взорахъ ея исчезъ уже тотъ блескъ, которой производилъ отъ ея воображенія. Они были томны, мрачны и омочены слезами.

Я взялъ ея за руку. Не печальтесь, Сударыня; восстановление прежняго вашего здравія приближается. Сіи небольшіе припадки, на кои вы жалуетесь, доказываютъ что они приближаются уже къ концу.

Дай Боже! Ахъ! *Кавалеръ*, какія нещастія причинила я нашимъ друзьямъ, моей матери, вамъ и всей вообще фамиліи! О жестокая *Даурана*. Но для чегожъ упоминать объ ней? Скажите мнѣ, правда ли это, что она умерла?

Развѣ ты желаешь, любезная моя, чтобъ это была правда? спросила ее мать ея.

О! нѣтъ, нѣтъ. Я желаю чтобъ она была жива и чтобъ рассказывалась въ причиненномъ ею мнѣ злѣ. Не была ли она моею подругою въ младенчествѣ? Она меня нѣкогда любила. Скажите, *Кавалеръ*, жива ли она еще.

Я взглянулъ на *Маркизу*, прося отъ нее совѣта, что отвѣчать и ея взоры изьяснили мнѣ ея мнѣніе: тогда я отвѣчалъ что сестра ея *Даурана* еще жива. О! возразила съ живостію благородная *Клементина*, это для меня великое торжество; ибо небо свидѣтельствуемъ мнѣ, что я ее простила! И взирая на меня сказала, и такъ вы говорите, Г. мой, что вы надѣетесь видѣть меня въ совершенномъ здравіи и что болѣзнь приближается къ концу! Сколь сія надежда для меня утѣшительна! По

окончаніи сихъ словъ она упала на колѣни подлѣ своей матери: Всемогущій Боже! возопила она, возведя руки и очи свои къ небесамъ, ниспошли на меня всемогущую свою помощь, я со слезами прошу твоея щедроты, въ томъ единомъ намѣреніи, ты видишь всю внутренность моего сердца, дабы возвратить любезнѣйшимъ моимъ родителямъ благополучіе, кое я у нихъ похитила. Присоедините ваши усердныя моленія къ моимъ, вы, Г. мой, другъ моей фамиліи, вы, Сударыня, которая нѣжностію превосходитъ и самую снисходительнѣйшую мать! *Маркиза* толико была симъ тронута, что я опасался дабы она не имѣла нужды въ помощи, но къ щастію моему потоки слезъ протекшія изъ очей ея принесли ей облегченіе. *Камилла*, плачущая также въ углу кабинета, приближалась по моей прозвѣ; и *Клементина* попросила у ней руку. Я пойду, сказала она намъ, но вы останьтесь здѣсь, Г. мой; я въ минуту возвращусь назадъ. Извините, Сударыня [прикладывая руку къ головѣ своей]; а несовершенно еще здорова; я имѣю нужду выдти на минуту.

Мы остались съ *Маркизою* въ пріятномъ удивленіи отъ всего нами увидѣннаго и слышаннаго, и хотя оно сопровождается было великимъ прискорбіемъ, но мы находили утешеніе въ томъ, что могли поздравлять другъ друга скорымъ ея выздоровленіемъ. *Клементина* не замѣдила придти къ намъ поддерживаема будучи *Камиллою*, которая дабы обласкать ее спросила у меня, надѣюсь ли я что ея госпожа вскорѣ будетъ наслаждаться совершеннымъ здравіемъ? Я отвѣчалъ, что ни малейшаго не имѣю въ томъ сумнѣнія. *Маркиза* подтвердила мой отвѣтъ старалась самыми пріятнѣйшими обѣщаніями ободрить тронутое ея сердце.

Но въ то время, когда она предавалась ея нѣжности, примѣтила она по положенію, своей дочери, которая смотрѣла въ низъ потупивши глаза, и коей лице покрылось пленительнымъ румянцемъ, что въ ея мысляхъ происходило нѣчто новое. Она спросила ее взявши ее за руку, чѣмъ она занимается и отъ чего происходитъ сія задумчивость? Я отъ васъ того не скрою, Сударыня, отвѣчала *Клементина* тихимъ и робкимъ голосомъ, но могу ли я сего надѣяться. Я весьма бы желала поговорить съ *Кавалеролѣ* съ минутою на единѣ. Онъ исполненъ благодушія и чести. Впрочемъ, если вамъ покажется сіе не хорошо, то я не стану того желать. Я желаю поступать по вашимъ приказаніямъ. Однако я стыжусь; ибо имѣю ли я сказать что нибудь такого, чего бы мать не могла слышать? Нѣтъ, нѣтъ, Сударыня. Сердце мое желаетъ, чтобъ вы принимали во всемъ участіе.

Любовь моя ни въ чемъ не можетъ тебѣ противурѣчить. *Камилла*, пойдемъ со мною. Онѣ вышли обѣ.

Клементина приказала мнѣ сѣсть подлѣ себя. Я повиновался: въ тогдашнемъ моемъ состояніи мнѣ со всѣмъ было неприлично начать первому говорить. Я ожидалъ ея приказаній въ молчаніи.

Она находилась въ нѣкоемъ замѣшательствѣ. Ея взоры обращаясь на всѣ стороны устремлялись нѣсколько минутъ на меня, потомъ въ низъ, или на самое ее. Я разсудилъ что конечно не принужу ее моимъ молчаніемъ къ разговору. Мнѣ кажется, сказалъ я ей, что любви достойная *Клементина* нѣчто думаетъ такое, кое она желаетъ сообщить мнѣ. Вы не имѣете, *Сударыня*, друга которой бы былъ искреннѣе и вѣрнѣе меня. Ваше благополучіе и любезнаго моего *Иеронима* занимають единственно мои мысли. Почтите меня, *Сударыня*, вашею довѣренностію.

Я имѣю нѣчто сказать вамъ. Я хочу о многомъ вамъ предложить. Но пожалѣйте о мнѣ, *Кавалеръ*: у меня не остается болѣе памяти. Я совершенно оной лишилась! но наиболѣе представляется мнѣ то, что мы обязаны вамъ такъ много, что не можемъ достаточно возблагодарить васъ, и сіе чувство вѣсьма меня трогаетъ.

Чтожъ надлежало мнѣ сдѣлать, *Сударыня*, дабы соотвѣтствовать таковой дружбѣ; поелику я увѣренъ что каждая особа изъ вашей фамиліи тоже бы сдѣлала будучи на моемъ мѣстѣ?

Такое великодушное разсужденіе увеличиваетъ мои обязанности. Скажите мнѣ, *Г. мой*, какимъ образомъ можемъ мы засвидѣтельствовать нашу благодарность, а особливо я; тогда буду я гораздо спокойнѣе. Иначе мнѣ невозможно никогда быть спокойною.

Какъ! *Сударыня*, не ужели вы почитаете меня не довольно награжденнымъ приближеніемъ того успѣха, коего всѣ признаки соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ?

Такое можетъ быть ваше мнѣніе: но долгъ еще сильнѣе отъ того надъ нами дѣйствуетъ.

Разсуди, любезной *Докторъ*, не изъяснилъ ли я сіе открытіе въ мою пользу какъ будто бы принужденно. Впрочемъ естлибъ любезная *Клементина* не имѣла родителей, естли бы она зависѣла отъ самой себя, то я не почелъ бы ее способною рѣшиться къ тому въ столь разборчивомъ случаѣ. И такъ, хотя вся ея фамилія объявила мнѣ, что намѣрена поступать по собственнымъ ея желаніямъ, но честь позволяла ли мнѣ воспользоваться благороднымъ чувствіемъ той признательности, коею она была исполнена?

Естли вы предполагаете, *Сударыня*, отвѣчалъ я, что ваша фамилія одолжена такими услугами, за кои ей трудно меня возблагодарить; то взаимное оное дѣйствіе должно произойти отъ фамиліи. Позвольте мнѣ отнестись въ томъ къ вашему родителю, вашей родительницѣ, къ вашимъ братцамъ и къ вамъ самимъ. Такимъ образомъ купное ваше рѣшеніе дѣйствительно получить отъ меня совершенное одобреніе.

[Она помолчавши нѣсколько минутъ говорила.] Такъ, *Г. мой*, я думаю что вы оное примите съ благодарностію. Но вотъ въ чѣмъ состоитъ мое затрудненіе: награда во все невозможна. Я не въ состояніи

васъ наградить. Къ великому моему нещастію сіе самое начинается превосходить мои силы. Я высокія имѣю понятія, Г. мой, о томъ чѣмъ обязана Создателю, моимъ родителямъ, вамъ..... Но я изъясню на бумагѣ все то, что могу изобрѣсти касательно важнаго сего предмета. Я желаю произвести сіе въ дѣйство съ благородствомъ. Вы подали мнѣ къ тому примѣръ. Долгъ требуетъ, чтобъ я изъяснила на бумагѣ мои мысли; я не могу положиться на мою память; нѣтъ, ниже на собственное мое сердце, Но оставимъ такой предметъ, которой приводитъ меня въ недоумѣніе. Я поговорю о томъ прежде съ моею тетушкою; но сіе оставимъ до другаго времени, а теперь я хочу ее позвать сюда.

При семъ она тотчасъ пошла въ боковую комнату, откуда возвратилась съ *Маркизою* которую она вела за руку. Я надѣюсь что вы по своему великодушію меня за сіе простите, сказала она ей входя ко мнѣ. Я хотѣла говорить съ *Кавалеромъ* о многихъ обстоятельствахъ, въ то время которое я съ нимъ препроводила, но ничего не могла привести себѣ на память. Мнѣ не должно было въ самомъ дѣлѣ вспоминать о всемъ томъ, чего я не могла сказать при моей матери. *Маркиза* старалась ее утѣшить самыми снисходительнѣйшими ласками. Но поелику всѣ прилагаемыя ею усилія начинали приводить ее въ слабость; то она съ тропливостію удалилась. *Камилла* послѣдовала за нею. Не прошло еще минуты, какъ она возвратившись просила *Маркизу* также въ кабинетъ; и я нимало не сомнѣвался, чтобъ не случилось какого нибудь чрезвычайнаго съ нею припадка. Въ самомъ дѣлѣ *Маркиза* оставивши меня одного, пришла опять черезъ четверть часа съ видомъ изъясляющимъ уныніе. Что намъ дѣлать, *Кавалеръ*? Она еще никогда столь больна не бывала. Я примѣтила такія знаки, коихъ въ ней никогда не видала.

Мнѣ кажется, *Сударыня*, что ея мысли отягчены нѣкіимъ бременемъ, отъ коего она съ трудомъ можетъ освободиться. Она гораздо будетъ спокойнѣе, когда откроетъ свою тайну. Ваши нѣжныя и усильныя прозбы склоняютъ ее сообщить вамъ оную. Я пойду къ господину *Иерониму*; но вы узнаете отъ самой ее, когда ей будетъ нѣсколько легчѣ, о всемъ между нами произшедшемъ.

Я все слышала, *Кавалеръ*, и почитаю васъ благороднѣйшимъ изъ человѣковъ. Нѣтъ въ свѣтѣ другаго человѣка, которой бы способенъ былъ вдругъ оказать толико благодушія и некорыстолюбія. *Дѣло фамильное!* По истиннѣ, такъ должно. И вѣрьте что сіе вскорѣ воспослѣдуетъ. Обѣщайтесь только мнѣ, что болѣзнь моя дочери не уменьшитъ вашей любви и что ей позволено будетъ остаться въ Католическомъ законѣ. Съ моей стороны сіи два условія суть единыя, коихъ я требую. Вся фамилія можетъ быть принуждать васъ вступить въ нашу вѣру, но изъ единой токмо чести, дабы уничтожить всякіе виды. Приходъ *Маркиза* и *Прелата* перервалъ сердечное сіе изліяніе: я оставляя ихъ просилъ *Маркизу* увѣдомить ихъ о новыхъ ея опасностяхъ, о коихъ она меня не со

всемъ извѣстила. *Камилла*, съ которою я повстрѣчался на дорогѣ, сказала мнѣ, что ея госпожѣ стало легчѣ; но весьма очевидно, присовокупила она, что ея госпожа не прежде получить совершенное здравіе какъ по бракосочетаніи. А какъ тогда *Иеронимъ* спалъ, то я возвратился на мою квартиру, приказавъ сказать *Маркизъ* что я въ вечеру опять буду.

ПИСЬМО LXXVI.

Кавалеръ Грандиссонъ къ тому же.

Болонія 7 и 18 Іюля.

Теперь-то, любезной другъ, всѣ дѣла доходятъ къ опаснѣйшему своему концу. По приходѣ моемъ мнѣ сказано, что меня ожидаютъ въ комнатѣ у *Маркизы*. *Маркизъ*, коего я тамъ нашелъ разговаривающаго съ нею на единѣ, принялъ меня съ нѣжнымъ но важнымъ видомъ и взявъ за руку посадилъ на креслы между собою и *Маркизою*. Въ самое то время вошли къ намъ *Прелатъ*, *Графъ* и отецъ *Марескотти*, и пожелавъ мнѣ добраго здоровья, сѣли по своимъ мѣстамъ.

Любезная моя, сказалъ *Маркизъ*, говоря своей супругѣ.

Она же запинаясь нѣсколько минутъ начала говорить: мы не иначе можемъ надѣяться совершеннаго здравія моей дочери, какъ отъ.... она остановилась.

Какъ отъ нашего благоугожденія ко всѣмъ желаніямъ ея сердца, присовокупилъ *Прелатъ*.

Хорошо продолжайте, сказалъ ему *Маркизъ*.

Очень бесполезно, возразилъ онъ принуждать *Кавалера* касательно того дѣла, которое имѣетъ сильное впечатлѣніе надъ нашимъ сердцемъ.

Я наклонился подтверждая то, что онъ думалъ.

Какое несчастіе! возразилъ онъ.

Самое величайшее несчастіе, сказалъ *Графъ*.

Тогда спросилъ меня *Маркизъ*, какимъ свидѣтельствомъ могу я ихъ увѣрить, что ихъ дочь не будетъ развращена.

Я отвѣчалъ, чтобъ отецъ *Марескотти* предписалъ договоры.

Совѣсть моя, сказалъ честный отецъ, не позволяетъ мнѣ соглашаться на сей бракъ: но достоинство и великодушныя услуги *Кавалера* лишаютъ меня власти тому противиться. Я прошу чтобъ мнѣ позволено было молчать.

Мое состояніе есть тоже самое, сказалъ *Прелатъ*: но качество брата понуждаетъ меня забыть достоинство *Епископа*. Любезной *Грандиссонъ* позвольте ли вы намъ по крайней мѣрѣ думать что мы почитаемъ васъ еще дитятею въ законѣ? Какіяжъ сильныя причины препятствуютъ вамъ теперь объявить оное?

Я надѣюсь отъ вашего великодушія, милостивой государь, что вы не потребуете отъ меня того, чего я не могу сдѣлать не лишась нѣкоторой части вашего почтенія. Естьли вы удостоиваете меня принять въ знатную вашу фамилію, то не дѣлайте меня недостойнымъ того по крайней мѣрѣ передъ собственными моими глазами. Вы можете послѣдовать примѣру многихъ великихъ Принцевъ, сказалъ мнѣ отецъ *Марескотти*, какъ-то Генрику Французскому, *Кавалеръ*, и Августу Польскому.

Такъ точно, честный отецъ; но и самые великіе Короли не были велики во всѣхъ дѣяніяхъ своей жизни. Перемена закона тѣмъ менѣе причиняла имъ сумнѣнія, что большая часть изъ оныхъ нимало не наблюдаютъ тѣхъ правилъ...

Прелатъ прервалъ мою рѣчь: мы уже весьма далеко довели сію матерію между мною и *Кавалеромъ*. Я возвращаюсь къ вопросу моего родителя. Какимъ образомъ можемъ мы быть увѣрены, что моя сестрица не будетъ развращена? *Кавалеръ* относится въ томъ къ духовному отцу: Отецъ проситъ себя отъ того уволить. Я же, *Кавалеръ*, спрашиваю васъ, общаетесь ли вы что сами собою или священниками вашего закона никогда не пожелаете развращать *Клементины*? Позволители вы ей имѣть при себѣ духовнаго отца? Согласитесь ли вы чтобъ это былъ отецъ *Марескотти*.

О! отецъ *Марескотти* согласится ли.....

Я соглашаюсь, Г. мой, поддерживать привязанность *Клементины*, къ ея вѣрѣ, и еще въ той надеждѣ, дабы склонить такого человѣка, которой по справедливости будетъ тогда любезень всей сей фамиліи.

Не токмо я соглашаюсь съ удовольствіемъ на сіе предложеніе, но еще почту себя щастливымъ что отецъ *Марескотти* подастъ мнѣ случай оказать ему все то почтеніе, кое я къ нему имѣю. Я предлагаю только сей вопросъ, чтобъ сей честный отецъ предписалъ мнѣ самъ свои договоры. Они будутъ исполнены, я васъ увѣряю, въ какую бы цѣну ни полагалъ онъ своихъ попеченій.

Никогда, возразилъ онъ, не будетъ въ томъ затрудненія между вами и мною.

Вы не будете имѣть нужды въ сей статьѣ, сказалъ *Маркизь*; ибо отецъ *Марескотти* всегда будетъ духовнымъ отцемъ сего дома.

Я желаю чтобъ честный отецъ далъ мнѣ съ своей стороны единое обязательство; то есть ограничивать свои попеченія съ тѣми, кои заключаются уже въ его главныхъ правилахъ, и не входишь никогда и ни въ какое изысканіе съ моими людьми и моими сосѣдями въ такой землѣ, гдѣ законъ различень отъ его закона. Я могъ бы положиться въ томъ на собственную его умѣренность; но безъ того обязательства, котораго я отъ него требую, можетъ быть совѣсть бы его смущалась и такимъ образомъ почитаю я за долгъ объявить сію предосторожность для спокойствія моего отечества.

Англичане, *Кавалеръ*, сказалъ мнѣ *Графъ*, весьма жалуются на гоненія отъ нашей церкви: впрочемъ до какой крайности не доведены были Католики въ Англіи?

Я много бы могъ сказать въ разсужденіи сего пункта. Но для меня довольно и того, чтобъ отвѣчать за самага себя и за собственное мое поведеніе.

Что касается до служителей моей дочери; то я надѣюсь, сказала *Маркиза*, что сіе попеченіе ввѣрено будетъ отцу *Марескотти*, которой составитъ изъ оныхъ небольшую церковь вокругъ ея, дабы поддержать ея въ такой земли, гдѣ ея законъ можетъ подвергнуться нѣкоей опасности. Ея женщины, отвѣчалъ я, и ея особенные служители, будутъ всегда принимаемы по ея выбору. Если они станутъ себя вести хорошо то сочтутъ за удовольствіе почитать меня также своимъ господиномъ. Если же они поведутъ себя худо, то весьма вѣроятно что я столько же буду имѣть надъ ними власти сколько и госпожа ихъ. Я не долженъ подвергаться ихъ своенравіямъ. Если они станутъ почитать себя независящими отъ меня; то конечно не будутъ мнѣ повиноваться, а можетъ быть станутъ меня оскорблять, и мой гнѣвъ за ихъ наглость дойдетъ можетъ статья до ненависти къ ихъ закону.

Такимъ образомъ утвердя сію статью я присовокупилъ, что еслибъ *Камилла* послѣдовала за своею госпожею, то я весьма бы положился на ея скромность. Но поелику вы равную имѣете довѣренность и къ сему честному отцу, сказалъ мнѣ *Прелатъ*, то мы ласкаемся что и въ Англіи вы безъ всякаго затрудненія можете съ нимъ посовѣтоваться о тѣхъ погрѣшностяхъ, въ коихъ служители моей сестрицы будутъ обвиняемы.

На то я и не могу согласиться. Я долженъ быть судьей какъ надъ нравами такъ и надъ поведеніемъ всѣхъ моихъ служителей. Ихъ независимость можетъ произвести между ихъ госпожею и мною такія несогласія, кои иначе никогда не случатся. Я долженъ имѣть власть ссылатъ ихъ за важной проступокъ. У меня нѣтъ своенравія. Я люблю каждаго человѣка, какого бы онъ закона ни былъ. Даже и въ самой отдаленной странѣ я знаю какъ должно поступать съ иностранцами, надъ коими имѣютъ хотя нѣкую власть. Можетъ быть они будутъ вести себя лучше отъ той зависимости, въ коей они меня находишься будутъ. Но, словомъ, служители моя супруга, хотя бы она владѣла всѣмъ свѣтомъ, должны быть также и моими.

Какое несчастіе, сказалъ отецъ *Марескотти*, что мы всѣ не одного закона! Но, Г. мой, вы позвольте покрайней мѣрѣ чтобъ въ случаѣ нужды я принималъ участіе въ таковыхъ обстоятельствахъ.

Такъ, отецъ мой; и я съ охотою буду поступать по вашимъ совѣтамъ. Но я не позволю имѣть ни совершеннѣйшему ниже мудрѣйшему изъ всѣхъ смертныхъ власти надо мною въ моей фамиліи,

Мои чувствованія показали *Прелату* справедливыми. Мы согласны, сказалъ онъ мнѣ, въ сей важной статьѣ. Но подевяти ли мѣсяцовъ обѣщаетесь вы препровождать въ Италиі?

Сіе обѣщаніе, милостивый государь, показываетъ, что оное бы могло состояться естли *Клементина* не пожелаетъ проживать долѣе въ Англіи. Тогда я не болѣе буду препровождать трехъ мѣсяцовъ въ моемъ отечествѣ. Въ противномъ случаѣ я уже предложилъ, что Англія и Италія попеременно будутъ нашими жилищами.

Но мы не желаемъ, сказалъ *Маркизь*, чтобъ мужъ жилъ не вмѣстѣ съ своею женою. *Клементина* безъ сомнѣнія отъ васъ не отстанетъ, и по условію конечно будетъ совершаться сіе обязательство изъ года въ годъ: но первой годъ долженъ вамъ остаться у насъ и мы надѣемся съ вашей стороны всякаго снисхожденія для сей любезной дѣвицы по причинѣ слабаго ея здоровья.

Позвольте мнѣ представить вамъ другое предложеніе, возразила *Маркиза*: то есть, чтобъ вы въ сей первой годъ, когда останетесь у насъ, склонили обѣихъ своихъ сестрицъ, коихъ намъ представляли здѣсь весьма любви достойными особами и самую вашу питомицу, которая будетъ почитаема за младую Италианку, пріѣхать препроводить съ нами нѣкоторую часть времени.

Вы любите своихъ сестрицъ, и мнѣ весьма было бы пріятно видѣть *Клементину* подружившеюся до ея отѣзда съ господами вашей фамиліи.

Сестрицы мои, Сударыня, весьма благопривѣтливы, и я долженъ отдашь равную похвалу мужьямъ ихъ. Я нимало не сумнѣваюсь, чтобъ онѣ не согласились съ удовольствіемъ на такое приглашеніе. Самое пріятнѣйшее время, кое вы заблагоразсудите для ихъ посѣщенія, будетъ безъ сомнѣнія при окончаніи перваго года. Выключая удобства къ тому приготовиться онѣ будутъ имѣть тогда сугубую выгоду; то есть начать щастливое дружество съ *Клементиною* и сотовариществовать ей въ путешествіи ея въ Англію.

Сіе представленіе было весьма похвалено. Я присовокупилъ, что по прошествіи года я надѣюсь видѣть кого нибудь изъ столь знатной фамиліи расположеннаго къ тому же намѣренію, дабы ничего не упустить къ удовольствію столь любезной дочери.

Кто знаетъ, отвѣчала мнѣ *Маркиза*? не будемъ ли и мы съ *Маркизомъ* въ числѣ путешественниковъ? Намъ весьма трудно будетъ разлучиться съ любезною нашею дочерью. Но сіи моря...

Прелатъ прервавши нашу рѣчь сказалъ что сіе попеченіе должно оставить: поелику оно зависитъ отъ будущихъ обстоятельствъ; но теперъ дѣло идетъ о имѣніи сестры моей.

Оно весьма велико, сказалъ *Графъ* и каждый изъ насъ съ удовольствіемъ пожелаетъ увеличить оное.

Естьли Богъ даруетъ вамъ болѣе одного сына, поелику вашего имѣнія въ Англіи довольно будетъ для одного, а подаренное моей сестрицѣ нашими двумя дѣдами останется другому; то мы надѣемся что одинъ изъ двухъ препорученъ будетъ нашимъ попеченіямъ.

Все собраніе почло сіе требованіе весьма справедливымъ.

Я отвѣчалъ что на сіе я не могу склониться. Воспитаніе сыновей, продолжалъ я, принадлежитъ мнѣ; а воспитаніе дочерей матери. Я соглашаюсь, пусть Италіанское имѣніе раздѣлено будетъ дочерямъ и пусть онѣ будутъ воспитаны подѣ вашимъ смотреніемъ. Сыновья же никакого не будутъ имѣть въ томъ участія.

Лишь бы только они не сдѣлались Католиками, сказалъ *Прелатъ*.

Нѣтъ, нѣтъ, милостивой государь, возразилъ я. Вамъ можно ихъ испытать, хотя бы я и рѣшился оставить, касательно закона, ту же свободу моимъ подвластнымъ, какая оставлена и мнѣ, но я не желаю, чтобъ меня обвиняли въ разставленіи имъ сѣтей. Въ качествѣ Англичанъ они будутъ исключены отъ всякаго права на Италіанское имѣніе. Сія земля конечно имѣетъ такіе законы, кои могутъ одобрить сіе разположеніе.

Когда *Клементина* сочетается бракомъ, сказалъ *Маркизь*, тогда всѣ требованія *Даураны* уничтожатся. Но думаете ли вы, *Кавалеръ*, чтобъ было справедливо лишать природнаго права дѣтей, коихъ хотя и на свѣтѣ нѣтъ?

Я владѣю, Г. мой, довольно знатнымъ имѣніемъ и имѣю надежду получить еще большее. Чего же у меня нѣтъ, то это относится ко мнѣ. Это такой бракъ, которой доставитъ мнѣ право къ имѣнію а статьи могутъ ограничить оное. Вы знаете что богатство не есть благополучіе. Естьли мои потомки не будутъ щастливы тѣмъ что можетъ имъ достаться, то по крайней мѣрѣ они не сдѣлаются совершенно неимущими. Я надѣюсь, что господинъ *Иеронимъ* получитъ прежнее здравіе. Онъ можетъ быть женится. Пусть Италіанское имѣніе перейдетъ въ его руки въ самую минуту моего брака. Естьли онъ заблагодарасудитъ, принимая оное, оказать за то нѣкую благодарность сестрѣ своей, то пусть сіе обратится къ ея употребленію, безъ всякой отъ меня зависимости. Естьли же господинъ *Иеронимъ* умретъ холостъ или бездѣтенъ, то пусть сіе имѣніе останется *Генералу*. Это самое лучшее употребленіе; и по согласію моему оно никогда не выдетъ изъ вашей фамиліи.

При семь они всѣ посматривали, другъ на друга изъясляя разные знаки удивленія. Братецъ, сказалъ *Графъ Маркизу*, мы можемъ во всемъ положиться на великодушіе молодаго человѣка имѣющаго сіе свойство. Я признаюсь, что онъ приводитъ меня въ изумленіе.

Самое справедливое средство къ окончанію сего дѣла, возразила *Маркиза*, есть то, о коемъ *Кавалеръ* прежде упомянулъ, и при томъ самое сходственное съ намѣреніемъ обѣихъ дѣдовъ: чтобъ Италіанское имѣніе

опредѣлено было дочерямъ. Наши два сына ничего не пожелаютъ послѣ нашего наслѣдства; а сіе будетъ нѣкоею наградою за великодушіе *Кавалера*, что отцовское его наслѣдство не уменьшится приданымъ за дочерьми.

Все собраніе похвалило ее за сіе великодушіе; и какъ скоро сіе было мнѣ предложено, то я съ охотою на оное согласился. Видите, *Кавалеръ*, сказалъ мнѣ отецъ *Марескотти*, съ какою великодушною фамиліею вступаете вы въ союзъ. Не ужели толико сродственныя съ вашими чувствованія не будутъ имѣть силы столько васъ тронуть, чтобъ вы приняли Католической законъ? Его святость, Г. *Епископъ* въ томъ ручается, получила бы сама по себѣ ваше признаніе. И съ радостію бы изліяла на васъ свои благословенія. Вы согласны что можно составить благоденствіе въ нашемъ законѣ; но мы думаемъ что не можно того учинить внѣ его нѣдра. Согласитесь. Разпространите радость въ сей фамиліи. Составьте благополучіе *Клементины*.

Какое мнѣніе, отецъ мой, возымѣли бы вы о такомъ человѣкѣ, которой бы пожертвовалъ своею совѣстію самымъ величайшимъ выгодамъ на землѣ? естлибъ могъ я себя увѣрить, что она была равнодушна.... Но оставимъ сей пунктъ до тѣхъ обстоятельствъ, когда мы въ состояніи будемъ говорить о немъ съ вами; такъ какъ отецъ съ сыномъ. Теперь же не умножайте моихъ затрудненій, приводя меня въ необходимость отказать въ чемъ ни есть сему любезному и почтенному собранію.

Отецъ мой, сказалъ *Прелатъ*, не станемъ болѣе настоять въ семъ пунктѣ. Вы знаете какія я имѣлъ съ *Кавалеромъ* изъясненія. Онъ человѣкъ непоколебимый. Естли въ слѣдствіе сего времени вы сдѣлаете болѣе впечатлѣнія надъ нимъ; то мы вамъ одолжены будемъ всѣмъ нашимъ благополучіемъ. Потомъ оборотясь къ *Маркизу* говорилъ: теперь, Г. мой, надобно увѣдомить *Кавалера* о томъ, что вы намѣрены сдѣлать для моея сестрицы, выключая принадлежащаго ей отъ дѣдовъ ея имѣнія.

Я предупредилъ *Маркиза*, которой токмо хотѣлъ отвѣчать: я васъ прошу изъ милости, Г. мой, не говорить о томъ ни слова. Всѣ таковыя ваши намѣренія могутъ ежегодно исполняться, смотря по поведенію моему съ вашею дочерью и чего я буду за то достоинъ. Не довольно ли я знаю великодушія всей благородной сей фамиліи? Я желаю зависѣть отъ васъ. Я довольно имѣю имѣнія на содержаніе *Клементины* и себя, или я худо знаю ея сердце. Во всемъ томъ что вы желаете мнѣ сказать, помышляйте токмо о собственномъ вашемъ удовольствіи, и я прошу изъ милости уволить меня отъ подробностей.

Что сказала бы сестрица моя *Сфорсъ*? вскричалъ *Графъ*. Имѣя столько противоположеній сколько она на сей союзъ, могла ли бы она не оказать своего удивленія толикому благородству?

Какъ! сказалъ мнѣ *Прелатъ*, справедливо ли это Кавалеръ, что вы не желаете знать никакой подробности?

Весьма справедливо и я прошу того изъ милости.

Сдѣлаемъ все что ему угодно, возразилъ онъ. Г. мой, [пожимая мою руку,] братъ мой, другъ мой, какимъ именемъ долженъ я еще васъ наименовать? Мы согласны на всѣ ваши желанія. Но наша благодарность будетъ оказана въ свое время. Она сравняется съ вашею, не сумнѣвайтесь въ томъ. Съ какою ревностію сей долгъ будетъ исполненъ! Но поспѣшимъ обрадовать сердце *Иеронима* увѣдомленіемъ о всемъ происшедшемъ. Сей разговоръ можно имѣть въ его горницѣ и все прочее можетъ быть уставлено въ его присутствіи.

Теперь должны мы получить, сказалъ мнѣ *Маркизь*, позволеніе отъ его Святѣйшества. Оно не воспрещено было въ подобныхъ случаяхъ, когда сыновья или одного брака дочери должны были воспитываться въ Католическомъ законѣ.

Наконецъ мы пошли всѣ въ горницу къ *Иерониму*, но я вошедъ въ оную возвратился въ покой къ Г. *Ловтеру*, дабы дать имъ время рассказать о всемъ. *Иеронимъ* съ толикою нетерпѣливостію желалъ меня видѣть, что за мною тотчасъ прислали. Онъ принялъ меня въ свои объятія какъ брата, поздравляя меня стократно своимъ и моимъ благополучіемъ. Во время оказываемыхъ имъ мнѣ ласкъ, я не могъ удержаться чтобъ не придти въ нѣкое изумленіе, когда *Прелатъ*, которой ни мало не думалъ чтобъ я то услышалъ, сказалъ своей матери: ахъ! Сударыня, бѣдной *Графъ Бельведере*! Сколь много будетъ онъ чувствовать печаль свою! Но онъ поѣдетъ въ Мадритъ искать своего утѣшенія съ какою ни есть Испанскою госпожею. Бѣдной *Графъ*! отвѣчала *Маркиза*: но онъ былъ бы весьма несправедливъ, когда бы насъ сталъ осуждать.

Меня пригласили завтрашней день пить шоколадъ съ *Клементиною*. Насъ можетъ быть оставятъ однихъ, или во крайней мѣрѣ я не думаю найти съ нею никого кромѣ ея матери или *Камиллы*.

Чѣмъ не пожертвовалъ бы я, любезной *Докторъ Барлетъ*, еслибы токмо могъ увѣриться, что изящнѣйшая изъ всей Англіи дѣвица будетъ щастлива съ *Графомъ Д...* единымъ изъ всѣхъ ея обожателей, коего я почитаю достойнымъ столь драгоцѣннаго сокровища? Если *Миссъ Биронъ* будетъ жаловаться на свой жребій, коему я буду причиною; то воспоминеніе о всѣхъ моихъ предосторожностяхъ не въ состояніи будетъ усладить горестъ моего сердца. Но при всемъ томъ отъ чего происходятъ всѣ сіи подозрѣнія о нѣжности? и не долженъ ли я почестъ ихъ за движенія тщетнаго высокоумія? Впрочемъ если уже Богу угодно, чтобъ моя судьба соединена была съ *Клементиною*; то я чрезвычайно былъ бы доволенъ, когда бы могъ увѣдомиться прежде нежели бы она получила мои обѣты, что *Миссъ Биронъ* изъ угожденія къ

усильнымъ прозьбамъ друзей своихъ согласилась отдать свою руку *Графу Д.*....

Теперь есть случай отослать вдругъ три мои письма. Прощай любезнѣйшій *Докторъ*. И въ самыхъ величайшихъ удовольствіяхъ сердечныя вздохи напоминаютъ намъ о нашихъ слабостяхъ! Конечно не отъ природы уже зависитъ быть совершеннѣе. Прощай, любезной другъ.

Продолженіе письма Милади Ж.... въ коемъ и предъидущія три заключены были.

И такъ, любезная сестрица, что скажите вы о сихъ трехъ письмахъ? Я желала бы быть съ вами въ то самое время, когда вы ихъ прочли, дабы смѣшать слезы мои съ вашими о участи любезнѣйшей нашей *Генріетты*. Для чегожъ братецъ мой поспѣшилъ о томъ писать? не могъ ли онъ дожидаться рѣшенія отъ слѣдующаго своего свиданія съ *Клементиною*? Какой же могъ быть случай отправить такія письма, которыя, какъ онъ долженъ былъ разсудить, въ состояніи повергнуть насъ въ смертельную неизвѣстность? Къ великому вашему несчастію сей случай представился! Но, любя насъ столь нѣжно какъ онъ, можетъ быть почелъ онъ за нужное приготовить васъ къ тому что должно послѣдовать, опасаясь чтобъ наше движеніе не было чрезвычайно, естли мы не прежде узнаемъ о семъ случаѣ какъ по совершеніи онаго. Намъ, любезная сестрица, препровождать цѣлой годъ съ *Миладию Клементиною Грандиссонъ*? Ахъ! бѣдная *Генріетта*! позволить ли она ето намъ? Но сего не будетъ: нѣтъ, нѣтъ, ето невозможное дѣло. Но оставимъ сіе а обратимся къ нужному.

Въ то время когда сіи письма привезли изъ Лондона *Докторъ Барлетъ* находился съ нами за столомъ.

Обѣдъ кончился. Онъ всталъ и пошелъ въ свою горницу. Мы остались въ чрезвычайной нетерпѣливости. А какъ дали ему довольно времени для чтенія писемъ и не видѣли его весьма долго; то его медлительность показалась мнѣ несносною. Любезная наша *Генріетта*, сказала: я опасаюсь худыхъ извѣстій. Дай Боже чтобъ не случилось чего худаго *Сиру Карлу*, чтобъ *Клементина* была благополучна, и чтобъ великодушной *Иеронимъ*..... Я опасаюсь дабы онъ....

Что до меня касается то не стерпя такой медлительности я пошла къ *Доктору* въ горницу. Я нашла его сидящаго, спиною къ дверямъ погруженнаго въ своихъ размышленіяхъ; и когда онъ обратился ко мнѣ услыша мой приходъ; то я примѣшила что онъ чрезвычайно былъ тронуть.

Любезной *Докторъ Барлетъ* ради Бога скажите, всель въ добромъ здоровьѣ мой братецъ?

Не безпокойтесь *Милади*. Всѣ въ Болоніи находятся въ добромъ здравіи или начинаютъ приходить въ желаемое состояніе. Но, увы! Я сожалью о *Миссъ Биронъ*.

Какъ? Не ужели мой братецъ женился? не лъзя етому статья. Я никогда не почту его.... мой братецъ женился?

О! нѣтъ; но все уже заключено; дражайшая моя *Миссъ Биронъ*! теперъ то будетъ подвержено искушенію величіе твоей души. Впрочемъ *Клементина* дѣвица рѣдкаго достоинства. Что касается до васъ, *Милади*, вы можете прочесть сіи письма; но я совершенно увѣрена, что ихъ не должно сообщать *Миссъ Биронъ*. Вы увидите на концѣ послѣдняго письма, въ какомъ замѣшательствѣ *Кавалеръ* находится борясь между своею честностію и нѣжностію.

Я съ жадностію пробѣжала глазами присланныя три письма. О *Докторъ*! сказала я ему прочитавъ оныя, какъ можно увѣдомить о семь Гжу. *Сельби*, Гжу. *Шерлей* и нашу *Генріетту*? Естьли же не показать имъ оныхъ, когда уже онѣ знаютъ что сіи письма отъ моего братца, то симъ ихъ чрезвычайно обезпокоить. Пойдемте къ нимъ.

Возмите съ собою письма, *Милади*. Вы имѣете нѣжное сердце. На ваше благоразуміе можно положиться. Я же тотчасъ приду.

Превосходной человекъ! Я видѣла слезы текуція изъ очей его.

Я пошла въ низъ и встрѣтилась съ моимъ мужемъ на нижней ступенькѣ: всели въ добромъ здоровѣ находится *Сиръ Карлъ*, Сударыня? О *Милордъ*, все пропало. Мой братецъ въ скоромъ времени совокупится бракомъ съ госпожею *Клементиною*.

Онъ пораженъ былъ сими словами жесточаѣ громоваго удара. Да сохранить насъ отъ того Боже! вотъ все что онъ могъ отвѣчать. Я обожаю его за нѣжную любовь, которую онъ имѣетъ къ моей *Генріеттѣ*. Письма, сказала я ему взявши его за руку, нимало не увѣдомляютъ еще о торжествѣ; но вся фамилія уже согласна и естьли онъ еще не женатъ, то въ скоромъ времени женится. Подите, *Милордъ*, скажите Гжѣ. *Сельби* что я желаю переговорить съ нею въ саду.

Онъ мнѣ сказалъ, что *Миссъ Биронъ* пошла прогуляться въ большой садъ съ двоюродною своею сестрою *Нанси*; что видя меня шедшую къ *Доктору*, которой столь долго не возвращался, она имѣла нужду выдти на свѣжей воздухъ; что онъ оставилъ въ столовой залѣ Г. *Сельби*, его жену, *Емилию* и *Люцію*, дабы пойти ко мнѣ и увѣдомить въ какомъ всѣ находились безпокойствіи. По истиннѣ, слезы текли ручьями по щекамъ его. Я пожалала его руку съ нѣжностію. Онъ чрезвычайно мнѣ показался милъ въ сію минуту. Я назвала ея любезнымъ моимъ *Милордомъ*. Мнѣ помнится, слышала я отъ любезной нашей пріятельницы, что опасность производитъ нѣжность. Она заставила насъ осмотрѣться вокругъ себя, дабы найти кого нибудь кто бы насъ ободрить.

Я увидѣла выше упомянутыхъ особъ, готовящихся уже идти въ садъ. О! любезная Гжа. *Сельби*, сказала я вошедши къ ней, все уже приведено въ *Италіи* къ концу.

Они столько были симъ поражены, что не могли, произнести ни слова, выключая *Емилию*, которая оказала свое прискорбіе. Она едва не лишилась чувствъ. А какъ приказали позвать ея горнишную, та *Емилиа* удалилась.

Тогда рассказала я Г. и Гжѣ. *Сельби* прочитанное мною въ послѣднемъ письмѣ. Г. *Сельби* оказалъ свое прискорбіе вспылчиво. Я не понимаю, сказалъ онъ, какая честь могла принудить *Сира Карла* ѣхать по первому приглашенію послѣ тѣхъ niskихъ поступокъ, кои онъ видѣлъ отъ сихъ надмѣнныхъ Италіанцовъ. Всякой предвидѣлъ что сіе не можетъ иначе рѣшиться. Бѣдная *Генріетта!* какой жребій для молодой дѣвицы составляющей украшеніе вселенной! заслужила ли она быть жертвою драгоценной Италіанки? единое мое утѣшеніе состоитъ въ томъ, что она превосходитъ ихъ обѣихъ. Такъ, Сударыня, я это утверждаю. Человѣкъ, хотябъ то былъ какой Король, способной предпочесть другую женщину нашей *Генріеттѣ* ее не достоинъ.

При семъ онъ всталъ; нѣсколько разъ прошелся по залѣ большими шагами съ огорченнымъ видомъ. Потомъ сѣвши опять на стулъ сказалъ женѣ своей: Сударыня, посмотримъ, что можетъ произвести сіе достоинство вашего пола, о коемъ вы столь часто сожалѣли, надъ самою благородною душею. Но, увы! сіе нѣжное дитя найдетъ чрезвычайную разность между феоріею и практикою.

Люція плакала; ея скорбь простиралась до величайшей степени: Гжа. *Сельби* нѣсколько разъ отирала свои слезы. Любезная *Милади*, сказала она мнѣ наконецъ, какимъ образомъ увѣдомимъ мы о семъ *Миссъ Биронѣ*? Должно чтобъ она узнала сіе отъ васъ. Она будетъ имѣть прибѣжище ко мнѣ для своего утѣшенія. Будьте терпѣливѣе, Г. *Сельби*; вы недовольно щадите *Сира Карла Грандиссона*.

Я также просила его пощадить нѣсколько моего братца, представляя ему что онъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія; при семъ прочла я ему заключеніе послѣдняго письма. Но ничто не могло успокоить Г. *Сельби*. Онъ безпрестанно осуждалъ *Сира Карла*. При всемъ томъ, любезная сестрица, сіи чиновные господа гораздо вспылчивѣе, безразсуднѣе и слѣдственно глупѣе и опрометчивѣе, и суціе дѣти, естли желаете знать нежели мы женщины, когда они лишаются чего нибудь весьма ими желаемого.

Въ то время когда мы изыскивали средство какимъ бы образомъ открыть печальное сіе извѣстіе любезной нашей пріятельницѣ, пріѣхала въ замокъ Гжа. *Шерлей*. Мы тотчасъ увѣдомили ее о предметѣ нашей печали. Она по своему величію души ни малѣишаго не оказала удивленія. Я нимало не усматриваю къ тому, сказала она намъ, другой помощи кромѣ терпѣнія. Любезная наша дочь сама того ожидала. Но могу ли я прочесть сіе письмо, заключающее въ себѣ такое важное извѣстіе? Я подала ей всѣ три письма. Она пробѣжала ихъ токмо

глазами. Я удивляюсь *Сирю Карлу*, возразила она. Сколь же велико было бы наше благополучіе, естълибъ небо услышало наши желанія! Но вы помните Гжа. *Сельби*, что мы часто сожалѣли о добродѣтельной *Клементинѣ*. Довольно кажется и того, что велико-ушное вниманіе *Сира Карла* къ *Генріеттѣ* стоитъ чего ни есть его спокойствію. Но гдѣжь любезная моя дочь.

Я пошла ее искать и нашла ее сходящую съ валу. Ваша бабушка, любезная моя.... Такъ, сказала она мнѣ, я думаю что она пріѣхала и спѣшу засвидѣтельствовать ей долгъ мой.

Но здоровы ли вы, *Генріетта*?

Мнѣ стало гораздо лучше какъ я вышла на чистой воздухъ. Я посылала къ *Доктору Барлету* спросить о новостяхъ: онъ приказалъ мнѣ сказать что *Сиръ Карлъ* находится въ добромъ здравіи и что всѣ его друзья приходятъ въ лучшее состояніе. И такъ я гораздо стала спокойнѣе.

Она побѣжала къ своей бабушкѣ съ такою радостію, которую она всегда чувствуетъ когда ее видитъ. Она просила у ней ея благословенія преклоня колѣно какъ то обыкновенно дѣлаетъ.

Ахъ! какой благополучной вѣтеръ принесъ любезную мою матушку къ своей дочери?

Сего дня весьма прекрасной день. Я думаю что свѣжей воздухъ и удовольствіе видѣть мою *Генріетту* весьма споспѣшествуютъ моему здравію. Мнѣ сказали, любезная моя, что вы получили изъ Италіи письма,

Не я, Сударыня, но *Докторъ Барлетъ* получилъ; а я по видимому не должна знать содержанія оныхъ: ибо мнѣ ихъ не сообщили. Конечно они заключаютъ въ себѣ что ни есть для меня непріятное. Но когда всѣ находятся тамъ въ добромъ здравіи, то ко всему прочему я въ состояніи имѣть терпѣливость. Со временемъ мы обо всемъ узнаемъ.

Докторъ Барлетъ, которой имѣетъ къ сей старой госпожѣ столько же удивленія сколько и она къ нему, спѣшилъ придти засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Она отдала мнѣ письмо; а я возвратила ихъ *Доктору* такъ что *Миссъ Биронъ* ни мало того не примѣтила. Мнѣ сказали, возразила любезная сія дѣвица, что моя *Емилиа* не очень здорова. Я выду на минуту дабы узнать о томъ отъ самой ея. Нѣтъ, милая моя, сказала ей ея тетушка, удержи ее за руку, *Емилиа* сей часъ сюда будетъ.

Такое впечатлѣніе, съ какимъ ее остановили, произвело въ ней новыя подозрѣнія. Она смотрѣла на насъ попеременно. Я усматриваю, сказала она намъ, во взорахъ cadaго состраданіе долженствующее что ни есть значить. Естъли сіе сожалѣніе касается до меня, то прошу изъ милости чтобъ по худо понятой нѣжности я не была послѣдняя, кою бы по милости своей о томъ увѣдомили. Но я отгадаю..... съ принужденною улыбкою.

Что отгадаетъ моя *Генріетта*? сказала ея тетушка.

Докторъ, отвѣчала она, приказаль меня увѣрить что *Сиръ Карль* находится въ добромъ здравіи и что его друзья щастливо начинаютъ приходить въ прежнее свое состояніе и такъ мнѣ ни мало не трудно отгадать то молчаніе, кое сохраняютъ о содержаніи писемъ, что *Сиръ Карль* или женатъ, или вскорѣ женится. Не правда ли, любезной *Докторъ*?

Онъ ничего не отвѣчалъ; но изъ очей его выступили слезы. А какъ *Миссъ Биронъ* обратилась къ намъ, то увидѣла что мы всѣ утирали слезы. Дядя ея вставши со стула подошелъ жъ окну, обратясь къ намъ спиною.

Сии слова чрезвычайно ясны, возразила безподобная *Генріетта*; и я усматриваю, что всѣ здѣсь печалятся о мнѣ. Моя за оное благодарность простирается до высочайшей степени и я не менѣе почитаю то справедливымъ поелику избранной къ тому человѣкъ есть *Сиръ Карль Грандиссонъ*. И такъ любезной *Докторъ*, продолжала она взявши его руку, онъ дѣйствительно женатъ. Всемогуцій Боже [возведя съ благоговѣніемъ очи свои къ небу,] тебя я умоляю, да изліешь на него и на *Клементину* благая. И такъ, любезныя мои друзья, чтожь усматриваете вы въ семъ противнаго моему ожиданію?

Ея тетушка лобызала ее съ нѣжностію. Дядя ея подбѣжавъ къ ней прижималь ее въ своихъ объятіяхъ. Ея бабушка сидѣла съ разпростертыми руками, и милая *Генріетта* бросилась въ оныя съ торопливостію, ставши на одно колѣно. Но по засвидѣтельствваніи вновь своей благодарности собранію, она просила позволенія выдти на нѣсколько минутъ. Ея тетушка удержала ее за руку, говоря ей что *Сиръ Карль* еще не женатъ, но.... Если онъ долженъ жениться, прервала она ея рѣчь, то нельзя ли сказать, что онъ уже женатъ? Въ самую сію минуту пришла *Емилиа*. Она всячески усиливалась сокрыть свое смущеніе и можетъ быть чувствовала уже къ тому довольно силы; но при видѣ любезной своей *Миссъ Биронъ* вся ея бодрость исчезла. Она начала опять плакать и вздыхать. А какъ она хотѣла выдти, дабы скрыть свои слезы, то *Миссъ Биронъ* остановя ее и принявъ въ свои объятія, увѣщевала ее собрать свои силы, желать какъ и она благополучія другому и также тому радоваться. Я никогда не могу себя тѣмъ утѣшить, отвѣчала ей съ живостію сія невинная дѣвица, изпуская вздохи. Я печалюсь токмо о васъ. Я ненавижу сихъ Италіанокъ. Я была бы самая благополучнѣйшая дѣвица въ свѣтѣ, еслибъ вы были *Миладіею Грандиссонъ*.

Теперь когда *Миссъ Биронъ* о всемъ уже извѣстна, сказала я *Доктору*, то не можемъ ли мы показать ей письма? Я покорно васъ о томъ прошу, подтвердила рѣчь мою Гжа. *Шерлей*; вы видите, что наша *Генріетта* имѣетъ благородное сердце. *Докторъ* подавая намъ ихъ отвѣчалъ что онъ относится въ томъ на наше разсужденіе. Что до меня, которая уже ихъ читала, возразила я; то я хочу идти въ садъ съ *Люціи*, *Нанси* и *Емилии* и мы

оставили вмѣстѣ Гжу. *Шерлей* Гжу. *Сельби* и *Миссъ Биронъ*. Докторъ же, коего я приглашала съ нами, принялъ намѣреніе идти въ свою комнату. *Люція* оказала нѣкое желаніе остаться и взоры *Генріетты* казалось тоже самое изъявляли. Я вышла съ двумя прочими, коимъ рассказала все содержаніе писемъ. *Жилордъ Ж...* также пришелъ къ намъ и не менѣ насъ принималъ участія въ нашей печали; такимъ образомъ остались вокругъ *Генріетты* единыя утѣшители, которыя подкрѣпляли ея мысли; ибо ея бабушка и тетушка всегда похваляли то преимущество, кое она отдавала *Клементинѣ* по причинѣ ея болѣзни. Никогда не видано было въ одной фамиліи трехъ женщинъ толико благородныхъ какъ *Гжа Шерли*, *Гжа. Сельби* и *Миссъ Биронъ*. Но *Г. Сельби* весьма не доволенъ тѣмъ, что мой братецъ любя столь нѣжно *Генріетту*, могъ такъ легко рѣшиться ѣхать въ Италію, Онъ досадуетъ даже на ту любовь, которую ощущаетъ къ моему братцу и своей племянницѣ. Но бесполезно, сказать вамъ, что будучи такъ разуменъ не имѣетъ онъ и половины того величія души, какое имѣетъ каждая изъ упомянутыхъ мною трехъ женщинъ.

По возвращеніи нашемъ вы весьма бы плѣнились, видя *Генріетту* какъ она отвела *Емилию* къ сторонѣ, дабы ее утѣшить, и уважить ей тѣ обстоятельства, кои казалось привлекли на свою сторону моего брата. Потомъ она учинила тоже самое и своему дядѣ. Сколь превосходною сія великодушная дѣвица оказала себя въ глазахъ всѣхъ свидѣтелей.

Когдажъ ей случилось быть на единѣ со мною, то она говорила мнѣ о послѣдней статьѣ третьяго письма, гдѣ упомянуто о ней съ весьма пылкою нѣжностію, и въ достойныхъ выраженіяхъ учтивѣйшаго изъ человѣковъ у которой означаетъ чрезвычайное уваженіе какъ къ ней такъ и къ ея полу и которая укоряетъ себя за то сумнѣніе, что осмѣлился предполагать будто *Миссъ Биронъ* будетъ на него жаловаться и имѣетъ къ нему нѣкую часть той нѣжности, которую онъ къ ней чувствуетъ. Весьма вѣроятно, сказала она мнѣ, что онъ не знаетъ, такъ какъ вы и ваша сестрица, всего глубочайшаго почтенія кое къ нему имѣетъ. Какъ же могъ бы онъ то видѣть? продолжала она. Вы знаете что мы бывали рѣдко вмѣстѣ; и какъ я имъ толико обязана; то онъ конечно приписывалъ мои взоры единой благодарности. Но весьма ясно что онъ меня любитъ; вѣрители вы етому? и можетъ быть онъ предпочелъ бы меня всемъ женщинамъ, естлибъ обстоятельства его къ тому не принуждали. Да изліетъ на него Всемогущей Творецъ вся благая присовокупила она: въ семь состоитъ первое мое желаніе: никогда не буду я имѣть другаго. Не хулите сего объявленія, милая моя *Милади*. Вы уже однажды меня осуждали за романическіе мои поступки: но подумайте, что избранный по сердцу человѣкъ есть *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*.

Не взирая на всѣ сіи усилія, увы! любезная сестрица, весьма примѣтно что тѣ часы, кои сія любви достойная дѣвица препровождаетъ въ уединеніи, суть тяжкое для нее бремя. Она привыкла уже воздыхать.

Она встаетъ съ опухшими отъ слезъ глазами; сонъ и позывъ къ ѣдѣ ея оставляютъ; и всѣ сіи признаки ей не безъизвѣстны; такъ заключаютъ о семъ по тому усилію кое она себѣ дѣлаетъ, скрывая оныя. Какъ! должно ли чтобъ *Генріетта Биронъ*, съ неподобною красотою при толь цвѣтущемъ здравіи съ такимъ нравомъ, и съ удобностію управлять своими страстьми имѣя великодушіе и признательность ироическія, превосходя всякую женщину въ откровенности сердца и въ истинной разборчивости, одарена будучи разсужденіемъ и зрѣлостію разума превыше своихъ лѣтъ: должно ли говорю я, чтобъ она видѣла себя принесенною на подобіе невинной жертвы на олтарь безнадежной любви? Состояніе ея стѣсняетъ грудь мою. Я не могу сносить сего торжества другаго пола, хотя бы виновникъ тому былъ братъ мой. Но по истиннѣ, ета уже не первая для него жертва. Напротивъ того кажется, что его сердце исполнено справедливою благородностію, и смертельное чувствуетъ мученіе, что не можетъ совершенно предаться сей изящной дѣвицѣ.

Сего утра прибылъ сюда *Г. Динъ*. Онъ весьма знатной человекъ. Въ одно время, когда онъ разговаривалъ со мною съ откровеннымъ сердцемъ, я узнала отъ него, что его намѣреніе было всегда сдѣлать *Миссъ Биронъ* главною своею наслѣдницею. Онъ увѣдомилъ меня о своемъ имѣніи, которое весьма велико. Я вижу что истинная учтивость состоитъ въ томъ, дабы быть великодушну; ибо юныя и старыя, богатыя и бѣдныя, всѣ обоготворяютъ *Миссъ Биронъ*.

Г. Динъ беспокоится до чрезвычайности о ея здравіи, которое очевидно уменьшается. Онъ считаетъ, что она сохнетъ. И мы всѣ увѣрены вообще, не выключая и ея, что сія болѣзнь не получитъ никакого облегченія отъ лекарствъ. Когда онъ объявилъ своя опасенія: то она притворилась будто бы тому удивляется, въ томъ намѣреніи, какъ она мнѣ въ ономъ призналась, дабы избѣжать бесполезныхъ стараній производящихъ отъ нѣжности, которая заставила бы его просить совѣтовъ въ разсужденіи такой болѣзни, кою могутъ излѣчишь единая терпѣливость и время.

Какимъ же ударомъ будетъ поражена *Оливія*, когда извѣстится о происходящемъ въ Болоніи? Ея лазутчики конечно не преминутъ въ скорости ея о томъ увѣдомишь. Какія будутъ ея изступленія! Я предполагаю, что вы имѣя съ нею переписку, конечно вскорѣ будете приведены въ смущеніе ея поношеніями.

Всѣ желаютъ, чтобъ вы пріѣхали сюда съ вашимъ *Лордомъ*. Чтожъ касается до меня, что я горю нетерпѣливостію видѣться съ обѣими вами, или естли вы лучше хотите, то пріѣзжайте сами ко мнѣ. Вы никогда не можете меня видѣть въ столь выгодное для меня время. Я нахожусь теперь въ совершенномъ согласіи съ моимъ мужемъ. Вы слышали бы отъ насъ все то, чтобы вамъ было пріятно. *Милордъ*.... любезнѣйшій мой,

вы ничего отъ меня не требуете.... Вы предупреждаете меня, *Милордъ*, во всѣхъ моихъ желаніяхъ. Я увѣдомила его весьма нѣжно о нѣкоторыхъ его слабостяхъ: онъ благодарилъ меня за наставленіе; и рѣшился, говорить онъ, дѣлать все то, что токмо можетъ мнѣ нравиться.

Я сдѣлала открытія въ его пользу. Я усмотрѣла въ немъ болѣе разума, пріятности, чувствованія и знанія, нежели въ немъ оныхъ предполагала, и совершенно не думала найти въ немъ того, когда имѣла и болѣе причины разсматривать всѣ сіи качества въ его свойствахъ. Онъ всегда со мною совѣтуется; и вы легко судить можете, что по такимъ открытіямъ въ его пользу, онъ не можетъ иначе дѣлать. Словомъ, мы столь удивительно успѣваемъ въ нашемъ почтеніи, что сколько бы времени оно ни продолжилось, но мы съ трудомъ можемъ признать себя за того мужа и ту жену, которыя представляли, нѣсколько тому мѣсяцовъ, весьма странную фигуру передъ глазами зрителей въ церкви Святаго Георгія. Намъ должно благодарить, что мы могли увѣряться другъ въ другъ; ибо будьте увѣрены, что насъ никогда не увидятъ такъ глупыми, какъ мы были въ то время. Наиболѣе же превышаетъ его въ моихъ мысляхъ то хорошее мнѣніе, которое всѣ здѣсь о немъ имѣютъ. Его почитаютъ разумнымъ, хорошаго свойства, и повѣрите ли вы тому? весьма красивымъ человѣкомъ. А какъ всѣ жители сего дома слывуть умнѣйшими и проницательнѣйшими людьми; то я не могу имъ противурѣчить, не учинясь сама виновною.

Вы съ удовольствіемъ узнаете, что *Емилія* слѣдуя всегда ея образцу, будетъ изящною женщиною и весьма хорошею матерію въ фамиліи. *Миссъ Биронъ* по истиннѣ есть одна въ свѣтѣ дѣвица, которая совершенно знаетъ домашнюю економію. По возвращеніи своемъ, она приняла на себя управленіе сей фамиліи, дабы облегчить тетушку свою *Сельби*. Она занимала сію должность и до отъѣзда въ Лондонъ: До сего времени я считала себя весьма знающею касательно сей статьи; но теперь она зажала мнѣ ротъ, а ея управленіе сопровождается толикимъ достоинствомъ и тихостію, что она всѣми въ домѣ обожаема. Впрочемъ я едва могу понять, когда она исполняетъ такое множество попеченій; ибо мы всегда видимъ ее съ нами. Но какъ она не любитъ долго спать и весьма любитъ порядокъ, и удобно безъ торопливости принимается за дѣло; то и нѣтъ ничего для нее труднаго.

Въ сію минуту подали мнѣ отъ васъ письмо. Я предвидѣла какія должны быть движенія *Оливіи*. Она безъ сумнѣнія получила нѣкія извѣстія изъ Болоніи; ибо для чегожъ оставялъ такъ скоро Англію, когда она рѣшилась дожидаться тутъ возвращенія моего брата? Нещастная женщина! *Генріетта* о ней жалѣетъ. Но естли хотя одинъ нещастной, о коемъ бы *Генріетта* не сожалѣла?

Примѣчаніе. „Здѣсь исключены письма заключавшія въ себѣ болѣе пріятности, нежели пользы для подкрѣпленія связи; первое отъ *Графини*

Д.... которая ни мало не теряет изъ виду брака своего сына всячески старается преодолѣть любовь *Миссъ Биронъ* къ *Сиру Карлу*, разсужденіями свойственными сей страсти, и затрудненіями въ коихъ она небезызвѣстна, что *Сиръ Карлъ* находится: другія письма писаны отъ разныхъ особъ, и совершенно по различнымъ причинамъ касательно главной пользы. *Милады Ж...* [кою прежде именовали *Миссъ Шарлота Грандиссонъ*] оставя наконецъ замокъ *Сельби*, пишетъ также къ *Миссъ Биронъ*, которую она оставила съ *Емилиєю*, и говоритъ ей много забавныхъ изрѣченій. *Миссъ Биронъ* отвѣчаетъ ей съ важностію, сходственною ея состоянію. Здѣсь наиболѣе *Авторъ* пріобрѣтаетъ себѣ похвалу относительно къ тѣмъ характерамъ, кои весьма искусно были наблюдаемы въ своемъ положеніи. Но наконецъ все касающееся до состоянія *Сира Карла* изъясняется въ письмѣ къ *Доктору Барлету*.

ПИСЬМО LXXLVII.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Болонія 8 и 19 Іюля.

Я чувствую теперь гораздо болѣе въ моемъ сердцѣ прискорбія, нежели прежде. Какъ долженъ я наименовать то благополучіе, коимъ не лъзя наслаждаться не сдѣлавъ несчастнымъ другаго. *Графъ Бельведере*, извѣстясь о щастливой перемѣнѣ *Клементины*, и что по всякой вѣроятности она будетъ возмездіемъ за услугу тому человѣку, коему вся фамилія приписываетъ ея выздоровленіе прибылъ вчерашняго вечера въ сей городъ и тотчасъ приказалъ меня увѣдомить что намѣренъ посѣтитъ меня сего дня.

Сего утра *Клементина* прислала ко мнѣ *Камиллу*, прося меня отложить до полудня то свиданіе, въ коемъ мы условились вчерашняго дня. Я спросилъ *Камиллу*, не знаетъ ли она, тому причины и для чего сіе приказаніе прислано ко мнѣ столь рано? Она отвѣчала мнѣ, что оно прислано отъ ея госпожи и что никто другой не имѣетъ въ томъ ни малѣйшаго участія. *Маркиза*, сказала она мнѣ, увѣдомила ее вчера въ вечеру что все уже рѣшено; что она совершенную имѣетъ власть располагать своимъ жребіемъ; и что вамъ позволено видѣться съ нею сего утра дабы узнать ея намѣренія отъ самой ее. При семъ она пала къ ногамъ своей матери съ живѣйшими знаками благодарности за любовь и снисхожденіе отъ своей фамиліи, и съ сей самой минуты она кажется совершенно въ различномъ положеніи. Въ тожъ самое время она сдѣлалась важною, скрытною, но неутомимою къ перу своему, коимъ она занималась во все остальное время дня, переписывая на бѣло то, что у ней было написано въ своихъ запискахъ. Завтра, сказала она мнѣ, завтра, *Камилла*, будетъ великой день. Для чего уже онъ не наступилъ? Но я

страшусь его. Въ состояніи ли я буду вступить въ толь важной разговоръ? Чтожь могу я сдѣлать дабы быть толикоже великодушною и великою какъ *Кавалеръ*? Его снисхожденіе воспламѣняетъ во мнѣ соревнованіе. Съ какою нетерпѣливостію ожидаю я сего дня! Какъ бы желала я чтобъ оный прошелъ! Она весь вечеръ казалась въ такомъ воспламененіи. Я думаю, продолжала *Камилла*, что она сочинила многія статьи, кои намѣрена дать вамъ подписать, но судя по словамъ нечаянно ею произнесеннымъ смѣю сказать, Г. мой, что они достойны великой ея души, и что вы усмотрите въ ономъ болѣе своенравія нежели жестокости.

Около полуночи я едва могла уговорить ее, продолжала вѣрная *Камила*, нѣсколько заснуть. Она вставши въ четвертомъ часу утра принялась опять за перо а въ шестомъ часу наложила на меня сію должность, кою я теперь исполнила. Я представляла ей что еще весьма рано и просила ее подождать пока матушка встанетъ. Но она также просила меня ей не противурѣчить, и вспомнить что ея матушка дала ей полную власть надъ своими желаніями. И такъ, Г. мой, заключила *Камилла*, я исполнила свою должность. Я усматриваю ясно что дневныя обстоятельства требуютъ предосторожностей; но вы не имѣете нужды въ совѣтѣ при толь сумнительномъ обстоятельстве.

Прибытіе *Графа Бельведере* прервало рѣчь *Камиллы* и она оставя меня возвратилась къ своимъ должностямъ.

Въ десять часовъ.

Графъ, коего я принялъ со всевозможною учтивостію отвѣтствовалъ на оныя только холоднымъ и недовольнымъ видомъ. Удивляясь же не нашедши въ немъ той учтивости и дружбы, кои онъ всегда мнѣ оказывалъ, я ему нѣчто далъ на оное замѣтить. Онъ спросилъ меня: увѣдомлю ли я его искренно о тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ нахожусь съ *Клементиною*? Искренно безъ сумнѣнія, отвѣчалъ я, предполагая токмо естли я вступлю въ какое нибудь изъясненіе: но разположеніе, въ коемъ я васъ усматриваю можетъ быть не позволить мнѣ въ томъ васъ удовлетворять.

Я не желаю отъ васъ знать ничего кромѣ сего отвѣта, возразилъ онъ. Вы кажетесь мнѣ увѣреннымъ въ своихъ выгодахъ; но *Клементина* до тѣхъ поръ не будетъ вашею супругою, пока я не изпущу послѣдняго дыханія.

По толикихъ возмущеніяхъ, Г. мой, и случаяхъ коихъ я не старался возраждать, ничто не въ состояніи привести меня въ изумленіе; но естли вы имѣете какія требованія, или какія предложить вопросы касательно сего дѣла то это ни мало не касается до меня и въ семъ должны вы отнестись къ фамиліи *Маркиза дела Порретты*.

Думаете ли вы, Г. мой, что я не понимаю ироніи сихъ словъ? Знайте однако, что выключая одного, всѣ изъ ея фамиліи принимаютъ мою

сторону. Впрочемъ все уваженіе относится ко мнѣ, но вы можете тщеславиться единымъ великодушіемъ своихъ услугъ, въ чемъ я нимало не спорю, или можетъ быть пріятностями вашего вида и вашими поступками.

Сии качества, Г. мой, дѣйствительны ли онѣ или нѣтъ, но должны быть укоряемы въ тѣхъ, кои желаютъ оными воспользоваться. Но позвольте мнѣ предложить вамъ единый вопросъ: естьли вы не имѣете другаго препятствія кромѣ меня: то имѣли ли бы бы хотя нѣкую надежду пріобрѣсть любовь отъ *Клементины*?

Мнѣ позволено надѣяться до тѣхъ поръ пока она не будетъ за мужемъ. Безъ вашего возвращенія я нимало не сумнѣвался чтобъ она не была моею супругою. Мы довольно извѣстны, что болѣзнь ея ни мало не могла бы мнѣ въ томъ воспрепятствовать.

Я не могу ни чемъ укорять себя въ моемъ поведеніи. Въ семь, Г. мой, никто не имѣетъ права требовать отъ меня отчета. Однако естьли вы имѣете въ томъ хотя нѣкое сумнѣніе; то изьяснитесь. Я столько имѣю почтенія къ *Графу Бельведере*, что желаю искренно заслужить и съ его стороны равное.

И такъ увѣдомьте меня, *Кавалеръ*, въ какомъ дѣйствительно находитесь вы состояніи съ *Клементиною*; что заключено между вами и фамиліею и согласилась ли *Клементина* на ваше желаніе?

Она еще со мною не изьяснялась. Я повторяю, что почтеніе *Графа Бельведере* для меня драгоцѣнно. Слѣдственно я буду изьясняться гораздо съ большею искренностію нежели онъ того надѣялся, принявши на себя оскорбительной видъ въ семь посѣщеніи. Мнѣ позволено видѣться съ *Клементиною* сего дня послѣ обѣда. Ея фамилія во всемъ со мною согласна. Я поставилъ себѣ за правило хранить всю непорочность сердца, хотя оно находится и не въ надлежащемъ спокойствіи, и положиться на Провидѣніе. До сего времени всѣ мои движенія были для меня тягостны: честь не позволяетъ мнѣ болѣе останавливаться на сихъ предѣлахъ. Сего дня послѣ обѣда, Г. мой....

Сего дня послѣ обѣда.... [перерывистымъ голосомъ] Какъ! Сего дня послѣ обѣда....

Рѣшится судьба моя съ *Клементиною*.

Вы приводите меня въ отчаяніе! Естьли ея родители рѣшились въ вашу пользу, то сіе конечно происходитъ болѣе по необходимости нежели по выбору. Но естьли они дадутъ ей власть располагать самой собою.... то я пропасть!

Положимъ: что она рѣшится въ мою пользу, такъ это есть такая справедливость, Г. мой, которая не подлежитъ ни малѣйшему возраженію. Но обстоятельства мнѣ не весьма кажутся благопріятными; поелику вы говорите что фамилія дѣлаетъ сіе по необходимости, то я ни

за что не соглашусь принять чести вступить въ оную; а тѣмъ болѣе, естли мое благополучіе навлечетъ нещастіе такому человѣку, какъ вы.

Какъ! *Кавалеръ*, вы должны сего дня видѣться съ *Клементиною*, дабы рѣшиться съ нею. Сего дня послѣ обѣда! Не перемѣните ли вы своего поведенія? Не употребите ли вы своихъ стараній! Не будете ли вы просить ее согласиться на ваше желаніе? Мой законъ, честь моей земли.... Изъяснимся, Г. мой. Должно на что нибудь согласиться. Я говорю вамъ сіе съ величайшимъ сожалѣніемъ; но такъ должно. Вы конечно не отречетесь обнажить.... согласіе сіе не положено. Вы не похитите изъ Италіи сего сокровища. Сдѣлайте мнѣ честь, выдемъ въ сію минуту со мною.

Нещастной *Графъ*! сколь вы мнѣ жалки кажетесь! Вы знаете главныя мои правила. Весьма прискорбно, послѣ моего съ вами поступка, видѣть себя приглашаему.... Изъяснитесь во всѣхъ моихъ поступкахъ съ *Прелатомъ*, отцемъ *Марескотти* и съ самимъ даже *Генераломъ*, которой всегда былъ вашимъ другомъ, и которой нѣкогда былъ моимъ непріателемъ. И поелику сіе самое принудило ихъ вступить въ чувствованія толико противныя ихъ склонностямъ, какъ вы то думаете, то оно конечно возымѣетъ силу надъ столь благородною душею какова есть *Графа Бельведере*. Но къ какому бы рѣшенію ни могли довести васъ ихъ изъясненія; однако я объявляю вамъ напередъ что я никогда не соглашусь выдти на вашъ вызовъ, развѣ подъ названіемъ друга.

Онъ возвратился назадъ съ пылкостью. Онъ прохаживался по горницѣ на подобіе недоумѣвающего человѣка. На конецъ подошедши ко мнѣ съ заблужденнымъ видомъ сказалъ мнѣ: я иду сей часъ видѣться съ отцемъ *Марескотти* и съ *Прелатомъ*, чтобъ увѣдомить ихъ о моемъ отчаяніи,... и естли лишусь надежды.... О! *Кавалеръ*, я повторяю вамъ паки, что *Клементина* не будетъ вашею до толѣ, пока я не испущу послѣдняго дыханія. Выходя отъ меня онъ оглядывался вокругъ себя, какъ будто бы опасался не подслушиваетъ ли его кто другой, хотя и никого съ нами не было и наклоняясь ко мнѣ присовокупилъ, лучше умереть отъ вашей руки нежели отъ.... Онъ не dokonчивъ своей рѣчи и не давъ мнѣ времени отвѣчать столь поспѣшно меня оставилъ, что я не успѣлъ еще подойти къ дверямъ какъ онъ уже ушелъ. А поелику онъ пришелъ ко мнѣ пѣшкомъ, то бывшей при немъ лакѣй сказалъ моимъ, что Гжа. *Сфорсъ* пріѣзжала къ нему въ Парму, и что съ самага того времени примѣчена въ немъ такая перемѣна, которая обезпокоиваетъ весь домъ.

Скажи мнѣ, любезной *Докторъ*, какимъ образомъ отважныя люди живутъ столь спокойно, когда съ толикими предосторожностями стараясь избѣгать замѣшательства, со всею возможностью удаляясь отъ всякаго оскорбленія, едва могъ я освободиться отъ одного затрудненія, какъ повергаюсь уже въ другое Чего женщины не въ состояніи

произвести, когда онѣ пожелаютъ поссорить друзей? Гжа. *Сфорсъ* имѣеть нравъ надмѣнной и хитрой. Для нее весьма не выгодно, естли *Клементина* выдетъ когда ни есть за мужъ. Впрочемъ *Графъ Бельведере* столь хладнокровенъ и столь отдаленъ отъ наглости, что я будучи не безызвѣстенъ о намѣреніяхъ сей госпожи удивляюсь какими проницательностями могла она произвести столь пылкое пламя въ толико спокойной душѣ.

Уже наступило время идти мнѣ въ палаты *делла Поретты*. Извѣстіе *Камиллы* меня беспокоитъ. Не ясно ли оно показываетъ въ ея госпожѣ весьма разгоряченное воображеніе, касательно столь важнаго случая? и не долженъ ли я опасаться, что она еще нисколько не пришла въ прежнее свое состояніе?

ПИСЬМО LXXVIII.

Кавалеръ Грандиссонъ къ тому же.

Того же дня въ вечеру.

Я употребляю все мое тщаніе, любезной и почтительной мой *Докторъ*, дабы собрать разсѣянные мои мысли и изобразить вамъ весьма удивительное описаніе. *Клементина* есть благороднѣйшая дѣвица въ свѣтѣ. Чтожъ наконецъ послѣдуетъ?... Но дабы въ состояніи быть продолжать все повѣствованіе, то я долженъ сперва возстановить гораздо болѣе спокойствія въ моемъ сердцѣ и твердости въ рукѣ моей.

Теперь чувствую я въ себѣ нѣсколько менѣе движенія. Изъ первыхъ моихъ строкъ вы легко судить можете о движеніи души моей, когда возвратясь оттуда, я покушался описать все происходившее передъ моими глазами.

Камилла ожидала меня въ переднемъ залѣ, имѣя приказаніе отвести меня къ *Маркизѣ*. *Маркизь* и *Прелатъ* находились вмѣстѣ съ нею. О *Кавалеръ!* сказала она мнѣ, посѣщеніе *Графа Бельведере* привело насъ въ великое смущеніе. Сколь онъ сожалѣнія достоинъ! Онъ намъ сказалъ, что видѣлся съ вами у васъ.

Такъ точно, *Сударыня*. Тогда рассказалъ я по прозбѣ *Прелата* все между нами происшедшее, выключая послѣднихъ его словъ, изъ коихъ я почелъ за долгъ выразумѣть, что онъ лучше согласится принять смерть отъ чужей руки, нежели отъ своей.

Они изъявили то участіе, кое принимали въ его несчастіи и безпокойствіе свое о мнѣ; но я совершенно ничего не примѣтилъ, чтобъ сіе произшествіе перемѣнило ихъ разположеніе въ мою пользу. Они объявили *Графу*, что поелику выздоровленіе ихъ дочери зависитъ отъ совершеннаго удовлетворенія ея желаній, то они рѣшились ни мало тому не противиться. Посѣщеніе несчастнаго сего друга, сказала мнѣ

Маркиза, и его вспыльчивость, которая тѣмъ болѣе произвела во мнѣ сожалѣнія, что я почитала его угрожаемымъ подобною болѣзнію моя дочери, воспрепятствовали мнѣ видѣть *Клементину* около двухъ часовъ. Я хотѣла лишь идти къ ней, когда вы пришли; но *Камилла* пойдетъ вмѣсто меня.

Сего утра, продолжала *Маркиза*, когда я вступила съ нею въ разговоръ, она извинялась что посылала къ вамъ *Камиллу* приказавши просить васъ отложить свое посѣщеніе до полудни. Она не успѣла еще приготовиться, сказала она мнѣ, принять васъ. Я спросила ее, какія желала она сдѣлать приготовленія видѣть такого человѣка, коего мы всѣ почитаемъ и которой всегда оказывалъ ей великое уваженіе? Она отвѣчала мнѣ: что находясь однажды съ вами, когда еще ей не позволено было съ вами видѣться, хотѣла она говоришь вамъ о многихъ дѣлахъ, но не могла ничего вспомнить; что она написала изъ того нѣкоторую часть, однако еще не весьма довольна сама собою; что вы оказали все величіе души своей, что она желаетъ употребить всѣ свои старанія, дабы быть вамъ подобною; что данная ей нами надъ самой собою полная власть умножаетъ ея замѣшательство, и что уже она нѣсколько разъ желала быть при послѣднемъ концѣ своей жизни.

Я предложила ей, продолжала *Маркиза*, отсрочить сіе хотя на мѣсяць или на недѣлю. Нѣтъ, нѣтъ, сказала она мнѣ, я вскорѣ буду въ состояніи съ нимъ видѣться. Пусть онъ придетъ. Теперь я чувствую довольно въ себѣ твердости. Ктожь знаетъ не буду ли я гораздо въ худшемъ состояніи завтра или черезъ недѣлю?

Въ сію минуту пришла къ намъ *Камилла*. Ее спросили, въ какомъ состояніи оставила она свою госпожу. Она сказала намъ, что нашла ее весьма задумчивою, но мысли ея весьма воспламенены; что она кажется занята наступающимъ посѣщеніемъ, и по прошествіи получаса она раза съ три спрашивала, не пришелъ ли *Кавалеръ*; что она часто перечитывала написанное ею и нѣсколько разъ клала оное на столъ и опять брала; что вставая иногда прохаживалась съ минуту по горницѣ, то съ видомъ изъявляющимъ достоинство, то потупя голову; что въ теченіе послѣдняго часа она нѣсколько разъ плакала; что въ другое время она вздыхала, не довольна была своимъ платьемъ; и сперва желала имѣть на себѣ черное, потомъ цвѣтное; она кажется сущимъ Ангеломъ въ семъ одѣянніи, заключила *Камилла*; но весьма было бы желательно чтобъ ея очи и движенія были нѣсколько постояннѣе!

Я предвижу для васъ затрудненіе, сказалъ мнѣ *Прелатъ*. Всѣ сіи движенія показываютъ еще нѣкоторой безпорядокъ. Впрочемъ, будучи столь близокъ отъ свиданія долженствующаго кончиться въ вашу пользу, они заставляють судишь колико ея сердце принимаетъ важное участіе въ семъ случаѣ; да составитъ оный благополучіе ваше вкупѣ съ ея щастіемъ!

Я ничего не опасаюсь касательно благополучія моя дочери, сказала *Маркиза*, когда оное будетъ зависѣть отъ *Кавалера*. Я увѣрена въ его къ ней нѣжности.

Мнѣ кажется, сказалъ *Маркизь*, что мы должны позволить ему ѣхать съ своею женою въ Англію въ теченіе первыхъ шести мѣсяцовъ, съ тѣмъ условіемъ чтобъ привезти ее къ намъ для препровожденія другихъ шести мѣсяцовъ. Сія перемѣна можетъ произвести въ ней новое теченіе мыслей. Видѣ одинакихъ мѣстъ и особъ могутъ опечаливать ея сердце. Я присовокупляю, что ея отсутствіе послужитъ къ поправленію здравія бѣдному *Графу Бельведере*.

Прелатъ похвалилъ такое мнѣніе. *Маркиза* ее сдѣлала другаго возраженія, кромѣ своей нѣжности. Потомъ заключили, чтобъ сей выборъ оставить на волю *Клементинъ Камилла*, сказалъ *Маркизь*, уже время увѣдомить дочь мою, что *Кавалеръ* ожидаетъ отъ нее позволенія съ нею видѣться. Согласныли вы на сіе? спросилъ онъ меня съ учтивостію.

Камилла вскорѣ пришла назадъ: но возвращеніи своемъ, она сдѣлала намъ новое изображеніе о движеніяхъ своя госпожи, кое она заключила прося *Маркизу* взойти въ ея горницу. Естьлибъ это было первое ваше свиданіе, сказалъ мнѣ *Прелатъ*, то я нимало бы не удивлялся сему безпорядку: но должно признаться что болѣзнь окажется въ какомъ ни есть странномъ признакѣ.

Маркиза пошла съ *Камиллою*, и почти въ то же самое время увѣдомили меня, чтобъ я тудажъ слѣдовалъ. Она вышла ко мнѣ на встрѣчу даже до самыхъ дверей кабинета; и выходя изъ онаго сказала мнѣ въ короткихъ словахъ: я думаю для все гораздо будетъ пріятнѣе когда я васъ оставлю одного съ нею. Я далеко не уйду; мы съ *Камиллою* будемъ въ боковой комнатѣ.

При входѣ моемъ *Клемектина* сидѣла за уборнымъ столикомъ, будучи погружена въ своихъ размышленіяхъ и опершись головою на руку. Какъ скоро она меня увидѣла, то пленительной румянецъ разпространился по щекамъ ея. Она встала, оказала мнѣ глубокое почтеніе, подступила ко мнѣ нѣсколько шаговъ; но казалась трепещущею и ея взоры заблуждались.

Я подошелъ къ ней. И взявъ весьма почтительно ея руку поцѣловалъ оную. Ахъ! *Кавалеръ*, сказала она мнѣ, отвратя нѣсколько лице свое, но не отнимая руки своей. Она ничего болѣе не присовокупила и находясь въ замѣшательствѣ испустила тяжкій вздохъ.

Я подвелъ ее къ стулу. Она сѣла; но все трепетала. Колико возсылалъ бы я благодареній Богу, сказалъ я, когдабъ усмотрѣлъ сію щастливую перемѣну въ толь драгоцѣнномъ здравіи! Да усовершитъ оно свое произведеніе.

Щастливы вы, отвѣчала она мнѣ, щастливы тою властію кою вамъ даровало Небо обязывать ближнихъ, поелику вы умѣете употреблять

оную! Но какимъ.... какимъ образомъ возмогу я..... О Г. мой ! Вы знаете тѣ движенія, кои не престають еще раздирать моего сердца съ того времени какъ.... я не упомяну, съ котораго.... О *Кавалеръ!* у меня не достаетъ власти.... При семъ она остановилась. Она плакала. Она не могла произнести ни единого слова.

Въ вашей власти состоитъ, Сударыня, сдѣлать щастливымъ того самаго человѣка, коему вы приписываете такія обязательства, за кои уже вы ему съ лишкомъ заплатили.

Я сълъ подлѣ нее по данному ею мнѣ знаку.

Говорите, Г. мой. Я чувствую сильныя движенія въ душѣ моей. Говорите мнѣ, говорите мнѣ о всемъ, о чемъ вы желаете мнѣ сказать. Мое сердце. [прикладывая къ оному руку] заключено въ тѣсныхъ предѣлахъ; я чувствую, что оно не имѣетъ пространства. Я не имѣю столько силъ, дабы изъясниться. Говорите, а я буду васъ слушать со вниманіемъ.

Вся ваша фамилія, Сударыня, имѣетъ одинаковое чувствованіе. Мнѣ позволено открыть внутренность моего сердца. Я ласкаюсь, что вы благосклонно меня выслушаете. Отецъ *Марескотти* принялъ меня въ свое дружество. Условія суть тѣ же самыя, кои я предложилъ отъѣзжая въ Англію.

Она наклонила голову и ея вниманіе казалось усугублялось.

Изъ двухъ годовъ одинъ я буду щастливо проживать съ моею *Клементиною* въ Англіи....

Ваша *Клементича*, Г. мой! Ахъ, *Кавалеръ!* [Она покраснѣвши отвернула лице свое.] Ваша *Клементина*, Г. мой! повторила она; и я примѣтилъ радость появившуюся на лицѣ ея. Однако слезы потекли изъ очей ея.

Такъ, Сударыня, мнѣ позволено надѣяться имѣть васъ своею супругою. Духовной вашъ отецъ будетъ находиться съ вами: Отецъ *Марескотти* соглашается ѣхать съ вами для отправленія своей должности. Его благочестіе ревность и собственныя мои попеченія о тѣхъ, коихъ правила съ моими различны, честь моя, коею я клятвенно обязался фамиліи препоручающей мнѣ любезнѣйшее свое сокровище, будутъ охранять вашу безопасность....

Ахъ, Г. мой! прервала она рѣчь мою, вы однако не желаете быть Католикомъ?

Вы согласились, Сударыня, передъ отъѣздомъ моимъ въ Англію, чтобъ я слѣдовалъ законамъ моего совѣсти.

Правда ли это? сказала она вздыхая.

Родитель вашъ, Сударыня, увѣдомитъ васъ самъ о всѣхъ прочихъ статьяхъ къ совершенному вашему удовольствію.

При семъ очи ея наполнились слезами. Она казалась въ недоумѣніи. Усилія дѣлаемая ею къ продолженію разговора произвели въ нея единое только смущеніе. Наконецъ опершись на мое плечо подошла къ

кабинету трепеща; она вошла въ оной. Оставьте, оставьте меня, сказала она мнѣ: и подавши мнѣ въ руку бумагу, заперла за собою двери. Будучи пораженъ ея вздохами, я пошелъ въ боковую горницу, изъ коей ея мать и *Камилла* слышали нѣкоторую часть краткаго нашего разговора. *Маркиза* пошла въ кабинетъ; но возвратясь оттуда почти въ ту же минуту сказала мнѣ: Благодарю Всевышняго, они теперь находится въ полномъ разумѣ хотя и весьма печальною кажется. Она просила меня оставить ее въ уединеніи. Если вы можете простить ея, сказала она, то ея сердце почувствуетъ облегченіе. Она вручила вамъ какую то бумагу, которую просить васъ прочесть. Она будетъ ожидать пока прикажите ее позвать, если можете присвокупилла она, прочитавши оную смотрѣть безъ презрѣнія на дѣвицу недостойную вашихъ милостей. Но какуюжъ странную тайность, возразила *Маркиза*, заключаетъ въ себѣ сія бумага?

Я столько же сему удивлялся какъ и она. А поелику я не зналъ еще содержанія оной то развернувши при ней хотѣлъ было читать, но она не иначе желала слышать оное какъ съ *Маркизомъ*, если токмо прилично знать имъ обоимъ оное. Она вышла съ торопливостію; а *Камилла* пошла въ другую горницу для исполненія тамъ приказаній своей госпожи. Я остался одинъ. И вотъ какое удивленія достойное сочиненіе я читалъ. (*)

(*) Не нужно замѣчать что оно писано въ болѣзни *Клементины*, происходящей отъ любви и закона; въ чемъ состоитъ здѣсь искусство сочинителя.

„О ты, составляющей предметъ дражайшій моему сердцу! тысячекратно прошу я прощенія... Въ чемъ же? Въ томъ ли что намѣрена оказать великое дѣяніе, если буду имѣть къ тому силы. Ты подаешь мнѣ примѣръ. Ты которой представляешься глазамъ моимъ совершеннѣйшимъ изъ человѣковъ. Долгъ влечетъ меня къ тому, чему сердце мое противится и возбуждаетъ во мнѣ слабость. Тебя, Всемогуцій Боже! единаго умоляю подкрѣпить мои силы въ семъ чрезвычайномъ противуборствіи чувствованій. Не допусти, чтобъ оно затмило мой разумъ, поелику уже онъ былъ помраченъ...; сей слабой разумъ, которой токмо созрѣвать начинаетъ. О Боже! подкрѣпи меня: усиліе превосходить мои способности, оно достойно того совершенства, къ коему *Клементина* всегда стремилась.

„Учитель мой! братъ мой! другъ мой! о любезнѣйшій и изящнѣйшій изъ человѣковъ! не помышляй болѣе о мнѣ. Я не достойна тебя. *Клементина* плѣнилась твоею душою. Когда я зрѣла пріятности твоего вида, то отвращала глаза свои и всячески старалась обуздать свое воображеніе: но какъ? какъ можно воспротивиться тому, когда мысли мои устремились къ пріятностямъ украшающимъ твою душу. Но сія душа, мнила я, не сотворена ли для другой жизни? Сопротивленіе, непоколебимость сей толико любезной души позволить ли моей

соединиться съ нею? До такой ли степени буду я ее любить, чтобъ съ трудомъ могла пожелать разлучиться съ нею даже и въ будущемъ ея жребіи? О любви достойнѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ! Какъ могу я себя увѣрить, естли буду твоею супругою, чтобъ сильная страсть, пріятное обхожденіе и снисходительное благоугожденіе не повлекли меня за тобою? Я, которая нѣкогда почитала Иновѣрца самымъ худшимъ существомъ, я чувствую въ себѣ перемѣну по непреодолимому обольщенію, даже до того что начинаю имѣть въ твою пользу лучшее мнѣніе и о томъ что сперва проклинала. Какое же могутъ произвести дѣйствіе наставленія самаго умнѣйшаго священника, когда твои ласки твои нѣжныя увѣренія развратятъ совершенно преданное тебѣ сердце? Я знаю что надежда побѣдить тебя самаго подала бы мнѣ силу вступить съ тобою въ споръ: но не усматриваю ли я въ тебѣ дарованій мои превосходящихъ? И какоежъ было бы мое замѣшательство между чувствованіемъ моего долга и слабостію моего разсудка? Тогда священникъ безпрестанно будетъ о мнѣ беспокоишься. Мой полъ не любить тѣхъ подозрѣнія, коими онъ оскорбляется; они производятъ неудовольствіе и отвращеніе, а какъ твоя любовь и благодушіе все сіе превозмогутъ; то будетъ ли тогда моя погибель сумнительна?

„Но какоежъ зло сдѣлали мнѣ мой родитель, родительница и братья, чтобъ я пожелала, ихъ оставить и предпочесть моему отечеству такую землю, которую прежде я ненавидѣла за нѣсколько времени столькоже сколько и законъ ея? Даже и самая перемѣна, уничтожающая сію ненависть, не есть и вторымъ доказательствомъ моя слабости а твоего могущества? О любезнѣйшій человѣкъ! О ты, коего сердце мое обожаетъ, не тщись погубить меня своею любовію. Естли я соглашусь быть твоею супругою, то долгъ самый любезнѣйшій заставитъ меня предать забвенію то, чемъ я обязана Создателю и повергнетъ въ тѣ нещастія, кои не относились бы единственно къ настоящему времени; ибо мое развращеніе не воспрепятствуетъ въ нѣкое время навести мнѣ сумнѣній; а твои кратчайшія отсудствія сдѣлаютъ меня вдвое нещастною. Можно ли сохранить равнодушіе въ такомъ важномъ обстоятельстве? Не показалъ ли ты мнѣ самъ собою, что оно толикую же имѣетъ силу и надъ тобою? И твой примѣръ не служитъ ли мнѣ наставленіемъ? Несправедливый законъ возымѣетъ ли болѣе силы нежели истинный законъ Божій? О ты, любезнѣйшій изъ человѣковъ! не тщись меня погубить своею любовію.

„Но истинно ли то что ты меня любишь? Или обязана я твоимъ попеченіемъ единственно твоему великодушію, состраданію и твоему благородству касательно такой нещастной дѣвицы, которая желая столь же содѣлаться великою какъ ты, не могла перенести своего усилія? Богъ одинъ свидѣтель тѣмъ противоборствіямъ, коими я терзала мое сердце, и всему тому колико я старалась преодолѣть самое себя. Позволь,

великодушной человекъ, достигнуть мнѣ сей побѣды. Въ твоей власти состоитъ меня удержать, или сдѣлать меня свободною. Ты меня любишь, я въ томъ увѣрена, *Клементина* поставляетъ себѣ за славу даже и ту мысль что ты ее любишь. Но она тебя недостойна. Однако позволь своему сердцу признаться, что ты обожаешь ея душу, ея безсмертную душу, и будущее ея спокойствіе. Сего единого свидѣтельства требуетъ она отъ любви твоей, поелику она изтощила всѣ свои силы изъясняя тебѣ свою страсть. Ты имѣешь истинное величіе души: ты можешь сдѣлать то усиліе, коего она учинить не могла. Составь благополучіе какойнибудь другой женщинѣ! Но я не желаю чтобъ это была Италіанка. Если же должна быть оттуда, то пусть она будетъ не изъ Флоренціи, но изъ Болоніи.

„О *Кавалеръ Грандиссонъ!* Какъ представить намъ сіе писаніе, которое стоило мнѣ многихъ слезъ, и многого упражненія; которое перемѣняла, пересматривала, нѣсколько разъ переписывала, и паки переписывала на бѣло, въ томъ намѣреніи дабы заставить васъ прочесть оное? Я дѣйствительно сумнѣвалась произвести сіе въ дѣйство и не иначе то сдѣлала, какъ испыталъ свои силы въ особенномъ съ вами разговорѣ.

„Вы, родитель мой, родительница, братцы, любезный и благочестивый мой священникъ, вспомошествовали мнѣ великодушнымъ своимъ снисхожденіемъ возымѣть надъ самой собою нѣкую часть побѣды. Вы положились во всемъ на мое сужденіе. Вы сказали мнѣ, что я буду благополучна, если токмо могу оною быть по выбору моего сердца. Но не ясно ли я усматривала что обязана тѣмъ вашему благоугожденію? Престану ли я когданибудь приводишь себѣ на память причины, коими вы нѣсколько разъ опровергали союзъ съ благороднѣйшимъ изъ человекъ, основанныя на различіи закона и на той приверженности, кою онъ прилѣпленъ къ своему исповѣданію? Сіе воспоминаніе попуститъ ли мнѣ когда ни есть наслаждаться щастіемъ? Ахъ! любезная и почтенія достойная фамилія, позвольте мнѣ теперь принять приличное моему состоянію намѣреніе, то есть, заключить себя на вѣки въ монастырь. Да будетъ мнѣ позволено посвятить Всевышнему Создателю остатокъ моя жизни, въ коей уже болѣе не буду опасаться ни какихъ жестокостей, упражняясь всегда въ молитвѣ о васъ и о сохраненіи такого человекъ; которой до послѣдняго моего издыханія будетъ любезенъ душѣ моей! Но что значить сіе малое наслѣдство въ мірѣ, принадлежащее мнѣ по разположенію дѣдовъ моихъ? Что оно значить въ сравненіи вѣчнаго моего блаженства? Да будетъ мнѣ позволено отмстить симъ благороднымъ дѣяніемъ за жестокости *Даураны!* Я оставляю ей то имѣніе, кое презираю и отъ коего съ охотою удаляюсь къ благополучнѣйшему жребію. Вся моя фамилія не довольно ли богата и благородна? Какоежъ славнѣе сего быть можетъ намѣреніе къ моему мщенію?

„О ты обладатель моей души! позволь мнѣ испытать твою душу, и подвергнуть искушенію любовь твою твоими стараніями, дабы подкрѣпить и оправдать то рѣшеніе, которое всегда будетъ состоять въ твоей власти, какъ я въ томъ признаюсь, принудишь меня нарушить или исполнить оное. Единому Богу токмо извѣстно что, чего мнѣ стоили сіи противоборствія и чего они еще будутъ стоить. Но съ толь слабымъ здравіемъ и помраченнымъ умомъ, могу ли я ласкаться чтобъ жизнь моя еще продлилась? И не должна ли я стараться окончишь оную въ щастливѣйшемъ состояніи? Позволь мнѣ быть великою, *Кавалеръ мой!* Но съ какимъ пріятнымъ удовольствіемъ называю я тебя столь любезнымъ именемъ? Ты можешь все сдѣлать изъ несчастной *Клементины*.

„Но, о дражайшіе мои родители! что можемъ мы сдѣлать для изящнаго сего человѣка, коему мы чрезвычайно обязаны? Какимъ образомъ признать милость оказанную имъ двумъ вашимъ дѣтямъ? Его благодѣянія отягощаютъ великимъ бременемъ мое сердце. Впрочемъ кому неизвѣстно величество его души? Кому неизвѣстно что онъ поставляетъ себѣ совершенною наградою единое удовольствіе дѣлать добро? Честь человѣческаго роду, въ состояніи ли ты простить меня? Но я увѣрена что ты можешь сіе учинишь. Ты имѣешь одинакія со мною понятія о тщетности богатства сего мира и о вѣчномъ блаженствѣ будущей жизни. Какъ могла я представить себѣ, чтобъ отдавши тебѣ руку слабое, и изнуренное мое бытіе могло составить твое благополучіе? Еще повторяю, естли я имѣю бодрость и силу вручить тебѣ сіе письмо: то приведи меня въ состояніе великимъ своимъ примѣромъ благородно довершить мою побѣду: приведи меня къ тому чтобъ я воспользовалась великодушіемъ моей фамиліи. Но при всемъ томъ выборъ долженъ остаться въ твоей единой власти; ибо я не могу снести ниже единого помышленія быть неблагодарною къ такому человѣку, коему я обязана вторымъ бытіемъ моимъ: ты воленъ присоединить имя какое тебѣ угодно къ имени

Клементины.

Никогда удивленіе не простиралось до столь высочайшаго степени какъ мое. Я совершенно позабылъ чрезъ нѣсколько минутъ, что Ангель ожидалъ въ ближайшемъ отъ меня разстояніи слѣдствія моихъ разсужденій, и вошедши въ ту горницу гдѣ находилась *Камилла*, я бросился на софу, нимало не примѣтя сей женщины. Я уже не владѣлъ болѣе самимъ собою. Самое живѣйшее мое чувствованіе было удивленіе къ несравненнымъ качествамъ *Клементины*. Я хотѣлъ перечитать ея писаніе, но оно впечатлѣно уже было въ душѣ моей, и глаза мои ничего уже въ томъ не различали.

Она позвонила въ колокольчикъ. *Камилла* побѣжала. Я вострепеталъ отъ единого помышленія когда она появится предо мною. Я поднялся съ мѣста; но чувствуя въ себѣ сильный трепеть принуждѣнъ былъ опять сѣсть. Возвращеніе *Камиллы* вывело меня изъ такого иступленія. Весьма вѣроятно что во всю свою жизнь я не имѣлъ еще толикаго о самомъ себѣ забвенія. Дѣвица столь превышающая весь свой полъ, и равно все мною читанное и о нашемъ! О Г. мой! сказала мнѣ *Камилла*, госпожа моя страшится вашего гнѣва. Она опасается васъ видѣть; однако весьма того желаетъ. Поспѣшите; она лишается чувствъ. Сколь она васъ любитъ! *Камилла* ведучи меня говорила мнѣ сіи рѣчи, и я вспомнилъ оныя сего вечера: ибо всѣ мои способности тогда устремлялись ко внимательному слушанію оныхъ.

Я пришелъ. Бесподобная *Клементина* шла мнѣ на встрѣчу тихими стопами, и сказала мнѣ потупя свои очи: Простите меня, Г. мой, простите, если не желаете чтобъ я умерла съ печали оскорбивши васъ. Она столь показалась мнѣ слабою, что я протянулъ мои руки стараясь поддержать ее: Васъ простить, *Сударыня*: неподражаемая дѣвица! составляя славу своего пола, можете ли вы сами простить меня за ту дерзость, что простеръ мою надежду даже до васъ? Силы ея совершенно ее оставили, она упала въ мои объятія. *Камилла* держала передъ нею соль, а я находясь подлѣ ея столь близко возчувствовалъ также пользу оной, имѣя и самъ нужду въ равной помощи. Прощена ли я? спросила она меня, приходя нѣсколько въ чувствіе; скажите что я прощена. Прощена ли, *Сударыня*? Ахъ! Вы ничего не дѣлали такого, чтобы имѣло нужду въ прощеніи. Я обожаю величество вашей души. Явите свою власть надо мною, а я почту за первое мое благополучіе слѣдовать оной.

Я подвелъ ее къ стулу; и безъ всякаго размышленія сталъ передъ нею на колѣни: держа обѣ ея руки я пребылъ въ семъ положеніи, смотря на нее съ такими очами, кои не изобразили бы движеніе моего сердца, еслибъ не выдали нѣжностію и уваженіемъ. При семъ *Камилла* побѣжала къ *Маркизъ*, дабы увѣдомить ее о семъ странномъ явленіи. *Маркизъ*, *Прелатъ*, *Графъ* и отецъ *Марескотти*, кои ожидали успѣха моего посѣщенія, весьма удивились услышавши сіе: но они совершенно не воображали себѣ о настоящей тому причинѣ. *Маркиза* поторопясь придти съ *Камиллою* застала меня въ томъ же положеніи, то есть, на колѣнахъ держа обѣ руки ея дочери. Любезной *Грандиссонъ*, сказала она мнѣ, умѣрьте восхищеніе своя признательности, единственно для здравія моя дочери. Будучи столь чувствительна какъ она, я усматриваю въ глазахъ ея что весьма опасно... Я всталъ, покинулъ руки ея дочери и взявъ ея руку отвѣчалъ прервавши ея рѣчь: о *Сударыня*? прославляйте дочь вашу. Бы ея любили, вы ей удивлялись; но теперь поставьте ее вашею славою. Это Ангель! позвольте, *Сударыня*, сказалъ я *Клементинъ* вручить сію бумагу *Маркизъ*; и не ожидая ея согласія подалъ оную ея

матери: Прочтите ее, Сударыня: дайте ее прочесть *Маркизу, Прелату*, отцу *Марескотти*; но пожалѣйте о мнѣ и увѣдомьте меня потомъ, что я долженъ говорить и что дѣлать. Я предаю себя въ вашу власть, во власть вашей фамиліи, и въ вашу, любезная *Клементина*.

И такъ вы меня прощаете, *Кавалеръ*! съ симъ увѣреніемъ я обѣщаюсь вамъ быть спокойнѣе. Всевышняя благодать да усовершитъ мое выздоровленіе. Моя власть, *Кавалеръ*, состоитъ въ томъ, чтобъ вы любили мою душу, поелику главнымъ предметомъ любви моя всегда была ваша душа.

Ея мать держала бумагу и не смѣя развернуть оной спросила ее, чтоже содержитъ она столь важнаго.... Простите меня, Сударыня, отвѣчала *Клементина*, что я не сообщила вамъ ее прежде всѣхъ. Какже бы могла я то сдѣлать, когда еще сама не знала, буду ли я имѣть столько силы чтобъ въ томъ увѣришься, или выпустить ее изъ рукъ моихъ? Но теперь [положа свою руку мнѣ на плечо] оставьте меня на нѣсколько минутъ, *Кавалеръ*. Я чувствую въ головѣ своей нѣкую слабость. Сударыня, пожалуйте простите мнѣ это. Мы вышли оставя ее съ *Камиллою*, и слышали испускаемые ею тяжкіе вздохи.

Маркиза идучи сказала мнѣ: Я ничего изъ етаго не понимаю. Вы также не желаете изъясниться? Чтожъ содержитъ сія бумага?

Я не въ состояніи былъ отвѣчать ей. Выходяже въ переднюю, изъ которой былъ входъ въ ея горницу, я поцѣловалъ ея руку и пошелъ по лѣницѣ въ садъ, гдѣ ласкался что чистой воздухъ вспомошествоуетъ мнѣ собрать разсѣянные свои мысли.

Я не долго тамъ пробылъ какъ *Г. Ловтеръ* пришелъ ко мнѣ. Господинъ *Иеронимъ*, сказалъ онъ мнѣ, прочитавши данную ему бумагу съ великою нетерпѣливостію желаетъ съ вами говорить.

Я нашелъ *Иеронима* сидящаго въ креслахъ. Какъ скоро онъ увидѣлъ меня; то примѣтя во мнѣ задумчивый видъ, отъ коего я еще не могъ оправиться сказалъ мнѣ: о любезной *Грандиссонъ*! сколько сердце мое о васъ беспокоится! Я не могу снести, чтобъ челоуѣкъ вашего свойства подвержень былъ дерзости такой дѣвицы, коей разумъ....

Удержитесь, любезной мой *Иеронимъ*. Не дозвольте качеству друга предать забвенію качество брата. *Клементина* составляетъ честь своего пола. Правда я не ожидалъ сего удара: но я уважаю столь великую душу. Читали ли вы писанное ею?

Читалъ и не могу выдти изъ удивленія.

Въ сіе время вошли къ намъ *Маркизь, Графъ, Прелатъ* и отецъ *Марескотти*. *Прелатъ* принялъ меня въ свои объятія. Потомъ клялся мнѣ именемъ всей фамиліи, что никто не имѣлъ даже и малѣйшаго понятія о намѣреніяхъ сестры его: всѣ, присовокупилъ онъ, на противъ того ожидали что она съ восхищеніемъ приметъ ваши представленія. Но сіе не помѣшаетъ ей быть вашею женою, *Кавалеръ*. Мы обязались вамъ

честію. Въ семь случаѣ видна единая и худо понятая излишняя разборчивость, которая происходитъ отъ разгоряченнаго ея воображенія. Не смотря на то она отдаетъ на вашу волю дать ей имя какое вамъ заблагоразсудится.

Ахъ, Г. мой! отвѣчалъ я, вы не выразумѣли силы ея доказательствъ. Они должны быть весьма важны для такой молодой особы, коей законъ, фамилія и отечество толико любезны. Впрочемъ. Г. мой, располагайте мною. А какъ *Маркиза* показала въ ту самую минуту, то я сказалъ ей: Сдѣлайте милость, *Сударыня*, предпишите мнѣ, что я долженъ дѣлать. Я совершенно предаюсь въ вашу волю. Позвольте мнѣ выдти. Вы посовѣтуетесь и увѣдомите меня какъ расположите мною.

Я вышелъ и возвратился въ садъ.

Камилла пришла ко мнѣ. О Г. мой! какія чудныя происшествія! госпожа моя приняла такое намѣреніе, коего она никогда не будетъ въ состояніи исполнить. Она приказала мнѣ наблюдать ваши взоры, поступки и нравъ вашъ. Она не можетъ жить, сказала она, естли вы хотя нѣсколько еще сердитесь. Я вижу что вы въ великомъ смущеніи: не ужели должна я ей отдать въ точности надлежащей во всемъ отчетъ?

Увѣрьте ее, любезная *Камилла*, что я совершенно ей: преданъ; что ея спокойствіе гораздо для меня драгоцѣннѣе нежели собственная моя жизнь, что я не способенъ къ гнѣву и что удивляюсь ей болѣе нежели могу выразить.

Какъ скоро *Камилла* оставила меня, то я увидѣлъ идущаго ко мнѣ отца *Марескотти*, которой просилъ меня къ фамиліи ожидающей въ горницѣ у *Иеронима*. Мы возвратились, туда вмѣстѣ. Сей честный духовникъ сказалъ мнѣ идучи, что единому Богу извѣстно что полезно для людей; чтожъ касается до него въ столь чрезвычайномъ случаѣ, то онъ только удивляется ей и обожаетъ ее въ молчаніи.

А какъ всѣ сѣли по мѣстамъ, то *Прелатъ* говорилъ мнѣ слѣдующія слова: любезной мой *Кавалеръ*, мы объявляемъ всѣ, что вы имѣете совершенныя права на нашу благодарность. Рѣшено, чтобъ моя сестрица была вашею супругою. Мы всѣ вообще сего желаемъ. Матушка моя беретъ на себя трудъ поговорить ей о васъ.

Я чувствую всю великость таковой милости.

Но естли *Клементина* будетъ непоколебима чтожъ могу я сказать, когда она меня заклинала подкрѣпить ее въ ея рѣшеніи и не привести въ необходимость воспользоваться великодушіемъ ея фамиліи?

Не сумнѣвайтесь, *Кавалеръ*, возразилъ *Прелатъ*, чтобъ она не склонилась на сіе съ радостію.

Она, васъ любитъ. Не признается ли она въ своемъ письмѣ, „что въ вашей власти состоитъ заставить ее нарушить или исполнить ея рѣшеніе, и присоединить къ ея имени такое какое вы пожелаете?“, Мы вообще увѣрены, что она не выдержитъ своего предпріятія. Вы видите что она

прибѣгаетъ къ вашей помощи. Словомъ, позвольте мнѣ прежде всѣхъ облобызать васъ подѣ именемъ брата.

При семь онъ взялъ мою руку я оказалъ мнѣ честь поцѣловать меня. Нѣтъ ничего толь благороднаго, сказалъ я ему. Я совершенно на васъ полагаюсь. *Иеронимъ* обнялъ меня съ горячностію подѣ тѣмъ же именемъ. *Маркизь* и *Графъ* попеременно брали меня за руку, а *Маркиза* подала мнѣ свою, и я, поцѣловаль оную. По томъ я прямо возвратился на свою квартиру съ сердцемъ, о любезный *Докторъ!* толико пронзеннымъ отъ столь странной и совершенно непредвиденной перемѣны, что не могу того и выразить.

ПИСЬМО LXXIX.

Кавалеръ Грандиссонъ къ тому же.

Въ Понѣльникъ 10 и 21 Іюля.

Я не говорю ни слова о томъ спокойствіи, въ коемъ препроводилъ прошедшую ночь. Я едва могъ заснуть съ часъ въ креслахъ. По утру я послалъ съ запискою спросить съ нѣжнѣйшимъ безпокойствіемъ о здоровьѣ всей фамиліи, а особливо *Клементины* и *Иеронима*. Я извѣстился что *Клементина* весьма худо проводила ночь: что заблагоразсудили не безпокоить ее во весь день, по крайней мѣрѣ естли она не изъявить сильнаго желанія меня видѣть; но тогда обѣщались они меия увѣдомить.

Я былъ въ весьма худомъ состояніи. Однако съ трудомъ могъ удержаться чтобъ не пойти по крайней мѣрѣ къ *Иерониму*; и конечно бы на то рѣшился, естлибъ худое мое состояніе меня къ тому допустило. Мнѣ казалось что конечно бы почли за притворство, когда бы я показался въ такомъ состояніи, и могли бы подозрѣвать, что я желаю тѣмъ возбудить сожалѣніе, но мое свойство не имѣетъ такой подлости. Впрочемъ я ласкался что будутъ меня сами приглашать. И такъ не слыша ни о чемъ даже до полудня, я возобновилъ мои освѣдомленія запискою; и получилъ въ отвѣтъ одну только строку отъ *Иеронима*, въ коей онъ оказывалъ надежду видѣться со мною завтра.

Такимъ образомъ я не лучше препроводилъ и сію ночь. Нетерпѣливость моя принудила меня пойти гораздо ранѣе обыкновеннаго въ палаты *делла Порреты*.

Иеронимъ принялъ меня съ великою радостію. „Онъ ласкался, сказалъ онъ мнѣ, что я конечно не почель за худой знакъ то забвеніе, въ коемъ меня оставили прошедшаго дня; оно произошло отъ нѣкоего намѣренія: но дабы говоришь съ искренностію, то думали какъ для его сестрицы такъ и для меня, что одинъ день успокоенія будетъ не бесполезенъ; а особливо для его сестрицы, коей не мало имѣли труда дать выразумѣть тому причину. Мнѣ сказали, продолжалъ онъ, что она

требуетъ васъ сего дня съ гораздо большею нетерпѣливостію. Она почитаетъ васъ сердитымъ. Она думала что вы болѣе не желаете ее видѣть. Едва лишь вы отъ насъ вышли въ субботу въ вечеру какъ она приказала *Камилль* просить васъ къ себѣ. Чтожъ касается до меня, присовокупилъ онъ, то я до такой степени разгорячаюся за чрезвычайное намѣреніе усматриваемое мною въ ея воображеніи, что иногда не чувствую моей боли.,,

Потомъ онъ меня спросилъ, могу ли я простить за сіе его сестрицу; и жалуясь на сей полъ, изъяснялся, что женщина не знаетъ и сама чего желаетъ, когда находитъ препятствія своимъ стремленіямъ. Но сіе не помѣшаетъ ей быть вашею супругою, любезной *Грандиссонъ*, сказалъ онъ мнѣ; и если Богу будетъ угодно даровать ей совершенное здравіе, то вы щастливо за то вознаграждены будете.

Прелатъ и отецъ *Марескотти* пришли тогда къ *Иерониму*. *Маркизь* и *Графъ* вошли послѣ ихъ, а *Маркиза* слѣдовала за нами. *Клементина*, сказала она мнѣ, столь мало была спокойна въ субботу въ вечеру, освѣдомясь что вы ушли не простившись съ нею, и будучи во весь вчерашней день въ такомъ же разположеніи, что я не разсудила заблаго начинать съ нею говорить о начатомъ важномъ дѣлѣ. Но я весьма рада что васъ увидѣла.

Въ ту самую минуту стукнулъ кто то у дверей. Войди сюда, *Камилла*, сказала *Маркиза*. Это не *Камилла*, но я, отвѣчала *Клементина*, отворя сама двери и подходя къ собранію. Мнѣ сказали что *Кавалеръ*... но я ево вижу. Позвольте мнѣ, Г. мой, съ минуту поговорить съ вами [идучи къ окну находящемуся при концѣ покоя.]

Я за нею слѣдовалъ. Ея глаза омочены были слезами. Она быстро на меня посмотрѣла; потомъ отворотилась назадъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Я взялъ ее за руку: отъ чего происходитъ сіе движеніе, *Сударыня*? Я ласкаюсь что не причинилъ вамъ оскорбленія.

О *Кавалеръ*! я не могу перенести презрѣнія, наипаче отъ васъ; хотя можетъ быть я оно и заслужила. Ваше презрѣніе будетъ укорять меня въ неблагодарности; а сего-то сердце мое перенести не можетъ.

Презрѣнія. *Сударыня*! отъ меня, которой почитаетъ васъ за первую въ свѣтѣ особу! по истиннѣ, вы исполнили сердце мое горестію: Но даже самая причина сея горести умножаетъ мое къ вамъ удивленіе.

Не говорите мнѣ сихъ нѣжныхъ словъ. Ваше великодушіе составляетъ мое мученіе. Я почитаю за нужное, что вы должны на меня сердиться, что вы должны поступать со мною худо; иначе могли я ласкаться выполнить свое намѣреніе.

Ваше намѣреніе *Сударыня* ? ваше намѣреніе.

Такъ, Г. мой, мое рѣшительное намѣреніе. Не ужели оно васъ опечаливаетъ?

Можетъ ли оно меня не опечаливать? Что подумали бы вы....

Молчите, любезной *Кавалеръ*. Я опасуюсь когда оно васъ опечаливаетъ: Но перестанемъ о томъ говорить. Я никогда себѣ не прощу, естли васъ опечалю.

Когда вся ваша фамилія удостоиваетъ меня своимъ согласіемъ, Сударыня...

Ето, Г. мой изъ сожалѣнія ко мнѣ.

Любезная моя дочь, сказалъ ей *Маркизь* подошедши къ намъ, таковая то была сперва наша причина; но теперь союзъ съ *Кавалеромъ*, дабы отдать справедливость его достоинству, произошелъ отъ нашего выбора.

Я поблагодарилъ сего великодушнаго господина, изъявленіемъ глубочайшаго почтенія. Въ ту самую минуту *Клементина* пала на колѣни передъ отцемъ своимъ: она взявши его руку поцѣловала оную; и прося у него прощенія за причиненное ею фамиліи смущеніе, обѣщалась ему до послѣдней минуты своей жизни быть столь же покорною сколь и благодарною. Все собраніе почло сіе дѣяніе за такую перемѣну, которая произвела въ нихъ самую лестную надежду, *Маркиза* поднявши съ нѣжностію свою дочь отошла съ нею на нѣсколько шаговъ. И хотя онѣ хотѣли говорить тихо, но мы слышали ихъ разговоры.

Вчера съ, любезная дочь, ты находилась въ томъ состояніи, которое не позволяло съ тобой разговаривать; а не то я увѣдомилабы тебя, съ какою горячностію желаемъ мы всѣ союза съ *Кавалеромъ Грандиссономъ*. Мы не находимъ инаго средства возблагодарить его.

Позвольте мнѣ, Сударыня, изъяснить вамъ истинныя мои чувствованія. Естлибъ я увѣрена была что составлю благополучіе *Кавалера*; естлибъ я не почитала предлагаемый вами союзъ болѣе для него наказаніемъ нежели наградой; естлибъ я находила въ томъ собственное мое благополучіе, не усматривая опасности для моего спасенія; на конецъ, естлибъ я могла ласкаться что оной составитъ также ваше благополучіе и моего родителя: то покрайней мѣрѣ сія надежда склонила бы меня принять ваше предложеніе. Но я чувствую, Сударыня, что десница Божія на мнѣ отяготѣла. Разсужденіе мое еще не таково, каково бы должно быть. Прежде нежели я совершенно утвердилась въ моемъ рѣшеніи, я разсуждала о своемъ, по крайней мѣрѣ столько сколько слабой разсудокъ мнѣ позволялъ. Я поставила себя на мѣстѣ другаго, которой находясь въ разныхъ обстоятельствахъ конечно принялъ бы мой совѣтъ. Союзъ съ *Кавалеромъ* казался мнѣ невозможнымъ: поелику нѣтъ никакого виду чтобъ онъ когда нибудь согласовался со мною касательно самой важной статьи. Я прибѣгала ко Всевышней помощи: поелику сама себѣ не довѣрялась; я многократно перемѣняла мною написанное: но все уже то, что было начертано перомъ моимъ, представлялось мнѣ къ тому же заключенію. И хотя ничто толико не было противно собственнымъ моимъ желаніямъ, но я

приняла сію твердость мыслей за отвѣтъ небесной на мое моленіе. Однако я еще сумнѣвалась о себѣ. Но я не желала совѣтоваться съ вами, Сударыня, поелику вы приняли бы сторону *Кавалера*: а я страшилась столь худо соответствовать внушенію Божію, коимъ рѣшилась управлять собою. Я скрывала свои противуборствія даже отъ самой *Камиллы*, которая не отходила отъ меня ни на минуту. Я паки начинала просить отъ Всевышняго сожалѣнія къ несчастной дѣвицѣ приверженной сердцемъ къ своему долгу но смущенной въ своихъ дѣйствіяхъ мыслями. Тогда свѣтъ просвѣтилъ мой разумъ. Я переписала всѣ свои мысли. Впрочемъ я не вдругъ рѣшилась сообщить ихъ *Кавалеру*. Я еще не довѣрялась моему сердцу и сумнѣвалась буду ли имѣть силу отдать ему мною писанное. На конецъ совершенно на то рѣшилась. Но когда онъ показался, то бодрость моя исчезла. Онъ долженствовалъ замѣтить чрезвычайное мое прискорбіе. Я увѣрена что возбудила въ немъ сожалѣніе. Если я могу токмо вручить ему мною написанное, сказала я про себя, то затрудненія всѣ исчезнутъ: Я увѣрена почти, что видя мои сумнѣнія и правость намѣреній, онъ будетъ имѣть великодушіе помогать самъ моимъ усиліямъ. Я вручила ему свое письмо. Теперь, Сударыня, я совершенно уже увѣрена, что еслии могу устоять въ томъ что прилично, и избавиться отъ укоризны въ неблагодарности; то буду имѣть мысли гораздо спокойнѣе. Любезной и великодушной *Грандиссонъ* [обратясь ко мнѣ], прочтите еще мою бумагу: Тогда еслии вы не пожелаете или не можете оставить меня свободною, я покорюсь моей фамиліи и употреблю все мое усиліе къ составленію вашего благополучія. При окончаніи сего она возвела руки и глаза къ небу: великій Боже! присовокупила она, Тебя благодарю я за просвѣщеніе моего разума, коего дѣйствіе съ сей минуты въ себѣ ощущаю.

Какое бы мнѣніе толь благородной восторгъ ни произвелъ въ другихъ о ясности ея мыслей, но я усматривалъ въ ней сильное движеніе и ея взоры принудили меня страшиться какого нибудь припадка. Противоборствіе ея разума и любви не преминуло причинить въ ней нѣкоего безпорядка. Я подошелъ къ ней. Безподобная *Клементина*. Сказалъ я ей съ восхищеніемъ, будьте свободны! будьте для меня все то, чѣмъ вы быть желаете. Еслии я увижу васъ благополучною, то всячески постараюсь, еслии возможно сдѣлаться таковымъ же.

Любезной *Грандиссонъ*, сказалъ мнѣ *Прелатъ* взявши меня за руку, колико я вамъ удивляюсь! Изъ какого источника проистекаетъ къ вамъ сіе удивительное величіе души?

Ахъ, Боже мой! Какъ же толь великой прмѣръ не внушилъ бы мнѣ соревнованія? Я не предполагалъ ни малѣйшей пользы въ тѣхъ намѣреніяхъ, кои привели меня въ Италію. Я почиталъ себя обязаннымъ прежними условіями; но въ моихъ мысляхъ *Клементина* и ея фамилія всегда были свободны. А я возымѣлъ надежду въ то время, когда оказали

мнѣ честь одобря оную; теперь же я вступаю хотя съ чрезвычайнымъ сожалѣніемъ въ прежнее мое состояніе. Если *Клементина* твердо будетъ настоять въ своихъ мысляхъ, то я употреблю всѣ мои усилія тому повиноваться. Если же ея разположенія переменятся: то всегда буду готовъ принять ея руку, какъ самое величайшее благополучіе, къ коему я могу стремиться.

Маркиза взявши вдругъ руку своея дочери и мою со слезами просила Небо о изстребленіи затрудненія, дабы соединишь два сердца толикое сходство между собою имѣющія. Не удерживайте меня, маминька, сказала ей *Клементина*, выдергивая съ великою торопливостію свою руку. Позвольте мнѣ удалиться въ свою горницу, дабы упробить тамъ Всевышняго укрѣпить мои силы. По претерпѣніи толикаго нещастія сколько стоило мнѣ получить оное! Прощайте *Кавалеръ*; я хочу молить Бога за васъ равно какъ и за себя.

Ангель вышла, Она встрѣтилась съ горничною своею. Любезная *Камилла*! сказала она ей, отъ какой опасности я освободилась? Моя рука и *Кавалерова* были болѣе минуты соединены въ рукѣ моей матушки! Чтожъ бы значило мое рѣшеніе? Ибо моя матушка могла бы ихъ соединить и я была бы уже *Кавалерова*.

Иеронимъ, хотя пребывалъ въ молчаніи, но слезы появились на глазахъ его: онъ былъ свидѣтелемъ сего явленія между его сестрицею и мною. Онъ прижималъ меня въ своихъ объятіяхъ. Любезной изъ всѣхъ человѣковъ! ахъ! можете ли вы съ терпѣливостію ожидать рѣшенія своенравной но любезной дѣвды?

Я могу и обязуюсь тѣмъ.

Я поговорю ей самъ, сказалъ онъ, и весьма ласкаюсь успѣть въ ономъ зная ея ко мнѣ нѣжность.

Дѣйствительно такъ; мы поговоримъ ей всѣ, сказалъ *Маркизь*.

Не должно принуждать, сказалъ *Графъ*, единственно по той опасности чтобъ ея раскаяніе не весьма поздно произошло.

Но мнѣ кажется, сказалъ отецъ *Марескотти*, что *Кавалеръ* не долженъ желать самъ, чтобъ ея весьма къ тому понуждали. Она страшится касательно своего спасенія. Столь сильная причина требуетъ великой предосторожности къ ея убѣжденію. Впрочемъ я сумнѣваюсь, чтобъ она устояла въ своемъ рѣшеніи. Если же она по своему мужеству выдержать сіе усиліе; то достойна будетъ обожанія.

Ея отецъ хотѣлъ перечитать то письмо, кое уже приводило его въ удивленіе. Оно было у меня въ карманѣ. *Иеронимъ* противился сему предложенію; но *Прелатъ* одобрилъ оное, и такъ письмо было перечитано. Всѣ казалось толико же были тѣмъ тронуты, какъ и въ первой разъ Впрочемъ вообще сумнѣвались, чтобъ она могла устоять твердо въ своихъ мысляхъ, и меня тѣмъ поздравляли.

Но если слава присоединится к ее побудительным причинам и если их прозбы не будут употреблены с необычайною ревностью в мою пользу, то я уверен что с таким величием души она получит над собою совершенную победу? Вы знаете лучше меня, любезной *Докторъ*, что истинное благочестие возьмет верх над всеми временными выгодами. Впрочем отец *Марескотти* не возобновит ли своего влияния над таким разумом, коим он привык управлять? Не долгие ли его стараться о том с равною ревностью, какую имать и к своему закону? И *Прелатъ*, которой не меньше прилеплен к оному, не будет ли вспомоществовать священнику?

Но сколь ни трудны искушения, любезной друг, для сердца поверженного в сию неизвестность; однако не могут ли они отратить нас от тщеславия всех человеческих чаяний? Единому Богу известно, заслуживает ли успех наших желаний награды или наказания: но я знаю, что если *Клементина* отдавши мне сердце и руку найдет в сомнениях своих касательно закона, хотя некое препятствие жить со мною благополучно, то я почел бы себя необычайно презрительным, наипаче если бы я споспешествовал принуждать ее в мою пользу противу ее совести.

Того же дня.

Разстроенные мои мысли принудили меня оставить перо. Но до моего выхода мы рассуждали долгое время об обстоятельствах: они судили все как я уже вам сказал, что она не устоит в своем решении. Мнение *Маркиза* и *Маркизы* состояло в том дабы совершенно оставить ее на произвол самой себя. *Графъ* предложил оставить ее в ее кабинет с тем чтоб никто не опровергал и не одобрял ее намерений. *Иеронимъ* желал, чтоб прежде сего исполнения позволено было ему переговорить наедине с своею сестрицею.

Меня спросили, что я о том думаю: Я отвечал, что многие места сего письма были такого рода что принуждают меня согласиться на все что мне ни предложат, но если бы я приметил в моих с нею разговорах, что она желает отменить свое решение, и что нужно единое токмо ободрение, дабы согласиться на мое желание, в таком случае мне должно дать, для собственной моей чести в качестве мужчины, и относительно к ее разборчивости в качестве женщины, свободу изъявить привязанность каким ни есть изъяснением, кое предупредить ее, также и прозбами приличными моему полу.

Маркиза наклонилась ко мне с улыбкою изъявляющею признательность и одобрение. Отец *Марескотти* казалось запытался, как будто бы готовился сделать некое возражение; но *Маркизь* не дал ему сказать ни слова, говоря что можно положиться на мою честность и

разборчивость. Я также о томъ думаю, сказала *Графъ*; всѣмъ извѣстнo что *Кавалеръ* имѣеть способность поставить себя на мѣсто другаго, и забыть свои пользы, когда дѣло идетъ о предпріятіи благороднаго намѣренія. Дѣйствительно справедливо, подхватилъ *Иерднимъ*; но дадимъ ему знать, что онъ не одинъ въ свѣтѣ, которой мыслить съ таковымъ благородствомъ. *Прелатъ* поспѣшно отвѣтствовалъ: позвольте, любезной *Иеронимъ*; но вспомните что законъ есть главное надъ всѣми другими участіе. Моя сестрица слѣдовавшая всегда примѣру *Кавалера* должна ли быть не ободряема въ столь благородномъ усилии? Я согласенъ на то предложеніе, кое сравниваетъ всѣ обстоятельства.

Чтожь касается до меня, естли благородный ея восторгъ будетъ неослабно оказывать что ея рѣшеніе происходитъ отъ воли Божіей, и что она обязана тѣмъ своимъ моленіямъ, то я употреблю всѣ свои силы изъяснить ей, хотябы мнѣ оно много стоило и даже противъ моего желанія что я въ состояніи соотвѣтствовать тому мнѣнію, кое онъ имѣеть о мнѣ когда требуетъ моей, помощи для подкрѣпленія ея усилія.

Послѣ сего они уговорили меня остаться съ ними отобѣдать; *Клементина* извинилась что не можетъ быть съ нами за столомъ; но приказала просить меня чтобъ я не уходилъ не издавшись съ нею.

Я пошелъ въ ея горницу съ *Камиллою*. Она была вся въ слезахъ. Она опасалась, сказала она мнѣ, что я съ трудомъ могу ее простить, но почитала себя увѣренной, что я оказалъ бы ей сіе великодушіе, естлибъ могъ узнать тѣ противоборствія, кои производятъ въ ея сердцѣ. Я всячески старался возстановить спокойствіе въ ея мысляхъ; я увѣрялъ ее что буду поступать по ея желаніямъ; что ея письмо будетъ моимъ путеводителемъ а ея совѣсть правиломъ моихъ желаній. Но находясь въ движеніяхъ, коихъ нѣкоторую часть я примѣтилъ не смотря на усиліе съ коимъ она старалась скрыть оныя, она просила меня наконецъ ее оставить, принудя меня сперва обѣцаться видѣться съ нею въ слѣдующей день. Ея взоры, кои начинали заблуждаться, принудили меня тотчасъ выдти, дабы скрыть собственное мое движеніе. Но вышедши съ такою поспѣшностію, я весьма удивился увидя отца *Марескотти* подслушивающаго [поелику примѣтилъ сіе я ясно изъ его смущенія, и равно изъ нѣкоторыхъ извиненій, кои онъ мнѣ приносилъ запинаясь,] наши разговоры съ духовною его дочерью. Сколь жалко что неудобопонятная ревность могла сдѣлать честнаго человѣка способнымъ къ такой подлости!

Оставимъ сіе извиненіе, любезный мои отецъ, сказалъ я ему съ пріятнѣйшимъ и учтивѣйшимъ видомъ. Естли вы сумнѣвались о моей лести; то я почитаю себя вамъ обязаннымъ за вашъ способъ, дабы меня въ томъ испытать. Онъ многократно просилъ у меня прощенія, признаваясь мнѣ при томъ, что онъ почиталъ невозможнымъ, чтобъ молодой человѣкъ, о любви коего ни мало не сумнѣвались къ самой

любви достойнѣйшей дѣвицѣ въ свѣтѣ, удержался въ предписанныхъ ему предѣлахъ, и не употребилъ бы въ свою пользу той власти которую онъ имѣеть [поелику всѣмъ то извѣстно] надъ ея склонностями. Я пошелъ съ нимъ къ *Иерониму*: увѣривши его сперва что сіе мало значущее приключеніе предано уже забвенію, и что мое къ нему почтеніе ни мало отъ того не уменьшилось. Коликократно, любезной *Докторъ*, не испыталь уже я непреодолимой ненависти отъ того человѣка коего прощаль въ подлости? Но такой нимало не ожидалъ я отъ отца *Марескотти*. Онъ способенъ къ великодушному признанію. Онъ едва осмѣливался взирать на меня во все то время, кое я препроводилъ съ нимъ.

И такъ возвратясь на мою квартиру я засталъ у себя *Графа Бельведере*, которой дожидался меня уже болѣе часа. Мои люди сказали ему когда онъ пришелъ, что о моемъ возвращеніи не извѣстны; но онъ объявилъ, что рѣшился со мною видѣться, какъ бы я поздно ни возвратился. Его же собственной человѣкъ просилъ меня стараться о моей безопасности, увѣдомляя меня, что послѣ оказаннаго мнѣ имъ посѣщенія онъ не былъ ни на единую минуту спокоенъ; что онъ многократно повторялъ, что жизнь для него тягостна, и что выходя изъ своею дому онъ взялъ съ собою два пистолета. Не опасайся ничего, сказалъ я сему человѣку. Твой господинъ человѣкъ весьма честной. Ни за что въ свѣтѣ я не пожелаю причинишь ему нималѣйшаго зла и ласкаюсь что не получу также сего и отъ него.

Я пошелъ къ нему съ поспѣшностію. Ето вы, Г. мой? Для чегожъ не увѣдомили меня [взявши съ нѣжностію его за обѣ руки], что намѣрены были оказать мнѣ сію честь или покрайней мѣрѣ, для чего не приказали мнѣ сказать, что вы находитесь здѣсь?

Вамъ приказать сказать... Лишить васъ удовольствія разтаться съ *Клементиною*? Нѣтъ, я сего не желалъ; [находясь въ задумчивости] но увѣдомьте меня на чемъ вы рѣшились. Моя душа горитъ нетерпѣливостію знать оное. Отвѣчайте мнѣ такъ какъ долгъ требуетъ отъ честнаго человѣка.

Ничего не рѣшено, Г. мой. Да и не лзя рѣшить прежде, пока совершенно не будутъ извѣстны о намѣреніяхъ *Клементины*.

Не ужели нѣтъ другаго препятствія...

Но и сіе препятствіе не весьма легко. Я васъ увѣряю, что *Клементина* знаетъ то чего она стоитъ. Она полагаетъ справедливую цѣну руки своея. Когда и въ самыхъ величайшихъ ея изступленіяхъ она всегда сохраняла живѣйшее чувствованіе сей разборчивости отличающей честную женщину; но теперь усматриваютъ оную въ ея рѣчахъ и въ дѣяніяхъ еще яснѣе. Она оказываетъ тѣмъ болѣе затрудненій, что ея фамилія никакого не дѣлаетъ препятствія. Она ничего опрометчиво не дѣлаетъ; и естли вы можете изъ того получить какую ниестъ пользу для своего успокоенія:

ибо я усматриваю въ васъ безпокойство, то увѣдомлю о всемъ могущемъ случиться.

И такъ вы меня увѣряете, что еще ничего нерѣшено. И общаетесь меня увѣдомить о всемъ могущемъ послѣдовать?

Объщаюсь.

Даєте ли честное свое слово?

Даю честное слово.

Очень хорошо, и такъ остается мнѣ еще прожить нѣсколько дней въ сей несчастной жизни. .

Г. мой... что значать сіи слова?

Вотъ что они значать, [выдергивая свои руки изъ моихъ и вынимая два пистолета изъ своего кармана.] Я пришелъ въ твердомъ намѣреніи дать вамъ на выборъ одинъ изъ сихъ оружій, естли уже дѣло рѣшено, поелику я имѣлъ причину того страшиться. Я не разбойникъ и никогда не случалось мнѣ употреблять оное. Я ни мало и непомышлялъ похитить у *Клементины* избраннаго ею супруга. Но единое мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ та рука, которая должна соединяться съ ея рукою, избавила меня отъ несносной жизни. Хотя она отреклась быть моею супругою, но я не хочу и не могу жить видя ея во власти другаго.

До какой степени предаете вы себя забвенію, Г. мой! Но я вижу ясно, что вы находитесь въ смущеніи. Иначе *Графъ Бельведере* никогда не произнесъ бы сихъ словъ.

Мнѣ совершенно было невозможно, любезной мой *Докторъ*, хотя нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности чтобъ *Клементина* перемѣнила свое рѣшеніе, не увѣдомить *Графа* о точномъ нашемъ состояніи, поелику надежда кою бы онъ отъ того возымѣлъ, единственно увеличила его отчаяніе, естлибъ успѣхъ не соотвѣтствовалъ его желанію. Я весьма былъ доволенъ разсуждая съ нимъ о странныхъ ея намѣреніяхъ, и возобновляя ему свое обѣщаніе. Онъ столько былъ спокоенъ разтаваясь со мною, что благодарилъ меня за мои извѣстія. Его человекъ равно и мои люди казались весьма удивлены видя насъ идущихъ въ хорошемъ разположеніи, и даже дружески. Я позабылъ было вамъ сказать, что проходя переднюю горницу, *Графъ* оставилъ на столѣ свой пистолеты. Работа на нихъ очень искусна, сказалъ онъ мнѣ, возьмите ихъ. Гдѣбы я теперь былъ и въ какія затрудненія не были ли бы вы приведены, будучи чужестранецъ и Протестантъ?... Я ихъ нимало не разсматривалъ, ибо вся моя злость долженствовала обратиться противъ самаго меня.

Я окончалъ сіе повѣствованіе сего дня, но не прежде отошлю его какъ завтра, когда узнаю то, что теченіе времени произвести можетъ. Любезной другъ! сколь мучительна неизвѣстность! можетъ быть я болѣе бы почелъ себя обязаннымъ имѣть терпѣливость, естлибъ мое замѣшательство и мои прискорбія происходили мнѣ отъ моего проступка.

„Примѣчаніе. Частыя посѣщенія производятъ новыя явленія, слѣдственно и новыя письма, кои представляютъ *Клементину* всегда приверженною къ своему рѣшенію, хотя смертельно стараемою своею страстію. Законъ *Кавалера* подверженъ былъ новымъ смущеніямъ. Но съ обѣихъ сторонъ изъясняется единое токмо благородство и другіе предметы достойные удивленія. Но поелику здравіе *Клементины*, ежедневно приходитъ въ лучшее состояніе, ни мало не ослабляя ея рѣшенія; то *Прелатъ* и отецъ *Марескотти*, кои начинаютъ ласкаться равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ, стараются поддерживать оное съ великимъ искусствомъ и изъясняютъ нѣкую уже холодность къ *Кавалеру*. Онъ примѣтя оное не скрываетъ отъ *Доктора Барлета*, что его гордость была тѣмъ тронута. Впрочемъ, будучи твердо основанъ на своихъ правилахъ, онъ самъ предлагаетъ фамиліи, чтобъ ему позволили на нѣкое время отлучиться, единственно для того, дабы испытать отсутствіемъ, въ состояніи ли разумъ и мужество *Клементины* подкрѣпить ея силы. Ему приказано было самому просишь у ней сего позволенія, подъ тѣмъ видомъ чтобъ она сіе одобрила. Но она желаетъ имѣть съ нимъ переписку до его возвращенія, и *Маркиза* на то согласилась. Онъ отъѣзжаетъ на мѣсяць въ томъ намѣреніи, дабы употребить сіе время на объѣздъ многихъ Италіянскихъ городовъ.

ПИСЬМО LXXX.

Милады Ж... къ Генріеттѣ Биронъ.

[Посылая къ ней письма *Сира Карла*.]

Лондонъ 1 Августа.

Боже милостивой! любезная моя, какія письма я къ тебѣ посылаю! Я не мѣдлила ни единой минуты. *Докторъ Барлетъ*, получа ихъ не болѣе тому двухъ часовъ, желалъ чтобъ они были къ тебѣ отосланы съ нарочнымъ. Я читала ихъ съ моею сестрицею, которая не давно сюда пріѣхала. Что должны мы тебѣ сказать? Говори сама любезная *Генріетта*. Незвѣстность гораздо болѣе умножилась нежели была прежде! Любезная дѣвица! скажи, скажи намъ что ты о томъ думаешь. Естьлибъ я вошла хотя въ малѣйшую подробность, то сумнѣваюсь... чтобъ оную когда нибудь кончила. Прощай, жизнь моя.

ПИСЬМО LXXXI.

Генріетта Биронъ къ Милады Ж...

Замокъ Сельби. 11 Августа.

Вамъ сказать, любезная моя *Милади*, что я думаю о тѣхъ письмахъ, кои вы по милости своей прислали ко мнѣ съ нарочнымъ; но мнѣ гораздо легче увѣдомить васъ, что говорятъ о томъ здѣсь друзья мои. Они кажется усматриваютъ въ нихъ предметъ моего радости. Но могу ли я сама тому радоваться? Могу ли я принимать ихъ поздравленія? *Клементина!* сущей Ангелъ не въ примѣръ достойнѣе *Сира Карла Грандиссона*, нежели *Генриетта Биронъ!* Сколь она велика и сколько напротивъ того я пала передъ собственными моими глазами! она не минуемо будетъ его супругою. Она должна быть его супругою. Она перемѣнитъ свое рѣшеніе. Вашъ братецъ столь твердъ въ своихъ попеченіяхъ! Она толико горитъ страстію!.... Ктоже можетъ ласкаться получить мѣсто въ сердцѣ *Сира Карла* послѣ ея? Моя гордость, милая моя, совершенно исчезла. Я равно и всякая другая женщина, должна ему казаться противною, когда онъ помышляетъ о своей *Клементинѣ*. А тогда кто можетъ быть довольнымъ половиною такого сердца? Половиною, то есть, если онъ отдастъ справедливость сей удивительной женщинѣ. Утѣшеніе мое, когда я считала оное пропадшимъ, состояло всегда въ томъ дабы видѣть его сочетавшимся съ женщиною толико превосходнаго достоинства.

Но ктожь могъ бы не оказать сожалѣнія о семъ славномъ челоѣкѣ? О любезная моя! я лишаюсь понятія помышляя о такомъ предметѣ. Я не знаю что вамъ сказать. Естьлижъ упомянуть вамъ то, что я думала, какія были мои движенія читая великодушное его сожалѣніе о *Графѣ Бельведере*; то благородные и почтительные разговоры съ первою изъ женщинъ, движенія сей безподобной *Климентины*, пока она еще не вручила ему письма своего.... сіе письмо, которое превосходитъ все то, что я токмо читала о нашемъ полѣ, толико сообразное съ поведеніемъ ею оказаннымъ, когда безпримѣрное супротивленіе между ея закономъ и страстію, въ ней дѣйствовало; ея разсудокъ, разборчивость и твердость въ главныхъ правилахъ ея вѣры, словомъ, всѣ великія дѣянія одного и другой, въ различныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ оба казались привели меня въ крайнее изумленіе; естьлижъ должно вамъ сказать о всемъ происшедшемъ въ моемъ сердцѣ, то никакое пространное мѣсто недостаточно будетъ къ описанію онаго, и я не знаю какую бы мѣру назначить слезамъ изтекшимъ изъ глазъ моихъ. Довольно того когда вамъ признаюсь, что въ теченіе двухъ сутокъ я не имѣла силы встать съ постели, и что не безъ затрудненія получила я дозволенія писать къ вамъ; а лѣкари совѣтуютъ не выпускать меня изъ горницы во всю недѣлю. *Сиръ Карлъ* очень жалуется на неизвѣстность; въ самомъ дѣлѣ это жестокое мученіе.

Вы можете замѣтить; что во всѣхъ сихъ письмахъ онъ упоминаетъ о мнѣ токмо однажды. А для чего думаете вы сдѣлала я сіе наблюденіе? Не для того дабы мнѣ жаловаться, я васъ увѣряю; но дабы восхвалить,

напротивъ того, его учтивость и вниманіе; ибо можно ли было его извинить, еслибы онъ чаще упоминалъ о бѣдной Агличанкѣ, кою онъ избавилъ отъ бѣды, или помышлять о всякой другой женщинѣ кромѣ благородной своей Италіанки, въ то время когда его душа колеблется толико пылкими движеніями, по случаю великихъ предметовъ находящихся предъ его глазами?

Но вы видите, милая *Шарлотта*, что сей изящной человѣкъ не всегда бываетъ въ добромъ здоровіи, и что теперь можетъ быть онъ находится въ весьма худомъ состояніи. И можемъ ли мы сему удивляться? столь великій предметъ предъ очами, толико къ преодоленію остающихся препятствій, новое затрудненіе, по видимому непреодолимое, происшедшее отъ самой *Клементины*, и при томъ такими побудительными причинами, кои увеличиваютъ къ ней его почтеніе и удивленіе! Прискорбіе можетъ сдѣлать женщину убѣдительною, но мужчина хотя бы на части былъ терзаемъ, съ трудомъ можетъ жаловаться. Сколь я жалѣю о мученіяхъ мужественнаго сердца.

Еслили пребудетъ благородная Италіанка непоколебима въ своемъ рѣшеніи, когда онъ возвратится паки къ ней послѣ мѣсячнаго отсудствія, въ чемъ состоятъ мои мнѣнія о будущемъ: тогда конечно онъ отречется отъ брака. Да и должно ли ему когда ниестъ помышлять объ ономъ, еслили онъ не чувствуетъ въ себѣ склонности любить другую женщину столько какъ свою *Клементину*? Да и ктожъ можетъ когда нибудь заслужить такую любовь? Не извѣстились ли мы отъ самаго его равно какъ и отъ *Доктора Барлета*, что всѣ несчастія въ его жизни произошли отъ нашего пола? По истиннѣ самыя величайшія несчастія мужчинъ и женщинъ обыкновенно происходятъ отъ однихъ къ другимъ. А его несчастія равно произошли отъ многихъ хорошихъ женщинъ; ибо я представляю себѣ, что госпожа *Оливія* не добровольно преступила предѣлы благопристойности. Для чегожъ желали бы мы чтобъ человѣкъ одареннымъ его свойствомъ подвергался своенравіямъ и дерзости нашего пола, которой едва понимаетъ, какъ то *Г. Иеронимъ* сказалъ своему другу, какія ощущаетъ желанія, когда они зависятъ отъ него.

Но въ добромъ ли онъ здоровіи или нѣтъ, вы, видите что *Сиръ Карль* не лишается своей живости. Его великое сердце умѣетъ наслаждаться благополучіемъ другаго. Я желаю ощущать удовольствіе въ сердцѣ, сказалъ онъ мнѣ нѣкогда. И такъ не долженъ ли онъ чувствовать онаго отъ приходящаго въ совершенное состояніе здоровія любезнаго своего *Иеронима*, отъ выздоровленія удивительной *Клементины* и отъ благополучія, коего великія сіи случаи разпространяютъ въ знаменитой фамиліи. Я желаю по немъ изчислить тѣ удовольствія, кои онъ находитъ въ благодарности многихъ особъ ему обязанныхъ. Не ощущалъ ли онъ равнаго удовольствія отъ благодарности *Милорда* и *Милади В...*? Отъ своего *Бельшера*, отъ отца и матери своего *Бельшера*? Отъ *Милади*

Мансфельдъ и ея фамиліи? Отъ васъ любезная *Милади* и вашего *Милорда*? Но вы почтете меня безъ сомнѣнія весьма странною въ семъ письмѣ. Я желала бы быть веселою, естлибъ мнѣ было можно, поелику всѣ мои друзья же даютъ меня таковою видѣть. Перечитывая теперь мною написанное, я опаасюсь чтобъ вы на стали меня учить думать не столь страннымъ образомъ. Признайтесь чистосердечно, *Шарлотта*: все начертанное теперь перомъ моимъ не прилично ли болѣе вашему свойству нежели моему?

Еще строку, одну только строку моя милая, великодушная тетушка *Сельби*! Они не хотятъ чтобъ я писала, *Шарлотта*, въ такое время, когда желаю говорить о многихъ дѣлахъ касательно сихъ важныхъ писемъ; иначе не окончила бы сего съ толь малою пріяшностію.

ПИСЬМО LXXXII.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Клементинѣ делла Порретта.

Флоренція 18 Іюня.

Я начинаю, дражайшая и удивленія достойная *Клементина*, ту драгоцѣнную переписку, кою вы мнѣ позволяете, чувствуя сколь для меня велика такая милость. Однако не могу ли я сказать что она весьма для меня прискорбна? Находился ли когда нибудь человекъ въ равныхъ обстоятельствахъ? Мнѣ позволено вамъ удивляться, считать себя удостоеннымъ вашего почтенія и еще ласкательнѣйшимъ чувствованіемъ, но въ тожъ самое время запрещено надлежащимъ честнымъ образомъ просить то сокровище, кое нѣкогда было мнѣ опредѣлено и коего не лзя обвинять меня, чтобъ я оказался недостойнымъ. Не ужели я перемѣнилъ то что мы сперва почитали въ моихъ поступкахъ или въ главныхъ моихъ правилахъ. Потупался ли я когда ни есть преодолѣвать ваши склонности къ вашему закону и отечеству? Нѣтъ Сударыня. Извѣстяся о непоколебимо вашей приверженности къ своей вѣрѣ, я доволенъ былъ тѣмъ что объявилъ и мою привязанность: Я худо бы призналъ приобретенное мною здѣсь покровительство какъ отъ общественной такъ отъ священной власти, и не исполнилъ бы правилъ гостепріимства естлибъ принялъ намѣреніе отвлечь знаменитой фамиліи дѣвицу отъ ея закона, къ коему она имѣетъ сильную привязанность. Какимъ же образомъ такое мое поведеніе позволило вамъ усумниться о свободности вашихъ чувствованій, естлибъ вы имѣли. Но я удалюсь отъ всякихъ жалобъ! я утшу въ моемъ сердцѣ тѣ, кои бы оно желало начертать перомъ моимъ. Не сказалъ ли уже я вамъ, что желаю быть всѣмъ тѣмъ, чѣмъ токмо вамъ угодно чтобъ я былъ? какого бы труда мнѣ ни стоило, сколь невозможно бы нибыло усиліе, естли оно токмо не позволено мнѣ совѣстію; но я предамъ себя

въ вашу волю. Естли вы твердо настоять въ томъ будете, дражайшая и почтительная моя обладательница, каковою вы всегда пребудете для меня, то я повинуюсь всѣмъ вашимъ желаніямъ.

Сердце лишающееся самой щастливѣйшей надежды, коего отчаяніе подкрѣпляетъ единый законъ, изыскиваетъ покрайней мѣрѣ въ печали своей такого блага, кое нѣсколько равняется съ потеряннымъ. Позволеноли мнѣ будетъ, Сударыня, какой бы успѣхъ ни былъ сего величайшаго случая, ласкаться что переписка предпринятая по соизволенію всѣхъ никогда прервана не будетъ? Что толико чистая дружба вѣчно существовать будетъ? Что человѣкъ, коего благополучіе изчезло, будетъ почитаемъ за сына и за брата въ такой фамиліи, которая до послѣдняго издыханія его будетъ ему любезна? Я тѣмъ ласкаюсь.... Я прошу отъ сей любезной фамиліи продолженія ея почтенія; для чегожъ не могу я сказать любви ея? Но до того токмо времени пока мое сердце, не принимавшее участія въ самомъ себѣ но исполненное ревности къ славѣ и благополучію касательно знаменитаго вашего дома, будетъ чувствовать что оно того достойно; доколѣ мои поступки заставлятъ будутъ всѣхъ одобрятъ мои требованія. Съ моей стороны равно и съ вашей никогда и случится, чтобъ человѣкъ, коему благополучіе самаго тѣснѣйшаго союза обѣщано было по согласію всей вашей фамиліи, почитаемъ былъ въ оной за чужаго!

Никогда, Сударыня, человѣческое сердце не можетъ хвалиться толнко безкорыстною страстію какъ мое къ такому предмету, коего душа не въ примѣръ ему любезнѣе нежели прелести самой особы; ниже толико искреннею любовію ко всей ея фамиліи. Къ нещастію моему сіи два чувствованія подвергнули меня такимъ искушеніямъ, кои ни малѣйшаго не подадутъ сумнѣнія. И такъ до послѣдней минуты моя жизни вы будете мнѣ любезны, Сударыня, вы и всѣ ваши друзья.

Прощайте, составляющая славу и образецъ своего пола! Въ такихъ обстоятельствахъ что мнѣ сказать болѣе? Прощай, несравненная *Клементина*! да вся Небѣсная благая излиются на васъ и на всю вашу фамилію во всякомъ обиліи! се обѣты вашего и проч.

Грандиссона.

ПИСЬМО LXXXIII.

Клементина делла Порретта къ Кавалеру Грандиссону.

Болонія 5 Августа.

Изъ многихъ причинъ, Г. мой, вынудившихъ меня желать вести съ вами переписку, надежда писать къ вамъ гораздо съ большею свободою нежели я могу съ вами говорить, изъ всѣхъ самая сильнѣйшая. И такъ я

буду съ великою вольностію и искренностію изъясняться въ моихъ письмахъ. Я предполагаю, какъ будто бы пишу къ моему братцу или къ наилучшему моему другу. По истиннѣ, къ которому изъ моихъ братьевъ писала бы я столь вольно? Подражая Всевышнему вы требуете единого сердца. Мое сердце не менѣе будетъ вамъ откровенно, еслии вы токмо можете проникнуть подобно ему, во внутренность онаго.

Теперь желаю я васъ возблагодарить, Г. мои, за тѣ нѣжныя и великодушныя предосторожности, съ коими вы начали ко мнѣ писать. Вы съ толикою осторожностію касались до несчастнаго состоянія моего здравія не называя его.... О Г. мой! вы самый разборчивый человѣкъ: Съ какой нѣжностію не говорили вы всегда о моей привязанности къ закону моихъ предковъ? дѣйствительно, Г. мой, вы самый благочестивѣйшій изъ Протестантовъ, и меня убѣдили, вы и Гжа. *Бемонтъ*, что Протестанты равномѣрно могутъ имѣть свое благочестіе. Я никогда не почитала себя способною говорить столь благосклонно о вашемъ законѣ, какъ вы меня къ тому оба принудили, тѣмъ познаніемъ кое я имѣю о вашемъ благодушіи. О Г. мой! во что не вовлекли бы вы меня, вашу любовію, вашими благоугожденіями, непреодолимыми вашими выраженіями, еслиибъ я была вашею женою и жила въ Протестантскомъ Народѣ, среди Вашихъ друзей, имѣющихъ тотъ же законъ и всѣ можетъ быть любви достойны и изящнаго свойства. Я страшусь васъ, *Кавалеръ*. Но оставимъ опасныя сіи мнѣнія. Вы непобѣдимыя человѣкъ: и я ласкаюсь, что еслиибъ была вашею, то ничто бы не въ состояніи было меня преодолѣть.

Единое справедливое сужденіе о скоротечности сей жизни и о безконечности будущей, подастъ мнѣ силу вооружиться противъ моего сердца. Дражайшій *Грандиссонъ*! Сколь велико было бы мое благополучіе, еслиибъ моя рука могла слѣдовать склонности сего сердца, не подвергая опасности будущаго моего жребія! Какъ можно оставить толико лестныя размышленія? Подайте мнѣ, подайте мнѣ свою помощь, и возвратите мнѣ то спокойное состояніе, кое вы у меня похитили. Да послужитъ примѣръ мой вмѣсто опыта молодымъ особамъ моего пола и моихъ лѣтъ. Да научатся онѣ не разсматривать съ удовольствіемъ великія качества того человѣка, съ коимъ онѣ часто имѣютъ случай разговаривать. Увы! я паки коснулась того предмета, которой желала оставить. Но когда уже мнѣ не возможно удержать отъ того своего воображенія и пера; то дамъ свободное теченіе моимъ мыслямъ.

И такъ скажите мнѣ, любезной мой братецъ. Дражайшій другъ мой? самый вѣрнѣйшій и безкорыстнѣйшій изъ друзей! скажите мнѣ что я должна дѣлать, какой должна принять способъ, дабы учинишь васъ равнодушнымъ ко всякому другому названію? Что надлежитъ сдѣлать, дабы видѣть въ васъ единого токмо брата и моего друга? Не можете ли

меня тому научить? Не ужели не достаесть въ васъ къ оному силы или охоты? Не ужели любовь ваша къ *Клементинѣ* препятствуетъ вамъ оказать ей сію услугу? Я хочу научить васъ тѣмъ выраженіямъ: Скажите, что вы другъ души ея. Естьли вы не можете быть Католикомъ, то будьте онымъ въ своихъ совѣтахъ; тогда сія любовь къ ея душѣ подастъ вамъ силу сказать: будь непоколебима *Клементина*, а я не буду укорять тебя въ неблагодарности.

О *Кавалеръ!* я ничего толико не страшусь какъ укоризны въ неблагодарности; а особливо отъ тѣхъ, коихъ я люблю. Не заслужилали я оной? Увѣрены ли вы довольно что я оной не заслужила? Вы мнѣ то сказали. Естьлижъ вы мнѣ сказали_сіе не отъ искренняго сердца, то для чегожъ не скажите мнѣ, какимъ образомъ могу я быть благодарною? Не ужели вы одни токмо въ свѣтѣ, которые желаете и можете обязывать благодареніями, не желая за то благодарности? Какую не оказали вы услугу вѣтренности молодого моего брата, даже съ самаго начала вашего знакомства? Нещастной молодой человѣкъ! и какую получили за то благодарность? Теперь онъ по своему великодушію обвиняетъ въ томъ самаго себя. Онъ разсказалъ намъ какую ироническую терпѣливость вы съ нимъ имѣли. До какой степени долженъ онъ васъ любить! но и послѣ долгой распри вы не отреклись спасти ему жизнь своимъ мужествомъ. Однако вамъ не оказали нѣкоторые особы изъ нашей фамиліи всей той благодарности, коей вы имѣли право за то надѣяться. Сіе воспоминовеніе приводитъ насъ въ смертельное сожалѣніе. Вы принуждены были оставить Италію. При всемъ томъ получа привѣтствіе отъ своего друга, коего раны начинали почитать неизлѣчимыми вы съ поспѣшностію сюда прибыли; вы прибыли сюда для его сестры, коея разумъ и сердце были поколебаны. Вы прибыли сюда для его родителя, родительницы и братьевъ пораженныхъ до глубины сердца страданіями ихъ сына и дочери. И откудажъ съ толикою поспѣшностію вы сюда прибыли? Изъ своей отчизны разставаясь съ собственною своею фамиліею и съ многими любезными особами, кои поставляли себѣ за славу быть вами любимыми и любить васъ. Вы прилѣтели на крыліяхъ дружбы. Отдаленность и другія препятствія не могли васъ остановить. Вы привезли съ собою хранителя здравія въ видѣ искуснаго лѣкаря. Вы собрали все искусство врачей въ своемъ отечествѣ для полученія успѣха въ благородномъ вашемъ предпріятіи. Онъ соотвѣтствовалъ великодушнымъ вашимъ желаніямъ. Мы видимъ себя, вся фамилія видитъ и взираетъ на себя съ симъ утѣшительнымъ благоугожденіемъ составлявшимъ общее наше благополучіе прежде тѣхъ нещастій, кои причиняли намъ толикую печаль.

Теперь какимъ образомъ можемъ мы оказать вамъ нашу признательность? какую благодарность засвидѣтельствуемъ мы вамъ за толикія благодаренія? Вы уже награждены, говорите вы, успѣхомъ

славныхъ вашихъ услугъ. Не должна ли я укорять васъ въ гордости, возбуждая въ васъ желаніе къ вашему благополучію! Я знаю что не во власти женщины состоятъ вознаграждать васъ. Все то чтобы женщина ни сдѣлала для такого человѣка какъ вы, можетъ ли иначе назваться какъ ея долгомъ? И естьлибъ *Клементина* могла быть вашею: то пожелали ли бы вы, чтобъ ваша любовь, милость и ваши угожденія къ ней, стоили ей вѣчнаго ея благополучія? Нѣтъ, отвѣчаете вы, вы оставили бы ее свободну въ своемъ законѣ. Но естьли вы почитаете свою жену въ заблужденіи, общаетесь ли вы, чувствуете ли вы въ себѣ способность, вы, *Кавалеръ Грандиссонъ*, не употреблять никакого усилія для освобожденія ея отъ онаго? Вы, коему качество супруга налагаетъ долгъ управлять ея совѣстію, оправдать ея разумъ, можете ли вы почитать своя законъ истиннымъ а ея ложнымъ, и сносить чтобъ она была непоколебима въ своемъ заблужденіи? Но и сама она касательно тогоже правила, коего обязательство почтетъ еще славнѣйшимъ, можетъ ли она избѣгнуть чтобъ не имѣть съ вами словопрѣній, а превосходство вашего разсужденія не приведетъ ли ея вѣру въ великую опасность? Какую могутъ имѣть силу доказательства духовнаго моего отца противъ вашихъ, подкрѣпляемыхъ вашею любовію и пленительными вашими поступками! и какая была бы печаль моихъ родителей, узнавши что ихъ *Клементина* сдѣлалась равнодушною къ нимъ, къ своему отечеству и еще равнодушнѣе къ своему закону?

Говорите, любезной *Грандиссонъ*, другъ мой и братъ: не ужели сіи великія разсужденія будутъ въ вашихъ глазахъ безсильны? Нѣтъ; не лзя сему стать. Епископъ *Ноцера* мнѣ сказалъ [не укоряйте его за оное] что говоря о вашихъ представленіяхъ, вы объявили *Генералу* и ему, что вы не сдѣлали бы столько и для первой въ свѣтѣ Принцессы. Можетъ быть сожалѣніе столькоже имѣло въ томъ у части сколько и любовь: Нещастная *Клементина*! Впрочемъ естьлибъ не было въ томъ самага величайшаго препятствія, то я приняла бы ваше сожалѣніе; поелику вы добродушны, благородны, а потому сожалѣніе великодушнаго сердца, подобно Небѣсному, не составляетъ обидъ. Мой родитель и родительница суть самыя снисходительнѣйшія изъ отцевъ и матерей; мой дядюшка, братья и всѣ мои друзья не поступали со мною по другому чувствованію? а безъ сей побудительной причины различіе закона и земли, не было ли бы непреодолимымъ препятствіемъ ихъ согласію? Дѣйствительно такъ, *Кавалеръ*, не сумнѣвайтесь. И такъ признайтесь что зная какъ вашу такъ и ихъ побудительную причину, притомъ чувствуя что было бы весьма много полагаться въ томъ на собственныя свои силы, по чему оказала бы то, что хотѣла испытывать судьбы небесъ: я не могла изыскать лучшаго средства какъ утвердиться въ моемъ рѣшеніи. О ты бывшій нѣкогда моимъ учителемъ! будь еще для меня онымъ. Вы никогда не подавали мнѣ такого наставленія, отъ коего

бы мы оба могли стыдиться. Употребите свое стараніе, какъ я уже васъ о томъ просила въ письмѣ моемъ, къ подкрѣпленію слабой души. Я признаюсь что оное стоило мнѣ ужасныхъ противоборствій. Даже и въ сію минуту, я.... превыше.... или можетъ быть прениже себя. Я совершенно не знаю гдѣ я, ибо письмо мое не таково каково должно оно быть. Оно чрезвычайно исполнено вами. Я желала, чтобъ оно было коротко, и чтобъ содержало въ себѣ единыя благодарности за всѣ тѣ благодаренія, кои вы излили на мою фамилію, употребляя усиленныя прозбы дабы получить отъ васъ, какъ бы новое вспомошествованіе смущеннымъ моимъ мыслямъ, даже и самое средство чтобъ не истощевать въ невозможной признательности.

Сіе письмо приводитъ меня въ удивленіе своею продолжительностію. Простите заблуждающимся моимъ мыслямъ, и вѣрьте что пребываю съ толикою же ревностію къ вашей славѣ какъ и къ моей, ваша и проч.

Клементина делла Порретта.

Примѣчаніе. Прочія письма сей переписки касаются до тѣхъ же самыхъ мнѣній и чувствованій. Наконецъ *Клементина* призываетъ *Кавалера* въ Болонію, но съ великимъ спокойствіемъ и гораздо съ большею надеждою со стороны ея фамиліи.

ПИСЬМО LXXXIV.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Доктору Барлету.

Болонія 17 Августа.

Вчерашняго вечера я прибылъ въ Болонію, но прежде нежели начну описывать пріемъ мой, я долженъ увѣдомить васъ, что госпожа *Оливія* возвратилась въ Флоренцію въ то самое время когда я приготавливался оставить сей городъ. Съ какимъ тщаніемъ ни старался я скрыть отъѣздъ мой, но не могъ избѣжать чтобъ не посѣтитъ ее, когда она приказала меня просить къ себѣ. Я не желаю описывать ея вспылчивость наипаче когда она узнала что я возвращаюсь въ Болонію. Я оставилъ ее въ сей ярости. Весьма чрезвычайное предпріятіе, отъ коего я съ трудомъ могъ избавиться слѣдующаго дня, кажется мнѣ проистекло изъ того же источника. Однако я уѣхалъ не дѣлая нималѣйшаго изслѣдованія ниже жалобы.

Я равно долженъ упомянуть что посѣтилъ *Графа Бельведере* по моему обѣщанію. *Генераль* въ Неаполѣ, а *Графъ* въ Пармѣ приняли меня съ величайшими знаками учтивости, оба, не сумнѣвайтесь о томъ по одинакой побудительной причинѣ. *Генераль* съ своею супругою

возвращаясь въ Болонію провожали меня до половины дороги къ Флоренціи. Они ѣхали веселиться съ своими друзьями живущими въ Урбинѣ и Болоніи по причинѣ того рѣшенія, въ коемъ ихъ сестрица утвердилась и поздравлять ее за ея мужество, какъ то уже *Генераль* сдѣлалъ черезъ письмо, кое мнѣ показалъ. Въ немъ заключались также засвидѣтельствванія и похвалы мнѣ приписанныя: безъ сумнѣнія можно изъясниться съ учтивостію о такомъ человѣкѣ, которой нималой не причиняетъ опасности ниже зависти. Онъ желалъ меня одарить великими подарками: но я не принялъ ихъ, такимъ однако образомъ, что онъ не могъ почестъ себя обиженнымъ моимъ отказомъ.

Прибывши же вчерашняго вечера я пошелъ въ палаты *делла Порретта*, я зашелъ сперва къ господину *Иерониму*, съ коимъ имѣлъ переписку во время моего отсутствія. Онъ принялъ меня съ восторгами радости и моя радость не менѣе была выразительна, усмотря что онъ приходилъ въ совершенное здравіе. Онъ начинаетъ уже по нѣсколько ѣсть; спитъ весьма спокойно, и большую часть дня препровождаетъ уже не во снѣ. Словомъ, какъ его, такъ и его сестрицы здравіе водворяютъ паки радость въ сердцахъ ихъ фамиліи. Но онъ далъ мнѣ выразумѣть, что къ совершенному его благополучію не достаетъ единой токмо власти назвать меня своимъ братомъ; и воспламенясь отъ такой мысли онъ заклиналъ меня именемъ Божіимъ, пожимая мою руку и омачивая ее своими слезами, привести сіе дѣло къ своему заключенію. *Маркизь*, *Маркиза*, *Прелатъ* и отецъ *Марескотти* пришли въ сіе время благодарить меня и похвалить за мою переписку съ любезною ихъ *Клементиною*. *Прелатъ* и отецъ клялись мнѣ, что во всю жизнь ихъ я буду имѣть участіе въ ихъ молитвахъ, и что они будутъ просишь Бога низпослать мнѣ *Клементину* гораздо изящнѣйшею и прелѣстнѣйшею, естли токмо возможно, нежели та, коея мнѣнія престають соотвѣтствовать ихъ ожиданію. *Генераль* съ своею супругою спустя два дни послѣ меня сюда прибылъ, но они отлучились для нѣкоторыхъ посѣщеній.

Между тѣмъ какъ всякой повторялъ свои похвалы, и какъ я принималъ оныя почти въ молчаніи, ибо я представлялъ лице Посланника въ толь критическомъ состояніи, прибыла *Камилла* сказать *Маркизу*, что *Клементина* съ нетерпѣливостію желаетъ видѣть своего друга. Я васъ поведу къ ней, сказала мнѣ сія нѣжная мать. Она встала, и я слѣдовалъ за нею.

Ея дочь, увидя меня, подходила ко маѣ съ разпростертыми руками, называя меня четвертымъ своимъ братомъ, и съ великою живостію благодарила меня за мои письма. А какъ она усиленно меня просила въ одномъ своемъ письмѣ, употребить мою довѣренность у ея фамиліи, дабы позволяли ей вступишь въ монастырь, и я сильно опровергалъ сіе мнѣніе, то она жаловалась за то супротивленіе, кое я дѣлалъ ея желаніямъ. Вы знаете, *Сударыня*, сказала она своя матери, что ето моя

прежня склонность, которой я никогда не оставляю; и обратясь ко мнѣ сказала: о *Кавалеръ*, ваши опроверженія меня не преодолѣли.

Такъ, *Сударыня*, я ето ясно вижу, ибо естлибъ *Клементина* была тѣмъ убѣждена; то послѣдовала бы своему убѣжденію.

О Г. мой! Вы весьма опасны, я то чувствую. Естлибъ нѣкоторой случай учинился дѣйствительнымъ, то я совершенно бы пропала. Не увѣрены ли вы, Г. мой, что я совершенно бы погибла въ главныхъ своихъ правилахъ? Естли вы увѣрены, то я надѣюсь что вы также послѣдуете своему убѣжденію.

Мнѣ кажется, любезной *Докторъ*, что зная меня довольно хорошо, она могла бы себя уволить отъ сего шутиваго размышленія. Она даже смѣялась произнося оное. Замѣтьте, что она уже въ состояніи веселиться въ толь важномъ случаѣ. Можетъ быть пожелала она принять на себя такой видъ, какой усматривала во мнѣ. Но по всему вышеозначенному я начиналъ вѣрить, какъ бы не думали теперъ о отдаленности, однако весьма вѣроятно что со временемъ она достигнетъ до чувствованія своего долга, когда оный будетъ ей представленъ толико могущественными ходатаями, коихъ она имѣетъ въ своей фамиліи. Но, чтобы ни могло случиться, естли о токмо въ семь состоитъ ея честь, равно и всѣхъ ея друзей; то я не могу совершенно быть безъ радости.

Я ласкаюсь, сказалъ я ей, что ваши желанія къ уединенію по крайней мѣрѣ будутъ на нѣкое время отложены. Онѣ сходятствуютъ съ силою нѣкоторыхъ моихъ разсужденій, но я примѣчаю, что еще не со всѣмъ безнадежно получить согласіе отъ ея фамиліи.

Генераль и *Графъ*, прибывшіе сюда въ сіе время съ поспѣшностію пришли ко мнѣ засвидѣтельствовать свое почтеніе. Колико они оба симъ занимаются? По прозвѣбъ *Маркизы* мы пошли въ горницу къ *Иерониму*, гдѣ *Маркизь*, *Прелатъ* и отецъ *Марескотти* еще находились. Каждой паки началъ благодарить меня за то обязательство, коимъ они одолжены моимъ услугамъ; а когда начали они желать мнѣ всякаго благополучія; то я имъ сказалъ, что отъ нихъ зависитъ сдѣлать мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Они понуждали меня всѣ единогласно изъясниться: оно состоитъ въ тамъ, отвѣчалъ я, чтобъ позволено мнѣ было склонить нѣжнаго моего друга, господина *Иероима*, ѣхать со мною въ Англию. Г. *Ловтеръ* почтетъ себѣ за щастіе продолжать о немъ свои попеченія съ толикимъ же тцаніемъ въ Лондонѣ какъ и здѣсь, хотя онъ рѣшился, естли и не согласятся на мою прозбу, не оставлять его до совершеннаго выздоровленія.

Они посмотрѣли другъ на друга, съ видомъ изъявляющимъ радость и удивленіе. Изъ глазъ *Иероима* потекли слезы. Я не могу, я не могу перенести, сказалъ онъ, толь многихъ одолженій. *Кавалеръ*, мы ничего не можемъ для васъ сдѣлать, и вы возвратили мнѣ здравіе единственно для того, дабы имѣть силу убить меня. Очи *Клементины* были омочены

слезами; она вышла отъ насъ съ торопливостію. О *Кавалеръ!* сказала мнѣ маркиза, сердце мояя дочери весьма чувствительно къ выраженіямъ признательности, и опасно для ея спокойствія. Я страшусь о ея жизни, естли вы не принудите ее уничтожить ея рѣшенія.

Требуемое мною, возразилъ я, есть для меня милость. Я равно ласкаюсь, что Г. *Иеронимъ* конечно не поѣдетъ безъ нѣкоторыхъ своихъ друзей. Наши бани довольно могутъ привести его въ прежнее состояніе. Я не преминулъ бы ходить туда самъ. Переменная воздуха можетъ ему быть полезною. О естлибъ я имѣлъ честь, Г. мой, присовокупилъ я, глядя вокругъ себя, принять васъ всѣхъ въ Англіи. Симъ-то бы вы мнѣ совершенно заплатили за тѣ одолженія, кои вы перевозносите съ толикою милостію.

Они все еще смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Дай Боже, возразилъ я, чтобъ вы сами, Г. мой, и вы, Сударыня, [говоря отцу и матери] расположены были сдѣлать мнѣ сію милость. Вы о томъ нѣкогда помышляли въ щастливое время. Я склоню обѣихъ моихъ сестрицъ и ихъ мужей проводить васъ со мною въ Болонію. Мои сестрицы съ радостію примутъ сей случай видѣть Италію и пріобрѣсть дружбу *Клементины*, коей свойства онѣ уже почитаютъ до высочайшей степени.

Ихъ молчаніе продолжалось; но никто не казалось чтобъ не одобрялъ усиленныхъ моихъ прозьбъ: сія честь, государи мои, сія милость, Сударыня, была для меня еще другою пользою. По той надеждѣ каковую вы мнѣ подали возвратиться одному въ мое отечество, конечно заключать о мнѣ какъ о такомъ человѣкѣ, которой бѣжалъ и съ которымъ худо поступили. Моя гордость не менѣ беретъ въ томъ участія какъ и удовольствіе мое. Я представляю вамъ домъ и въ городѣ и за городомъ. Я не имѣю ничего такого, чего бы не отдалъ въ ваше распоряженіе. Никто толико не любитъ своего отечества сколько я; но оно еще гораздо будетъ для меня любезнѣе, естли вы обрѣтете въ немъ каковую ниестъ пользу для вашего увеселенія или вашего здравія. Окажите мнѣ сію милость, Г. мои, обяжите меня симъ, Сударыня, по крайней мѣрѣ хоть для того дабы Италія показала вамъ гораздо любезнѣе по вашему возвращеніи. У насъ лѣтомъ не столь жарко. Помощію торговли мы можемъ въ изобиліи доставать всѣ плоды растуція здѣсь осенью: ибо у насъ зима не столь холодна какъ у васъ. Окажите мнѣ сію милость токмо на наступающую зиму, а тогда смотря по своей склонности вы будете жить сколько вамъ заблагоразсудится.

Прелюбезнѣйшій другъ, вскричалъ *Иеронимъ*, я принимаю ваше приглашеніе и отправлюсь какъ скоро въ состояніи буду пуститься въ сей путь. Путь! прервалъ я его рѣчь, корабль столько же будетъ для васъ спокоенъ какъ и ваша горница. Онѣ доставитъ васъ даже въ средину Лондона: вы непримѣтно придете въ совершеннѣйшее здравіе, какъ скоро оставите вашу горницу.

По истиннѣ, сказалъ имъ *Генераль*, сестрица справедливо опасалась не долго быть въ Католическомъ законѣ учинясь женою сего удивительнаго человѣка. Я совѣтую вамъ тому вѣрить. Вы его любите. Вы много претерпѣли печалей и томленій. Отправитесь съ нимъ для препровожденія зимы. Весьма похваляютъ тамошнія бани и вы не можете отъ того получишь себѣ вреда. Мы беремъ на себя попеченіе стараться, моя жена и я, благополучіи *Клементины* во время вашего отсутствія. Но вспомните слово данное *Грандиссономъ*. Привезите его съ собою, также его сестрицъ и ихъ мужей. Но *Кавалеръ*, какое изберете вы время для вашего отъѣзда?

Я ему сказалъ что чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, поелику время теперь самое лучшее. Я повторилъ, что сіе рѣшеніе приведетъ меня въ чрезвычайное восхищеніе, и что это есть единое средство заплатить мнѣ за все то, что они именуютъ своими обязанностями. Я обѣщался имъ возвратишься съ ними. Здравіе *Клементины*, присовокупилъ я, тогда уже подкрѣпится а *Г. Иеронимъ* совершенно въ хорошемъ будетъ состояніи. Какоежъ удовольствіе будутъ они ощущать увидясь паки другъ съ другомъ?

Меня просили отложить сіе только до завтешняго дня, дабы посовѣтоваться и дать мнѣ рѣшительное изъясненіе.

Господинъ *Ловтеръ* и его товарищи, съ коими о томъ совѣщались думаютъ такъ что *Иеронима* должны нести въ носилкахъ къ самой ближайшей гавани, а тамъ посадить на корабль и отправиться въ Англію; но что гораздо лучше будетъ подождать до вѣсны: поелику тогда новозажившія мѣста его тѣла совершенно укрѣплятся. Обѣщаются, что тогда *Иеронимъ* съ двумя сыновьями *Графа* и съ нѣкоторыми особами изъ фамиліи отправятся въ путь. Между тѣмъ временемъ *Прелатъ* и отецъ *Марескотти* принимаютъ на себя трудъ вести съ мной переписку и увѣдомлять меня всѣхъ обстоятельствахъ.

Клементина пила съ нами шоколадъ Ее увѣдомили о новомъ рѣшеніи. Она весьма одобрила посѣщеніе кое обѣщались мнѣ учинить на будущій годъ. Столь прискорбно, сказала она мнѣ на ухо, видѣть себя въ такихъ обстоятельствахъ, кои не позволяютъ пустишься въ путешествіе той, которая гораздо бы охотнѣе то учинила и которая не хуже бы всѣхъ была принята! я посмотрѣла бы на землю, гдѣ *Кавалеръ Грандиссонъ* родился!

Я же помышлялъ о той странности, которая конечно не позволила бы *Клементинѣ* говорить мнѣ сіи слова, естлибъ она не совершенно рѣшилась видѣть во мнѣ токмо брата. Колико ни изыскиваютъ способовъ, любезной мой *Докторъ*, разборчивыя души для выраженія своего отказа?

Оставшись на единѣ съ *Иеронимомъ* онъ говорилъ мнѣ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ о перемѣнѣ появившейся на лицѣ моемъ съ того

времени какъ его сестрица кажется утвердилась въ своихъ мысляхъ. Естьлибъ сердце было спокойно, сказалъ онъ мнѣ, то я увѣренъ, что не видалъ бы сихъ знаковъ съ наружности. Любезной другъ! отвѣчалъ я ему, что усматриваете вы въ томъ удивительнаго? Когда я пріѣхалъ въ Италію, то какое мнѣніе ни имѣлъ о вашей сестрицѣ; но не почиталъ ее толико великою каковою она послѣ того показалась. Я всегда ей удивлялся; но теперь я чувствую нѣчто болѣе нежели удивленіе видѣть уничтоженіе моей надежды почитаю оную толико основательною! я былъ бы болѣе нежели человѣкъ, естьлибъ не былъ тѣмъ тронуть до чрезвычайности.

Вы конечно должны быть таковымъ, и я сердечно принимаю участіе въ вашихъ страданіяхъ, но любезный *Грандиссонъ*, она предпочитаетъ вамъ единого токмо Бога. Она претерпѣваетъ болѣе нежели сколько вы, снести можете. Единое ея утѣшеніе, сказала она мнѣ состоитъ въ томъ, что она не надѣется долго прожить. Любезная дѣвица! она ласкается что обязана возвращеніемъ своего разума тѣмъ усерднымъ моленіямъ, кои она возсылала на Небо въ кротчайшее время своей памяти, и коихъ единый предметъ былъ утѣшеніе ея родителей; послѣ чего всѣ ея желанія стремились къ лучшей жизни. Но, *Кавалеръ*, естьли ваше сердце находится въ толь мучительномъ состояніи....

Не сумнѣвайтесь въ томъ, любезный другъ. Я не такой человѣкъ, которой бы былъ не чувствителенъ. Впрочемъ хотя бы и успѣли теперь принудить *Клементину* сойти съ того степени величія, на которой она возвысилась, и какое бы удовольствіе не чувствовали отъ того мои желанія, но я не менѣе помышляю о томъ что естьли ея совѣсть будетъ тѣмъ тронута, то отъ сего уменьшится ея слава. И пріятноли для меня будетъ, какъ то она очень явственно изобразила въ одномъ изъ своихъ писемъ, видѣть супругу любезною, но несчастною своими сумнѣніями, не стараясь возвратитъ спокойствія ея сердцу отдаленіемъ оныхъ? И могу ли я надѣяться какого ни есть успѣха, не сдѣлавъ ей напередъ хорошаго изображенія о моемъ законѣ? Такимъ образомъ не подвергнусь ли я укоризнѣ нарушивши положенныя статьи? О любезной мой *Иеронимъ*! всѣ обстоятельства должны остаться таковыми каковы они суть, по крайней мѣрѣ для того естьли она не можетъ помышлять лучше о моемъ законѣ, или не столь пристрастно о своемъ.

Онъ коснулся до тѣхъ одолженій, коими ея фамилія мнѣ обязана. Я объявилъ ему что сіи слова приносятъ мнѣ единую токмо скорбь. Я его просилъ чтобъ онъ не упоминалъ о томъ болѣе. Не всякой можетъ имѣть толико щастливой случай, какой имѣлъ я сдѣлался благополучнымъ. А мой другъ станетъ ли завидовать моему благополучію?

Самыя усердныя мои желанія, любезной *Докторъ*, стремятся теперь къ изобрѣтенію тово, чѣмъ бы я могъ удовлетворить сердца исполненныя толикою благодарностію. Я чувствую что приведенъ ими въ такое положеніе, отъ коего должны они претерпѣвать нѣкое прискорбіе.

Чтожь могу я сдѣлать слѣдуя искренней моей дружбѣ дабы облегчишь ихъ страданіе претерпѣваемое ими по причинѣ признательности?

Онъ страшится, возразилъ онъ, чтобъ я въ скорости не вздумалъ ихъ оставить. Я ему сказала, что поелику не сумнѣнаюсь болѣе о непоколебимости *Клементины* и о согласіи, кое она подастъ на возвращеніе въ мое отечество, то и долженъ желать какъ для самаго себя, такъ и для ней, чтобъ мнѣ позволено было поспѣшить моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что *Г. Ловтеръ* охотно соглашается остаться со мною. Въ сіе время пришла къ намъ *Маркиза Клементина*, сказала она мнѣ, опасается чтобъ вы въ скорости насъ не оставили. Она прогуливается теперь въ саду съ своимъ отцемъ и братіями. Я осмѣливаюсь увѣрить васъ что они чрезвычайно будутъ рады когда вы сдѣлаете имъ компанію.

Я оставилъ *Иеронима* съ его матерью вмѣстѣ. *Маркизь* увидя меня сказалъ своей дочери нѣсколько словъ моихъ я не могъ разслушать. Потомъ, поклонившись мнѣ весьма учтиво оставилъ меня на единѣ съ своею дочерью подъ тѣмъ видомъ будто хочетъ разговаривать особенно съ двумя своими сыновьями.

Не весьма ли жестоко, сказала она мнѣ тогда, не токмо чтобъ мнѣ отказать въ своей помощи къ тому намѣренію, которое весьма впечатлѣно въ моемъ сердцѣ, но еще оправдать противъ меня причины моихъ родственниковъ. Нѣкоторые весьма много воспользовались тѣмъ, что вы ко мнѣ писали. О *Кавалеръ!* вы привлекли къ себѣ сердце *Генерала*, но не споспѣшествовали къ облегченію сердца сестры его. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не буду въ совершенномъ здравіи, естли мнѣ откажутъ вступить въ монастырь.

Вспомните, *Сударыня*, что совершенное возстановленіе вашего здравія зависитъ, по Богѣ, отъ спокойствія вашего разума. Не предавайтесь, я заклинаю васъ, тѣмъ мыслямъ, кои оной приводятъ въ смущеніе. Какая дочь, какая сестра можетъ положиться на любовь своей фамиліи, естли уже вы не можете? Вы видѣли сколь много ихъ благополучіе зависитъ отъ вашего здравія. Сумнѣваетесь ли вы въ семь свѣтѣ о силѣ той добродѣтели, коей вы уже оказали, скажу я къ стыду себѣ, столь славный опытъ что несчастной, которой отъ того страждетъ, принужденнымъ себя находить восхвалитъ оный.

О *Кавалеръ!* не говорите о себѣ, естли желаете чтобъ я была спокойна.

Я имѣю нужду, *Сударыня*, въ чрезвычайномъ усиліи, дабы удержаться отъ того въ сихъ случаяхъ; но позвольте мнѣ сказать еще хотя два слова о томъ же предметѣ. Вы требовали отъ меня самаго величайшаго доказательства безкорыстности, коему никогда не было примѣра. Я васъ заклинаю, дражайшая *Клементина*, для самихъ васъ, для чести вашего долга, и естли позвольте сказать, къ стыду моему, отдалить теперь то пріятное вамъ желаніе, кое стѣсняетъ ваше сердце.

Она, размышляя нѣсколько минутъ наконецъ сказала: я вижу ясно, Г. мой, что не должно ожидать отъ васъ никакой милости касательно сего обстоятельства. Пойдемте въ ближайшую аллею, гдѣ насъ не могутъ слышать.... Я имѣю, Г. мой, предложить вамъ другую прозьбу. Она не новая. Я уже нѣсколько о томъ вамъ упоминала въ одномъ изъ моихъ писемъ. Это не такая прозьба, которая бы пришла мнѣ на мысль безъ разсужденія.

Въ чемъ же состоитъ сіе требованіе, Сударыня?

Какимъ образомъ изъяснить оное? Однако я то сдѣлаю. Если вы желаете изгнать изъ моего сердца.... Она паки остановилась и я думалъ что она уже не вспомнитъ о томъ о чемъ хотѣла говоришь.

Если вы желаете возвратитъ мнѣ спокойствіе....

Сударыня!

Вамъ надобно жениться!... тогда уже Г. мой, ласкаюсь я твердо устоять въ моемъ рѣшеніи. Но выслушайте меня до конца. Вамъ надобно жениться на Англичанкѣ, а не на Италіанкѣ. *Оливія* безъ всякаго затрудненія перемѣнитъ для васъ законъ свой. Но не женитесь на *Оливіи*. Я думаю что вы не будете съ нею щастливы. Думаете ли вы что можете быть онымъ?

Я изъявилъ ей наклоненіемъ головы что одинакое имѣю съ нею мнѣніе.

Нѣтъ, нѣтъ, вы дѣйствительно не будете щастливы. Не дѣлайте такого выбору, которой можетъ обезчеститъ *Клементину*. Я имѣю гордое сердце. Пусть же не говорятъ, что человекъ, за коего *Клементина* желала выдти, унизилъ себя своимъ бракомъ.... Если вы женитесь, Г. мой, то можетъ быть мнѣ будетъ позволено быть въ числѣ тѣхъ, кои обѣщались васъ посѣтитъ въ Англіи. Моя невѣстка желаетъ въ сію минуту также быть притомъ. Ея супругъ ни въ чемъ ей не отказываетъ. Она легко можетъ его склонить ѣхать съ нею. Вы равно не будете имѣть затрудненія склонить Гжу. *Бемонтъ* паки ѣхать въ свою землю. Вы опять пріѣдете въ Италію съ нами, вы, ваша супруга, а можетъ быть и ваши сестрицы съ своими мужьями. И такъ мы составимъ одну фамилію. Если мнѣ въ прочихъ моихъ требованіяхъ отказано; то должно исполнить хотя сію прозьбу. Она зависитъ отъ васъ. Такимъ образомъ не желаете ли вы видѣть меня спокойною?

Удивленія достойная *Клементина*! Нѣтъ ничего въ свѣтѣ столь великаго, какъ вы. Вы способны ко всему что токмо есть благороднаго. Сія-то самая великость привлекаетъ меня къ вамъ....

Оставьте, оставьте сіи выраженія, *Кавалеръ*. Они чувствительнѣе меня трогаютъ нежели я того желаю. Я опасаюсь не должно ли укорять меня за притворство въ многихъ.... Но я повторяю что вамъ надобно жениться. Я до тѣхъ поръ не могу быть спокойна, пока вы не будете

женаты.... Когда не увижу я ни малѣйшаго вида.... Но не станемъ о томъ говорить болѣе. Сколько времени вы еще у насъ пробудете?

Естьли мнѣ не остается никакой надежды, Сударыня....

Ахъ, *Кавалеръ!* (отвратя лице свое отъ меня,) не употребляйте сихъ выраженій....

Чѣмъ скорѣе тѣмъ будетъ лучше.... Но ваши приказанія....

Я отдаю вамъ справедливость, Г. мой, [прервавши рѣчь мою]; но не сказала ли я вамъ, что я горда, *Кавалеръ?* Ахъ, Г. мой, вы уже давно его открыли. Гордость болѣе имѣетъ власти надъ женщиною нежели разсудокъ. Сядемте на минуту и я совершенное дамъ вамъ понятіе о моей гордости. Она сѣла на скамейку, а мнѣ приказала сѣсть подлѣ себя: я хочу говорить симъ древамъ, сказала она мнѣ, обратясь къ миртамъ насъ окружающимъ. „*Кавалеръ Грандиссонъ* долженъ ли узнать всю твою слабость, *Клементина?* Его состраданіе приведетъ ли его изъ своей земли для твоего подкрѣпленія. Принявши помощію Божіею рѣшеніе, достойное твоего свойства, сумнѣваешься ли.... что можетъ быть въ ономъ поколебима, и пожелаешь ли дать ему знать, что ты о томъ сумнѣваешься? Согласится ли онъ на столь продолжительное отсутствіе для испытанія твоей силы и придешь ли въ изнеможеніе отъ опыта; нѣтъ, *Клементина.*„

Потомъ обратясь ко мнѣ съ потупленнымъ взоромъ сказала: я возобновляю, Г. мой, всю свою благодарность за то великодушное состраданіе, коего я видѣла отъ васъ толико опытовъ. Злополучное мое состояніе подаетъ мнѣ къ тому можетъ быть нѣкое право. Я познаю въ томъ Дѣсницу Божію, которая можетъ быть восхотѣла наказать мою гордость и безъ роптанія тому покоряюсь. Я познаю также безъ всякаго стыда то одолженіе, коимъ я обязана вашей жалости и сохраню о томъ нѣжное воспоминаніе до послѣдней минуты моей жизни. Я желаю чтобъ вы вспоминали о мнѣ съ равною нѣжностію. Жизнь моя можетъ быть не долго продолжится: и такъ соглашаясь на ваши желанія и на желанія любезной фамиліи я оставляю тѣ намѣренія, кои имѣла вступить въ монастырь. Мнѣ остается еще надежда видѣть васъ въ Англіи въ томъ щастливомъ состояніи, о коемъ я говорила; а наипаче послѣ того въ Болоніи. Я васъ буду почитать изъ моей фамиліи; а себя изъ вашей. Въ сихъ предположеніяхъ и надеждѣ могу я согласиться на вашъ отъѣздъ. Естьли я буду жива, то сіе отсутствіе не долѣе мѣсяца продолжится. Не бодрственно ли я перенесла послѣднее ваше отсутствіе? И такъ я оставляю на вашу волю, Г. мой, тотъ выборъ, которой вы мнѣ предложили. Назначьте вы сами день. Сестра ваша *Клементина* возвратитъ васъ къ вашимъ сестрицамъ и къ своимъ. О Г. мой! [взглянувши на меня и примѣтя на лицѣ моемъ движеніе, которое я усиливался сокрыть] колико сердце ваше исполнено нѣжности! Сколь оно чувствительно въ соболѣзнованіи!... Но назначьте мнѣ вашъ день. Сія

скамья, отъ коей вы вскорѣ отъ меня отдалитесь, будетъ посвящена воспоминаніямъ о вашей нѣжности. Я буду ее посѣщать каждый день. Лѣтній зной, зимній холодъ ни мало мнѣ въ томъ не воспрепятствуютъ.

Гораздо лучше, удивленія достойная *Клементина!* гораздо надежнѣе какъ для одного, такъ и для другаго, или по крайней мѣрѣ для меня, чтобъ отъѣздъ не былъ вдаль откладываемъ. Позвольте чтобъ онъ былъ въ понедѣльникъ.

Въ Воскресенье въ вечеру, препроводивши весь день въ молитвѣ о здравіи, о благополучіи дражайшей моей *Клементины*, любезнаго моего *Иеронима*, и о всей ихъ фамиліи, я приду въ вечеру... естли вы мнѣ позволите.... я приду.... мнѣ не возможно было окончить моей рѣчи. Она не иначе мнѣ на то отвѣтствовала какъ пролитіемъ слезъ. Голова ея наклонилась на мое плечо. Движеніе ея чувствованій возвышало грудь ея; О *Кавалеръ!* и такъ должно растаться! подкрѣпи Боже наши силы!

Маркиза идучи тогда къ намъ, примѣтила изъ дали движеніе своей дочери, и страшась чтобъ она не впала въ обморокъ съ торопливостію подошла къ ней; она взяла ее въ свои объятія. Дочь моя! любезная *Клементина!* отъ чего ліются сіи слезы. Взгляни на меня, дражайшая моя.

Ахъ, *Сударыня!* день назначень! въ наступающей понедѣльникъ.... *Кавалеръ* оставитъ Болонію.

Какъ *Кавалеръ?* Не ужели вы такъ скоро съ нами разстанетесь? Любезная моя, мы получимъ отъ него

Я всталъ не сказавъ ни слова и вошелъ въ аллею которая была поперекъ той гдѣ были. Я пронзенъ былъ до глубины сердца. О *Докторъ Барлетъ!* толикая милость! для чего я столь чувствителенъ и толь часто подвергаюсь такимъ опытамъ, кои требуютъ гораздо болѣе силы!

Генераль, Прелатъ и отецъ *Марескотти* пришли ко мнѣ. Я разсказалъ имъ все между *Клементиною* и мною произшедшее. *Маркизь* идучи къ своей дочери, пришелъ съ торопливостію ко мнѣ выслушавши отъ нее то, что она ни говорила. Какъ могли вы подумать, сказалъ онъ мнѣ, отъѣзжать столь поспѣшно? Однако вы не уѣдете отъ насъ такъ скоро.

Дѣйствительно такъ, естли *Клементина* прикажетъ. Но естли она не пожелаетъ меня удержатъ своими приказаніями, то самый скорѣйшій отъѣздъ будетъ для меня полѣзнѣйшимъ. Я не могу снести толико милостей. Она обожанія достойнѣйшая изъ женщинъ.

Но общаетесь ли вы, сказалъ мнѣ *Генераль*, имѣть переписку съ моею сестрицею? Ни кто здѣсь тому не будетъ препятствовать. А поелику она изъявила уже вамъ свое желаніе видѣть васъ сочетавшимся бракомъ, то не можемъ ли мы ласкаться что вы также постараетесь внушить ей равное намѣреніе? Бракосочетаніе одного или другой произведетъ то дѣйствіе, кое она предполагаетъ себѣ получить чрезъ вашъ бракъ.

Боже милостивый! подумалъ я, не ужели почитаютъ они меня совершенно изъятимъ отъ всѣхъ человѣческихъ страстей? Я непрестанно сражался, вы это знаете, любезной *Докторъ*, даже и съ самими законнѣлыми моими мнѣніями, но не желалъ никогда преодолѣть тѣхъ нѣжныхъ чувствованій кои составляютъ славу нашего рода.

Вы требуете уже чрезвычайнаго, сказала молодая *Маркиза*, пришедши къ намъ съ своею свекровью. Какъ можете вы ожидать сего поступка отъ *Кавалера*?

Вы не знаете, *Сударыня*, сказалъ *Прелатъ*, вспооществуя предложенію своего брата что *Кавалеръ Грандиссонъ* въ состояніи сдѣлать для благополучія всей фамиліи.

Отець *Марескотти* будучи толико же нечувствителенъ хотя исполненъ благодушія сказалъ, что поелику *Клементииа* приняла рѣшеніе по вдохновенію Божію, то сей свѣтъ и всѣ ея *выгоды* не иное что для нее значатъ какъ единое мечтаніе; и что до послѣдней минуты своей жизни она пребудетъ непоколебима въ своихъ мысляхъ. Что прежде нежели отрекусь отъ всей надежды: я могу....

Нѣтъ, прервалъ рѣчь его *Маркизь*, я не потребую отъ него такой услуги. И обратясь ко мнѣ сказалъ: О? Естьлибъ великое оное препятствіе можно было уничтожить! Дражайшій мой *Грандиссонъ*, [взявши меня за руку] но можетъ.... Но я не осмѣливаюсь болѣе понуждать его къ тому. Естьлибъ онъ могъ то сдѣлать, то родные мои дѣти не были бы для меня толико драгоцѣнны, какъ онъ.

Вы весьма далеко простираете ко мнѣ любовь свою, Г. мой; вы воспаменяете во мнѣ сильнѣйшую признательность. Конечно не безъ затрудненія могу я удерживать, когда бываю съ нею, обязательство принятое мною дабы не понуждать ее быть моею супругою. Я увѣщевалъ ее, какъ вы то видѣли, соображаться съ желаніями своей фамиліи; и знаю все то, что они въ себѣ заключаютъ. Весьма вѣроятно, что естьли одинъ кто рѣшится на бракъ; то другой будетъ отъ того гораздо спокойнѣе; и я желалъ бы лучше слѣдовать примѣру нежели подавать оный. Вы увидите что мой отъѣздъ произвестъ можетъ: но ее не очень должно понуждать къ браку. Отъ сего можетъ возродиться въ ней прежнее желаніе къ монастырской жизни. Можетъ быть честь присоединится къ ея богопочитанію; и естьли ничего не окажете снисходительнаго ея желаніямъ; то она можетъ паки впасть во всѣ свои злощастія.

Они обѣщались послѣдовать моему мнѣнію, то есть, имѣть терпѣніе, во ожиданіи щастливѣйшаго успѣха отъ времени. Я ихъ оставилъ и возвратился къ *Иерониму*, коему сообщилъ о всемъ также и о назначенномъ днѣ къ моему отъѣзду. Съ какою нѣжностію ни старался я изъяснить ему сіе объявленіе, но его печаль показала мнѣ толико чрезвычайною, что чувствуя въ себѣ почти равную я принужденнымъ

нашелся выдти изъ его горницы съ торопливостію и возвратиться прямо на свою квартиру, дабы хотя нѣсколько успокоить свои мысли.

И такъ, любезной мой *Докторъ*, день совершенно назначень; и я ласкаюсь, что меня не стануть принуждать отмѣнять оный. Гжа. *Бемонтъ* уволить меня, я въ томъ увѣренъ, отъ возвращенія во Флоренцію. *Оливія* ничего не должна требовать. Я писалъ къ нимъ обѣимъ. Я намѣренъ ѣхать чрезъ Модену, Парму и Піаченцу. Гжа. *Сфорсъ* приказала меня просить, чтобъ я съ нею повидался. Я ласкаюсь, что она приметъ на себя трудъ пріѣхать въ Павію; иначе я безъ всякаго затрудненія проѣду въ Медіоланъ. Я обѣщался посѣтить ее прежде отъѣзда моего изъ Италіи. Но поелику она просила меня къ себѣ въ такое время, когда союзъ казался не весьма отдаленнымъ; то я предполагаю что теперь она не можетъ имѣть другой причины кромѣ единой учтивости. Впрочемъ я желаю токмо того, естли съ нею увижусь, чтобъ жестокая ея дочь притомъ не находилась.

[Примѣчаніе.] „*Кавалеръ* оставляетъ Болонію и Италію. Пропускаются здѣсь послѣднія его прощанія. Онъ видѣлся въ Пармѣ съ *Графомъ Бельведере*, котораго оставляетъ съ щастливою надеждою. Въ Медіоланѣ видѣлся съ Гжею *Сфорсъ*, о коей возъизмѣлъ весьма худое мнѣніе, и проч. Онъ писалъ къ Гжѣ. *Бемонтъ*, а наипаче къ Гжѣ. *Оливіи*. Сіе послѣднее письмо, исполненное добродѣтелию и благородствомъ, доставляетъ ему отвѣтъ весьма любопытной, но которой ни малѣйшаго не имѣетъ отношенія къ настоящей цѣли. Въ своемъ неистовствѣ *Оливія* даетъ знать, что благоразумные совѣты того человѣка, коего она обожаетъ, начинаютъ дѣлать впечатлѣніе надъ ея сердцемъ. *Кавалеръ* проѣзжаетъ чрезъ Парижъ, въ коемъ находитъ двоюроднаго своего брата *Еверарда Грандиссона*, которой будучи совершенно почти раззоренъ картежною игрою и другими невоздержностями, имѣетъ нужду въ его помощи столько же, сколько и въ его совѣтахъ. Онъ посѣяваетъ въ душѣ сего молодаго своевольца семена основательнаго обращенія.,,

„На конецъ нетерпѣливость его обрѣсти утѣшеніе, смущенному своему сердцу, въ разговорахъ любезнаго своего *Доктора*, принудила его отправиться въ Лондонъ.,,

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.